

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

П Р И

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

— 833 —

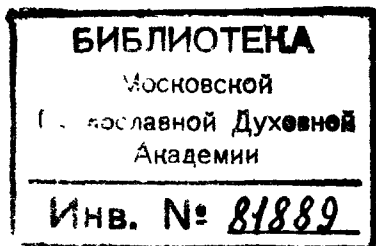
Томъ тридцать первый.

— 833 —

из Библиотечки
Саратовской Семинарии
ИЧ 4866

ТВОРЕНИЯ
ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО
НИЛА,
ПОДВИЖНИКА СИНАЙСКАГО.

— 636 —
Часть первая.

Святославъ 3. 4766

МОСКВА,
Въ типографіи В. Готье.
1858.

ВЪ МОНАХУ АГАФІЮ.

ОТДѢЛЕНІЕ 1.

ВВЕДЕНІЕ.

Г л а в а 1. Имѣя обычай, извѣстный и тебѣ, досточестнѣйшій Агафій, уклоняться, по большей части, отъ бесполезныхъ сходбищъ съ людьми скучными, и когда нужда заставляетъ выходить изъ дому, проводить время въ мѣстахъ наиболѣе тихихъ, и вчера прохаживался я за городомъ. И видѣ роши, и пріятное пѣніе стройно оглашающихъ ее птицъ, и чистое вѣяніе свѣжаго вѣтра, успокоивали меня подобно зыбкой колыбели. Въ это время идешь ко мнѣ ты, впрочемъ нерѣшительно, уподобляясь человѣку, который непрестанно, то припадаетъ на колѣно, то привстаетъ. По задумчивости моей заключилъ ты, что мое удивленіе (въ чемъ и дѣйствительная была правда) не даромъ. Этому безмолвно, разсуждалъ ты, непременно есть важ-

ная какая-нибудь причина: не бывает такого безмолвія безъ дѣла, если умъ не приведенъ въ самоуглубленіе чѣмъ-либо достойнымъ размышленія. Но замѣтивъ, что подаю тебѣ знакъ, и поджидаю тебя не безъ удовольствія, подлѣдши ты, привѣтствуешь меня, идешь со мною, и спрашиваешь о причинѣ моеи задумчивости; потомъ узнавъ, что занять и озабоченъ я изслѣдованіемъ вопроса, о которомъ пишу, берешь мою руку, подносишь къ устамъ, цѣлуешь, и улыбаясь весьма весело говоришь мнѣ: «а я вотъ принесъ тебѣ новую заботу, хочу указать предметъ, который стоитъ, чтобы о немъ написать, многимъ можетъ принести пользу, многихъ отъ успавшейся нынѣ роскоши обратить къ жизни цѣломудренной».

Г л а в а 2. Имѣя у себя достаточное по силамъ моимъ занятіе — псалмы, по какой-то алчности не упускать случая о чемъ-либо писать, не безъ заботливости спросилъ я у тебя, что же это за предметъ? что такое могло бы доставить пользу и нынѣшнимъ и будущимъ читателямъ? Широко распнула повсюду всеуловляющія сѣти суетность, всѣхъ она захватила, всѣхъ даже и безъ сѣти держитъ въ своей власти: какъ силки разставила кругомъ богатство, чины, господство, забавы, непристойныя наслажденія; каждый остается въ порабощеніи той страсти, къ какой суетность нашла его наиболѣе склоннымъ; она не только понуждаетъ его услуживать чреву, или другой какой тѣлесной потребности, но заставляеть еще сокровищ-

ницы свои наполнять несправедливо приобрѣтеннымъ имуществомъ, приневоливаетъ, когда другіе истаеваютъ отъ голода, тщательно сберегать худо накопленное, и сберегать, можетъ быть, для тѣхъ, которые не употребятъ сего во благо; почему собирающій осужденъ будетъ на сугубое наказаніе, и какъ обижавшій немощныхъ, вмѣсто того, чтобы имъ помогать, и какъ отнятымъ у нихъ приготовившій средство къ распутной жизни тѣмъ, которые при умѣренномъ достаткѣ могли бы перѣдко прожить цѣломудренно. Ибо изобиліе, возмозможностию тратитъ много увеличивая въ человѣкѣ привызанность къ наслажденіямъ испозволеннымъ, и постепенно доводя его до крайняго предѣла невоздержности, научаетъ велпчаться дѣламъ непристойными.

Г л а в а 3. Но ты сталъ съ жаромъ описывать мнѣ Перистерію, женщину, какъ гласитъ молва, знаменитую по сану, а какъ ты утверждалъ, еще болѣе знаменитую по душевнымъ добродѣтелямъ;— и ты перечислялъ въ ней множество высокпхъ добрыхъ качествъ, ся воздержаніе, нищелюбіе, непрестанное поученіе въ словесахъ Божіихъ, прплежную и умпленную молитву, щедрую расточительность имѣнія на нуждающихся, цѣломудріе даже во взорѣ и въ самомъ помышленіи, почтительную попечительность о скончавшихся странникахъ и убогихъ, сострадательность ко всѣмъ, по какой бы то ни было причинѣ, бѣдствующимъ, уваженіе къ богочестивымъ, заботливость о пріявшихъ на себя

жизнь плоческую , общительность съ ними въ потребномъ для нуждъ тѣлесныхъ, чтобы и ей, хотя супружеское иго препятствуетъ вмѣстѣ съ ними безмолвствовать и трудиться , участвовать однако же въ жизни ихъ, услуживая имъ въ необходимомъ для жизни , и тѣмъ , какъ ихъ освобождая отъ житейскихъ попеченій, такъ и себѣ удѣляя часть ихъ неразвлекаемаго ничѣмъ служенія Богу. — Пересказавъ же все это и еще большее , въ слѣдъ за тѣмъ сообщилъ ты, что часто, по кознямъ діавола, впадаетъ она въ искушенія и скорби , давая чрезъ это разумѣть, что подвигу ея есть сильный противоборникъ.

Г л а в а 4. Сначала недоумѣвалъ я, дѣйствительно ли въ нашемъ родѣ возможно пропзростать такому насажденію, о какомъ сказываешь ты; у насъ, говоря по сущей правдѣ, вмѣсто деревъ садовыхъ и плодовыхъихъ, наполнено все безплоднымъ и дикимъ лѣсомъ; и въ немъ растутъ и зеленѣютъ новыя вѣтви ; онъ незыблемо стоитъ , держась глубоко пущенными въ землю корнями, необъятно въ ширину раскинулъ длинныя сучья , и покрытый густыми листьями даетъ такую тѣнь, что лучу доброй мысли никакъ уже не согрѣть никогда глубину сердца, омраченную грѣломъ , проникнувшимъ собою дѣла наши. Потомъ обдумавъ и признавъ излишнимъ, довѣдываться въ точности, есть ли такой человекъ на землѣ , или и нѣтъ подобнаго , съ готовностію приступилъ я къ сочиненію , увѣрившись, что предметъ полезенъ самъ по себѣ , хотя

бы и не нашлось никого, подтверждающего это своими дѣлами. Ибо, когда слово въ свою пользу имѣеть свидѣтельство въ самомъ существѣ дѣла, тогда убѣждаетъ оно скоро, и слушателя къ удовольствію въ доказываемомъ безъ всякаго примѣра приводитъ истинность и основательность доказываемаго, не давая возможности противорѣчить даже и крайне привыкшему къ прекословіямъ.

Г л а в а 5. Какъ никто не сомнѣвается, что и на облачномъ небѣ есть солнце, и совершаетъ свое теченіе, что и въ зимнее время заключается въ растеніи плодъ; потому что достойнымъ уваженія учителемъ имѣеть онъ для себя предшествующій опытъ: такъ и прекрасное всѣ безпрекословно признають прекраснымъ. Хотя худій навѣкъ поддерживаетъ, по видимому, въ душѣ привязанность къ дурному; однако же совѣсть стыдится съ упорствомъ уклоняться отъ признанія истины, гнуснымъ и крайне предосудительнымъ для себя почитаетъ оспаривать очевидное. Разсудилъ я и съ другой стороны: что для кого-либо возможно было древле, то и нынѣ возможно для желающихъ; потому что одно и то же естество и тогда было, и теперь продолжаетъ быть, во всѣхъ одинаковымъ, и не даетъ благовиднаго предлога ссылаться на безсиліе тѣмъ, которые, по собственному долговременному навѣку не дѣлать ничего, служащаго къ пользѣ, почитаютъ невозможными преспѣванія въ добродѣтели мужей и женъ жившихъ древле. Не призналъ я основательнымъ во все не вѣрять, что

возможно кому-нибудь возбудить въ себѣ рѣшимость къ соревнованію онимъ блаженнымъ въ строгомъ по закону житіи, и произращать плоды добродѣтели; потому что сила естества, какая была въ нихъ, достаточна къ тому, чтобы и отъ застарѣлаго пня произвести новыя и цвѣтуція отрасли.

Г л а в а 6. Если Нойъ изъ всего современнаго рода, осужденнаго на конечную гибель въ потопѣ и всецѣло истребленнаго потопными водами,—однѣмъ оказался благоугодившимъ Богу; если среди варваровъ, по долговременному навыку коснѣвшихъ въ беззаконіи, какъ бѣлая шлія среди разросшихся всюду терній, возникъ правдивѣйшій и истинный человѣкъ Іовъ; если и Содомская страна, сожженная молніеноснымъ огнемъ, имѣла въ себѣ удостоившагося Божіей милости страннолюбца Лота; если различныя времена произвели и Раавъ, и Девору, и Есфирь, и Іудифь, Фиву и Прискилу, Серну и Лидію, и многихъ другихъ; если во всякомъ родѣ отличался кто-нибудь житіемъ, вновь живописуя въ себѣ свѣтлыми красками изглаженный временемъ образъ естественнаго благородства, чтобы, совершенно и въ конецъ угаснувъ, начало древняго добраго житія не заставило признавать вовсе невѣроятнымъ и того, что писано о жившихъ хорошо; то не странно ли будетъ отрицать, что, какъ въ другія времена были подобные люди, такъ и нынѣ (хотя по причинѣ преобладающаго обольщенія, кажется сіе несбыточнымъ) найдется такая душа, которая добрыми своими дѣлами

засвидѣтельствуешь сродство свое съ оными древними, и украшается преимуществами, какія исчислены тобою, о любезная глава?

ОТДѢЛЕНІЕ 2.

О ВОЗДЕРЖАНІИ.

Г л а в а 1. Прекрасно воздержаніе — это начало и основаніе всѣхъ прочихъ добродѣтелей; потому что тѣло, какъ молодого рѣзвато коня, укрощаетъ и приучаетъ оно къ благочинію, постепенно усмиряя, сокращая игривость скудостию, обуздывая и дѣлая скромными тѣ страсти, которыя роскошь доводитъ до упрямства и необузданности, такъ что онѣ бьютъ ногами, рвутся изъ рукъ, въ большія затрудненія поставляютъ браздодержца — разсудокъ, и онѣ едва уже бываетъ въ силахъ удерживать и, куда угодно ему, направлять стремительные ихъ порывы. О семъ-то, кажется, Екклесіастъ преподастъ урокъ всѣмъ людямъ, когда, бесѣдуя съ тѣломъ, которое прежде, при умѣренномъ образѣ жизни, было кротко и благопокорно, говоритъ: *прииди убо, да ты испыту въ веселіи* (Еккл. 2, 1.); и дознавъ, что опытъ не удаченъ, съ трудомъ уже владѣя тѣми движеніями плоти, которыми прежде владѣлъ удобно, обращаетъ рѣчь къ

утучняющему животную нашу часть веселію: *что сіе твориши* (2)? Противъ обычая, къ чему бы не хотѣлъ я, влечешь ты произволеніе, восхитивъ сердце, тобою угнетаемое и какъ бы улаждаемое нѣсколько, нопшъ его по стремнинамъ, по краямъ пропастей и безднъ, частію отказывающійся, и частію соглашающійся, разсудокъ безъ принужденія заставляешь избирать дѣла постыдныя, не протпвъ собственной его волн, самочинствуешь надъ нимъ, п онъ не безъ удовольствія терпитъ твое самоуправство.

Г л а в а 2. Ибо таковы вступающіе въ борьбу съ улаждающимъ, встающіе противъ пріятнаго, чтобы не отдаться ему въ плѣнъ. Тому и уступаютъ они, противъ чего встаютъ; на то и соглашаются, противъ чего, повидимому, спорятъ; тѣмъ и увлекаются, чему противятся; къ тому и бѣгутъ, чего не хотятъ; къ тому и спѣшатъ съ увлеченіемъ, что признаютъ враждебнымъ; иногда, хотя и крѣпко ихъ держать, убѣгаютъ, а иногда, хотя и непріятно имъ это, сами сдаются; въ иномъ случаѣ идутъ по принужденію, а въ иномъ бѣгутъ охотно; соглашаются какъ бы не по собственному изволенію, и съ намѣреніемъ уступаютъ надъ собою побѣду, произвольно терпятъ поражение, и какъ бы не зная этого, радуются сему. И вѣроятно объ этомъ именно говоритъ Павелъ: *соулаждаюся закону Божію по внутреннему челоуьку: вижду же иль законъ во удѣхъ моихъ противу воуюющъ закону ума моего, и плняющъ мя за-*

копомъ грѣховнымъ , сущимъ во удѣлахъ моихъ (Рим. 7, 22. 23.); и еще не еже хощу, сіе творю: но еже ненавижду, то содѣловаю (15). Говоря же это , Апостоль недопускаетъ , что законъ грѣховный врожденъ , и не учитъ , что владычество плотскаго мудрованія полномочно. Ибо въ такомъ случаѣ всѣмъ человѣкамъ должно быть рабами грѣха , и не имѣть никакой возможности свергнуть съ себя иго его; знаемъ же , что теперь , кто хочетъ , не только свободенъ отъ сего мудрованія , но даже порабощаетъ тѣло , господствуетъ надъ страстями , и самымъ дѣломъ доказываетъ самовластіе воли въ избраніи свободы , или рабства.

Г л а в а 3. Пока пища утучняетъ тѣло; встаетъ и самовластвуетъ плотское мудрованіе , узаконя подвластнымъ , что ему угодно. Но какъ скоро оно смирено умерщвленіями , и жестоковѣйность тѣла рабски подчиняется и убѣждается покорствовать лучшимъ законамъ ; тогда не вовлекаетъ уже оно разсудка въ погибель , но скорѣе само приводится имъ къ спасительной благопокорности. И въ этомъ каждый самъ себѣ свидѣтелемъ , зная , о чемъ помышлять принуждаетъ пресыщеніе чрева , и о чемъ разсуждать совѣтуетъ скудное насыщеніе. Одно возбуждаетъ къ непомѣрнымъ пожеланіямъ , а другое сокращаетъ и пожеланія умѣренныя , и если когда ревутъ они звѣрски , укрощаетъ , приводитъ въ покорность , и громкимъ , всюду раздающимся , гласомъ взываетъ сказанное Богомъ Іову: *се звѣріе у тебе , траву аки волове ядятъ* (Іов. 40, 10.),

означая симъ, что страсти свою звѣрскую жестокость премѣнили на состояніе скотское и подчиненное, и укрощены на время, хотя и кажутся еще дышущими, а у иныхъ и совершенно преданы смерти, умерщвленные воздержаніемъ.

Г л а в а 4. Такъ Іаилъ убилъ Сисарру челюстію, умертвивъ враждебныя мудрованія; потому что челюсть не доставляетъ уже страсти питающаго ее въ изобиліи, но съ умѣренностію даетъ ей, сколько необходимо, потребное къ поддержанію жизни, такъ что представляется она существующею въ возможности, но не существующею по самодѣятельности. Такъ Сампсонъ ослиною челюстію поразилъ Филистимлянъ; а иначе, можетъ быть, онъ не былъ бы въ состояніи сдѣлать сего, если бы не овладѣлъ этою оказывающею услуги гортани и чреву челюстію, захвативъ ее дѣятельностію руки и какъ бы сжавъ горстію, то есть, заключивъ въ тѣсныя предѣлы, чтобы неразсѣвалась обольстительностію и ненасытностію вождедѣній; потому что служительницею и помощницею чрева природа содѣлала челюсть, которая грызущими зубами, какъ кирками, раздробляетъ снѣди, а корневыми зубами, какъ настоящими жерновами, измѣлчаетъ ихъ, и гортанью, какъ водопроводною трубою, готовую уже пищу пересылаетъ въ это ненаполняемое море — чрево, и тѣмъ провозглашаетъ сказанное Соломономъ: *все потоцы идутъ въ море, и море пьетъ насыщаемо* (Еккл. 1, 7.). И чрево, и море — одно и то же; и то и другое ненасытно

зіяють поглотити вливающіеся потоки, и входящее въ нихъ истребляютъ, одно перевариваніемъ, а другое осоленіемъ, и снова алчуть иной пищи, никогда не замыкають зѣва, не утоляютъ алчности непрестаннымъ и непрерывнымъ вліяніемъ.

Г л а в а 5. Поэтому прекрасно воздержаніе; оно подавляетъ до чрезмѣрности надмѣвающую воспалительность страстей, сколько надлежитъ, смиряетъ и успокоиваетъ ихъ волненіе, утишаетъ бурю порывистыхъ вѣтровъ среди жизни роскошной, безвѣтріемъ жизни скудной обуздывая, укропая и въ благоотиніе приводя взволнованное. И хотя при недостаткѣ служащаго къ наслажденію удобіе какъ-то овладѣвать по немногу чревомъ (ибо чего нѣтъ, не столько раздражаетъ, какъ то, что есть, и видомъ своимъ возбуждаетъ желаніе въ алчущемъ); однако же воздержаніе при избыткѣ всего служащаго къ жизни роскошной, когда это отвсюду обильно стекается и скопляется, заслуживаетъ похвалу, какъ высокое любомудріе, если только не подастъ сіе повода тунеядцамъ подозрѣвать при избыткѣ въ скупости и очернять сіе похвальное дѣло осужденіемъ въ низости сердечнаго расположенія. Одинаково трудно — наполненное водами море и волнующуюся глубокую пучину перейти какъ по суху немокренными стопами, и провести строго правильную жизнь, довольствующуюся самымъ скуднымъ содержаніемъ, и съ одной стороны ненаводняемую ни однимъ пожеланіемъ, тогда какъ съ другой стекаются къ ней всѣ удобства къ

Г л а в а 2. Кто желаетъ славы (что впрочемъ неразумно), тому должно ждать, чтобы слава сама послѣдовала за дѣломъ , а не предварять ее самовольно, трубя о сдѣланномъ и домогаясь должной за сіе почести. Ибо Изрекѣній: *да просвѣтитъ ся свѣтъ вашъ предъ людьми*, повелѣлъ дѣлу вопіять о себѣ, а не дѣлающимъ провозглашать о немъ, чтобы и добродѣтель была славна, и намѣреніе не было укоризненно, избравъ доброе, не ради чело-вѣческой славы, но ради награды отъ Бога , если не достигло оно того предѣла совершенства, чтобы не имѣть нужды и въ послѣдней; потому что свя-тое дѣло избирать доброе не ради чего инаго , но ради самаго добра. Послѣднее состояніе свойствен-но сынамъ , а первое — наемщикамъ ; и хотя оно выше состоянія рабовъ , потому что рабы дѣла-ютъ все изъ страха наказанія, однако же дѣлать не изъ любви къ добру , но въ ожиданіи награды — ниже состоянія сыновъ. Кто съ вождельніемъ бе-рется за дѣло ; тотъ любимое сіе дѣло вмѣняетъ себѣ въ наслажденіе, въ самомъ трудѣ находя удо-вольствіе и самое утомленіе ради возлюбленнаго имъ почитая воздаяніемъ и преимущественною на-градой. Легко и удобно все дѣлаемое съ любовью, хотя бы оно было и крайне затруднительно; пото-му что расположеніе къ сему дѣлающаго скрады-ваетъ трудность и уравниваетъ негладкости для удобнаго исполненія. Усердіе всегда препобѣжда-етъ обременительность труда , ставъ выше всѣхъ неудобствъ въ дѣлѣ , а сопровождающимъ оное

удовольствіемъ ослабляя ощущеніе трудности, такъ что трудъ дѣлается болѣе пріятностію, нежели трудомъ, и мнимое неудобство доставляетъ радость.

Г л а в а 3. А что злокозненныя страсти во многихъ умерщвлены, и совершенно умерли, даетъ сіе видѣть великій Павелъ, во первыхъ себя самого представляя въ примѣръ, а потомъ и другимъ предписывая тоже, въ чемъ самъ преуспѣлъ, и доказывая опытомъ, что сіе возможно, потому что сдѣлано уже имъ. Ибо говоритъ: *Христови сраспяхся: живу же не къ тому азъ* (Гал. 2, 20.); непоползованность къ страстямъ называетъ онъ смертію своею, и сіе же умерщвленіе, какому подвергъ себя, предписываетъ всѣмъ: *умертвите удоу вашиа, яже на земли, блудъ, нечистоту, студодѣяніе, страсть, похоть злую* (Кол. 3, 5.). Какъ воздержаніемъ ослабляются склонности тѣла къ чему-либо подобному, такъ разсудкомъ обуздываются безвременныя его устремленія. Должно же, по словамъ одного вишняго мудреца, не ошейникъ только сдѣлать твердымъ, но и пса тощимъ, чтобы его можно было влечь, потянувъ слегка, а не самъ онъ укрѣпившись могъ влечь, куда ему угодно.

ОТДѢЛЕНІЕ 4.

О ЧТЕНІИ И МОЛИТВѢ.

Г л а в а 1. Въ сравненіи съ сказаннымъ не мѣ-
нѣе, лучше же сказать, еще болѣе прекрасны чте-
ніе и молитва; потому что значительно и весьма
много содѣйствуютъ жизни цѣломудренной. Какъ
скоро умъ, при помощи чувствъ, ознакомится съ
образами предметовъ чувственныхъ, принявъ въ
себя чрезъ чувства и очертанія, и цвѣтъ, и величи-
ну вещей видимыхъ; тогда, и во время успокоенія,
привыкнетъ востановлять ихъ представленія, обра-
зуя въ памяти множество предметовъ, частию без-
полезныхъ, а частию и крайне вредныхъ, и возбуж-
дая въ себѣ неумѣстный мятежъ помысловъ, такъ
что въ умѣ не останется и возможности возбудить-
ся какой-либо полезной мысли, но утѣсненъ онъ
будетъ множествомъ напередъ занявшихъ уже его
понятій, и заграждающихъ входъ понятіямъ сте-
пеннымъ и полезнымъ. Поэтому прекрасны мо-
литва и чтеніе; они прекращаютъ суетное скитаніе
мыслей, связуя помыслъ кружащійся, надъ чѣмъ не
должно, и съ пользою удерживая его при себѣ ни-
мало не развлекаемымъ въ семъ прекрасномъ за-
нятій. И подлинно, что равно или подобно сему—
насыщать разумъ словесами Божиими, усладять
его созерцаніями, заключающими въ себѣ безпри-

мѣсную пріятность и навсегда остающуюся пользу, когда сказаніями о мужахъ древнихъ путево- дится умъ къ соревнованію ихъ добродѣтели, съ нихъ впечатлѣваетъ въ себѣ спасительный образъ благочестнаго житія, и окрпляемый созерцаніями, воспаряетъ до божественнаго веселія, и отрѣшае- мый отъ сопребыванія въ дольномъ, возводитъ взоръ горѣ къ небесному, восходитъ къ самому блаженному естеству, и сколько можетъ пребывать въ семъ состояніи, вкушаетъ то наслажденіе, ка- кое вкушаютъ Серафимы, непрестанно окружающіе престоль.

Г л а в а 2. Но молитва, можетъ быть, въ отно- шеніи къ пользѣ имѣетъ въ себѣ и нѣчто большее; она пріуготовляетъ къ собесѣдованію съ Богомъ, и долговременнымъ навыкомъ вводитъ съ Нимъ въ содружество, потому что нѣкоторымъ образомъ производитъ и соблюдаетъ въ насъ добрыя рас- положенія къ Богу, Который и ничтожныхъ людей пріемлетъ въ любовь, и не стыдится дружествен- наго сближенія съ ними, пока пребывающая въ нихъ любовь даетъ имъ дерзновеніе. Ибо, если ра- бовъ простирающихъ виды на господство, и въ горделивой кичливости замышляющихъ сохранить довѣренное имъ полномочіе, утверждаютъ въ этой надеждѣ полученные ими прежде залого благово- ленія; то кольми паче въ живущихъ хорошо увел- чиваетъ дерзновеніе предъ Богомъ ихъ житіе, со- гласное съ опредѣленіемъ и изволеніемъ Самого Бога, Который, не только требуетъ рабскаго тре-

пета, производимаго страхомъ, сколько любить спокойное дерзновеніе, внушаемое любовію.

Г л а в а 3. Чтеніе содѣлало, что *муринъ евиуэхъ* наименованъ *мужемъ* (Дѣян. 8, 27.): оно сподобило его встрѣчи съ Апостоломъ, указало ему путь къ познанію Христа, и привело къ благодати крещенія. Чтеніе — законъ и древнее предписаніе. Моисей говоритъ: *поучайся спды въ дому твоёмъ, и иди путемъ, и лежа, и востая* (Второз. 6, 7.), большую часть времени удѣляя на прилежное занятіе словомъ Божіимъ для упражненія душевныхъ силъ, малую же нѣкую часть оставляя на крайне необходимое употребленіе тѣлу; поставивъ для себя правиломъ, иначе услуживать госпожѣ, и иначе рабѣ, попеченіе о первой распространяя на продолжительное время, а занятіе для послѣдней соразмѣряя съ требуемою обстоятельствомъ нуждой, чтобы и въ этомъ душа явно имѣла преимущество, а тѣло нимало не величалось равночестіемъ съ душою, и не имѣло благовиднаго предлога присвоить себѣ равныя съ нею права. Чтеніе прежде всего ублажается въ псалмахъ, и именуется обильнымъ орошеніемъ разума для плодоношенія добродѣтели. Кто *въ законъ Господнемъ* поучается *день и ночь*, тотъ блаженъ, тотъ подобенъ дереву, насажденному *при исходицахъ водъ* (Псал. 1, 2. 3.), до благолѣпія украшенъ лпствіемъ—досточестною тихостию нрава, и въ тайнѣ исполненъ плодовъ благочестія: потому что всегдашнее поученіе, какъ нѣкое непрестанно вкушаемое питіе,

дѣлаеть его всегда цвѣтущимъ , и естественнымъ образомъ вмѣстѣ съ видимымъ возвращаетъ и сокровенное.

Г л а в а 4. Какъ листья служатъ покровомъ и украшеніемъ растенію, и охраненіемъ плоду: такъ благоговѣнное состояніе и тѣло дѣлаеть досточестнымъ, и внутрь души сокрытыя красоты приосѣняетъ скромностію, соблюдая плодъ дѣлателью и охранителю Богу, и не позволяя прикасаться къ нему губительнымъ звѣрямъ. Ибо тщеславіе *есть вебрь отъ дубравы, и уединенный дивій* (Псал. 79, 14.), и ногами и зубами губить насажденіе, если не окружаетъ его ограда смиренномудрія, и не защищаетъ отъ нашествій тщеславія. И таковы преимущества поученія въ словесахъ Божіихъ; оно уничтожаетъ всякое срамное и вредное представленіе, начертываетъ на картинѣ священнолѣпные образы, дѣлаеть, что душа хранитъ въ себѣ достойные Бога памятники. А молитва отрѣшаетъ умъ отъ всякаго помышленія о чувственномъ, возводитъ къ самому надъ всѣми сущему Богу, чтобы съ Нимъ собесѣдовать и у Него съ дерзновеніемъ испрашивать все, что угодно; и такимъ образомъ дѣлаеть, что человѣкъ проводитъ жизнь въ чистотѣ, какъ бывшій уже въ общеніи съ Богомъ, и вскорѣ потомъ снова готовящійся къ сему общенію.

Г л а в а 5. Посему Павелъ учитъ *пребывать въ молитвѣ* (Рим. 12, 12.), продолжительнымъ пребываніемъ утверждая въ себѣ навыкъ; и еще по-

всѣваетъ *творить молитвы на всякомъ мѣстѣ* (1 Тим. 2, 8.), чтобы ни одинъ нерадивый къ молитвѣ не могъ извиняться тѣмъ, что живетъ далеко отъ молитвеннаго храма. Всякое мѣсто пригодно для молитвы, потому что чистота святилища не принесла ни малой пользы Иудеямъ, которые приступали къ молитвѣ съ оскверненными руками, и чистый храмъ сквернил мерзкими дѣлами. Какъ отъ молящихся такимъ образомъ, хотя молятся они въ самомъ святилищѣ храма, тщательно объемя очистилище, и руки свои соплетая съ крылами Херувимовъ, отвращается Богъ, глушаясь ими, какъ нечестивыми, и говоря: *егда прострете руки ваша ко Мнѣ, отвращу очи Мои отъ васъ: и аще умножите моленіе, не услышу васъ: руки бо ваша исполнены крове* (Иса. 1, 15.): такъ приѣмлетъ Богъ призывающихъ Его съ чистымъ сердцемъ и праведными дѣлами, и всячески выслушиваетъ моленіе ихъ, взирая на расположеніе, хотя бы мѣсто, гдѣ приываютъ Его, по нашему мнѣнію, ничѣмъ не отличалось.

Г л а в а 6. Такъ Корнелію, молившемуся въ языческомъ домѣ, когда храмъ не утратилъ еще своей досточтимости, Ангелъ пришедши сказалъ: *молитвы твоя и милостыни твоя въздоша на память предъ Бога* (Дѣян. 10, 4.),—*воздоша*, не несомнѣнною святостію храма воспользовавшись для сего восхожденія, но на крылахъ благаго намѣренія воспаривъ прямо къ Тому, Кто пріялъ ихъ съ благоволеніемъ и милостиво. Такъ молитва Іоны,

на полныхъ вѣтрялахъ устремившись изъ глубины къ небу , достигла Божія слуха , и не обуревалась великимъ волпеніемъ водъ , тогда какъ молитва Фарисеева потерѣла крушеніе во храмѣ , и погрязла въ водахъ , потопленная со всѣмъ грузомъ ; потому что не могла держаться на волнахъ и удобно плавать , переполнившись водою , не въ силахъ была изникнуть изъ водъ отъ тяжести горделиваго мудрованія , когда и посѣ ладіи погрузился въ воставшихъ высоко волнахъ кичливости и высокомерія , и корма залита была ими . Молитва , въ пещи сопровождающая трехъ отроковъ , заставляетъ пламень обратиться въ бѣгство и внѣ пещи отыскивать тѣхъ , которые умыслили зло противъ юношей . Ибо огонь мѣсто свое въ пещи уступивъ молитвѣ , и оставивъ угли лишенными попяляющей силы , открылъ себѣ обширную пажить , и пожегъ находившихся около пещи Халдеевъ ; внутри пещи удержалъ опъ свою дѣйственность изъ уваженія къ тѣламъ облеченнымъ молитвою , а внѣ ея показалъ свою дѣятельность на тѣлахъ , какъ на веществѣ утломъ и сухомъ . Молитва содѣлала воздержными львовъ , томимыхъ голодомъ во рву . Чрево ихъ сътовало на седмидневное лишеніе пищи , но молитва убѣдила , по предложеніи готовой сѣди , пребыть въ любомудренномъ терпѣніи ; львы избрали лучше перенести мучительность голода , нежели причипить обиду отданному имъ святому Данилу , котораго на такую смерть осудили незаконные варвары — эти люди , оказавшіеся свирѣпѣйшимъ

звѣрей , неумолимѣйшимъ въ сравненіи съ кровожадными, и въ тоже время обличеніе неправды своей напедніе въ правдивости львовъ , которые по естественному суду спасли Данила , осужденнаго ими на бѣдственную и самую жалкую смерть.

Г л а в а 7. Молитва Илію почтила богоподобіемъ, не только въ томъ, что восхищенъ онъ на небо, подъятый четырьмя конями на огненной колесницѣ, такъ какъ земля стала недостойною его пребыванія на ней, и справедливость требовала обитать ему въ эфирѣ и въ самомъ небѣ, но и въ томъ, что словомъ приводилъ онъ въ повиновеніе тѣ стихіи, которыя словомъ Создателя приведены въ бытіе; однажды низвелъ небесный огонь на жертвы назначенныя во всесоженіе: въ другой разъ поразилъ молніею военачальниковъ Охозіи; а въ иное время властнымъ словомъ заключилъ небо, на три года и шесть мѣсяцевъ лишилъ плодоношенія землю, воспретилъ обычное произрастаніе всякой травы, какое, по истеченіи извѣстнаго времени, производилось Божіимъ повелѣніемъ, естественно истекавшимъ изъ повелѣнія первоначальнаго. И стихіи отъ немедленнаго повиновенія не удержалъ ни малѣйшій знакъ Божія негодованія, по которому можно было бы видѣть, что Пророкъ по неразумію въ самозабвеніи отваживается на нѣчто превышающее собственное его достоинство; напротивъ того со всѣмъ тщаніемъ служилъ онъ Пророку, какъ другу Сотворшаго, Который даетъ повелѣнія слугителямъ друга, какъ своимъ собствен-

нымъ, — служили, справедливо убѣдившись, что равно обязаны подобострастно оказывать всякую услугу и Богу и другу Божию; потому что, по словицѣ, у друзей все общее, и одинаковую имѣютъ они власть надъ принадлежащимъ тому и другому, по причинѣ любви уравнивающей преимущества при различіи достоинствъ и узаконяющей равеностіе.

Глава 8. Молитва Моисеева раздѣлила море, содѣлала, что небо пропзрачало манну, изъ сухаго камня извела потоки водъ, и воздѣяніемъ рукъ цѣлый народъ, вступившій въ брань, обратила въ бѣгство. Молитва Елиссеева на цѣлое воинство наложила слѣпоту, и пришедшихъ погубить Пророка отвела плѣнниками; не только не въ состояніи были они учипить замышленное ими зло, но даже не могли помочь сами себѣ, потому что вмѣстѣ съ помогающимъ тѣлу зрѣніемъ приведены были въ бездѣйствіе и оружіе и руки. Всего помощіе слѣпоты; она не въ состояніи причинить обиду тому, кого не видитъ, и невозвратно терпитъ обиду, потому что не видитъ также нападающаго, и не можетъ отмстить ему. Посему обычаи лишенныхъ очей справедливо наименовалъ убогими, потому что тѣлесныхъ членовъ своихъ не могутъ употреблять, на что имъ угодно, хотя силою и крѣпостію превосходятъ даже тѣхъ, которые со всѣмъ прилежаніемъ упражнялись въ тѣлесныхъ подвигахъ. Молитва Петрова разрѣшила узы, отверзла двери темницы, отворила почью желѣзные врата. И когда

Павель съ Симою молишсь въ *полунощи* (Дѣян. 16, 25.), потряслась темница, въ одно мгновеніе спали со всѣхъ узы, возсіялъ въ зданіи внезапный свѣтъ, и темничнаго стража содѣлалъ просителемъ строготомаго, заставляя припасть къ погамъ и молить о спасеніи, убѣдилъ, отложивъ безумную страсть къ корысти, позаботиться о пользѣ душевной, послѣ великаго навыка мучить привелъ внезапно въ великую кротость. Стражъ пересталъ ежедневный свой доходъ вымучивать бичами, облагать данію жалкихъ узниковъ, собираемое подаяніемъ — это горькое утѣшеніе пазывая своею десятипой, и бѣднымъ прибавляя повья ничѣмъ не облегчаемыя бѣдствія, пересталъ уже налагать цѣпи на шею, узы на ноги, связывать руки, заключать въ непроницаемую тму, увеличивая тѣмъ проклятый свой доходъ, какой соглашался доставлять ему каждый бѣднякъ, предпочитая лучше истаевать голодомъ, нежели переносить злостраданіе въ узахъ и тмѣ.

Г л а в а 9. Всему этому вдругъ обучился темничный стражъ; немедленно показалъ опъ состраданіе къ узникамъ; страхъ чудеснаго землетрясенія содѣлалъ его совершенно инымъ. Ибо какъ скоро, во время молитвы Апостоловъ, поколебались основанія темницы, возсіялъ въ здапн свѣтъ, *ослабша встѣмъ юзы, отверзошася двери вся*; темничный стражъ, который одинъ беззаботно спалъ, когда всѣ узники отъ тяжкихъ у каждаго заботъ пребывали въ бодрствованіи, *возбуждся, и прогнвъ свѣщци вскоци, и трепетенъ бывъ припаде*

къ ногамъ Апостоловъ, говоря: *господіе, что ми подобаетъ творити, да спасуся* (Дѣян. 16, 26—30.)? Господами называлъ и владыками наименовалъ тѣхъ, которыхъ прежде чуда устрашалъ, безъ сомнѣнія, суровымъ взглядомъ и грубымъ голосомъ, называя преступниками, осужденными, достойными казни; припадалъ къ ногамъ, которыя *заби въ кладь*; великими почестями преклонялъ на милость тѣхъ, которыхъ, *всадивъ во внутреннюю темницу*, заключилъ во тмѣ; и чествовалъ ихъ потому, что молитва необычайнымъ образомъ вполнѣ обнаружила достоинство оскорбленныхъ заключеніемъ въ темницу по подозрѣнію въ злыхъ дѣлахъ. Однимъ словомъ, велика сила молитвы! Но ради скучающихъ и неохотно выслушивающихъ длинныя повѣствованія, хотя они и полезны, умолчу о многомъ. Самъ Господень человѣкъ, Господь всего, возимѣлъ нужду въ молитвѣ, когда ожидалъ нашествія Іудеевъ и креста, или находился въ подвигѣ; потому что воистину былъ человѣкъ, такъ какъ понесъ на Себѣ и иныя многія человѣческія немощи, увѣряя тѣмъ въ Своемъ домостроительствѣ, или научая людей во всякое время прилежно молиться. Ибо не теперь только, когда приблизилось время страданій, по необходимости молится, но многократно дѣлаеть это и во время безопасности, паединѣ молясь на горѣ, чтобы мы научились, и прежде скорбеи, и въ самыхъ скорбяхъ, пребывать въ молитвахъ, которыя могутъ уничтожать затруднительность представляющихся опасностей и преж-

де искушеній вполнѣ благоугодить Тому, Кто въ нуждахъ отвращается отъ предающихся безпечной разбѣянности, какъ будто никогда не будетъ имъ необходима помощь.

Г л а в а 10. Посему-то и Апостоламъ сказалъ Господь: *молитесь, да не ввидите въ напасть* (Лук. 22, 40.), зная, что добровольная молитва прежде искушенія преклопаетъ помощника Бога во время нужды исполнять скоро прошенія издавна умоляющаго просителя, и долговременностию приобрѣтшаго право получить просимое. Ибо, если неправеднаго судію, который ни Бога не боялся, ни людей не срамился, неотступная постоянность вдовы припудила оказать ей согласную съ справедливостию защиту (Лук. 18, 3.), и если славнаго друга, когда дверь была уже затворена, и онъ отказывался дать хлѣба по обычной снѣщимъ лѣности, неотступность и пастойчивость заставили удовлетворить потребности (Лук. 11, 5—8.); то чело-вѣколюбиваго Бога непрестанная молитва не заставитъ ли благоволительно снисзойдти на всякое прошепіе? Ибо невозможно умолчать о томъ, что Богъ готовѣе людей на благодѣянія. И Господь говоритъ въ одномъ мѣстѣ: *кто есть отъ васъ человекъ, его же аще спроситъ сынъ его хлѣба, еда камень подастъ ему? Или аще рыбы проситъ, еда змію подастъ ему* (Матѣ. 7, 9. 10.)? И сравнительно показывая превосходство Божіей благодости, прпсовокупляетъ, говоря: *аще убо вы лувки суице, умпете далнія блага даяти чадамъ*

вашимъ, колыми паче Отець вашъ небесный дастъ блага просящимъ у Него (11.).

ГЛАВА 11. И въ другомъ мѣстѣ Самъ Спаситель, съ намѣреніемъ подтвердить это и желая увѣрить сомнѣвающихся, не превосходитъ ли Божія милосердія естественная приверженность, или не препобѣждаетъ ли онаго человѣческая сострадательность, говоритъ: *еда забудеть жена отроча свое, еже непомиловати иснадія чрева своего (Иса. 29, 15.)?* И сказавъ объ этомъ отличительномъ свойствѣ природы, какъ она научаетъ добровольной попечительности и заботливости, чтобы самый примѣръ, какъ нерѣдко случается съ иными, не ввелъ въ сомнѣніе о достовѣрности сказашаго о промыслѣ, и слабымъ подобіемъ не повредилъ самому достоинству истины, въ слѣдъ за симъ говоритъ: *аще же и забудеть сихъ жена, но Азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь.* Онъ не допуститъ, чтобы недостатокъ естества простерся и на Него; потому что страсть не касается естества Божія, какъ бываетъ это съ бранными людьми, когда неразумная, или можетъ быть, и имѣющая какое-либо основаніе несправедливости угасила въ нихъ естественно господствующее расположеніе, производя въ родителяхъ забвеніе о рожденныхъ ими и отчужденіе отъ нихъ, какъ будто пѣтъ даже и признаковъ родства между ними. Но у людей и эти великіе и чудные примѣры добрыхъ дѣлъ въ сравненіи съ прочими ихъ дѣлами оказываются малыми и крайне незначительными: потому что простираются на

одно лице, которое само дѣлаетъ тоже и близко къ нимъ, а не на всѣхъ или на многихъ; между тѣмъ человѣку надлежитъ быть существомъ общественнымъ и дружелюбнымъ, а не одинокимъ и необщительнымъ, доставлять другимъ пользу, чѣмъ только въ силахъ, возможною попечительною доказывать свою сострадательность, подражая тѣлеснымъ членамъ въ взаимномъ ихъ содѣйствіи общей пользѣ.

Г л а в а 12. Въ тѣлѣ каждый членъ не отдѣльно самъ о себѣ печется, но раздѣляетъ общую дѣятельность въ заботливости другъ о другѣ, по закону естества услуживаетъ одинъ другому и каждый всѣмъ; и рука служить тѣлу, и ноги, переходя съ мѣста на мѣсто, переносятъ съ собою и тѣло, и глазъ при путеуказаніи свѣта ведетъ его непрестанно-венно, доставляя удобство во всякой работѣ. Иные члены способствуютъ сидѣнію, иные наклоненію тѣла, трудомъ своимъ облегчая труды другихъ членовъ; иные же, подобно какимъ-то мельникамъ и хлѣбшамъ, оказываютъ тщательную и заботливую услужливость. Челюсть измельчаетъ пищу, гортань служить ей проводникомъ, чрево приемникомъ, желудокъ передѣлываетъ ее въ сокъ, печень обращаетъ въ кровь, и посредствомъ кровеносныхъ жилъ орошаетъ весь тѣлесный составъ. По видимому, каждый членъ трудится для другихъ, но въ самой дѣйствительности, дѣлаетъ это для собственной своей пользы, отъ общаго труда собирая приличную для себя пищу, и заимствованное

претворяетъ въ однокачественное съ собою, производя такъ называемое у ученыхъ врачей извлечение, то есть претвореніе разныхъ спѣдсей въ кровь, изъ крови въ плоть, и потомъ въ одинакачественное съ каждымъ членомъ, между тѣмъ какъ привходящее въ каждый членъ качество разлагается силою питательною, видоизмѣняющею и растительною, дѣлается однимъ въ одномъ, и другимъ въ другомъ членѣ. Входящее въ глазъ уподобляется глазу, присовокупленное къ костямъ и къ волосамъ принимаетъ на себя одинъ съ ними видъ цвѣта, усвоенное плотію видоизмѣняется въ плоть, и перешедшее въ кости одеслѣваетъ до твердости костей, поступившее во внутренности, съ ними смѣшивается, однимъ словомъ, все и во все претворяясь, искусствомъ природы изъ одного вещества спѣдсей предлагаемое въ многовидное разнообразіе, измѣняется въ то, чѣмъ бываетъ усвоено, и что всегда сохраняеть одинъ и тотъ же образъ человѣческаго остова, подобно потоку ежедневно мѣняетъ составъ всего смѣшенія, такъ что видимое нами есть вмѣстѣ и то же и не то же.

Г л а в а 13. Такъ каждый изъ насъ ни въ чемъ не достаточенъ самъ по себѣ, но во всемъ имѣеть нужду въ другихъ. И это премудро устроилъ прекрасно Распоряжающійся нашею жизнію, чтобы, по крайней мѣрѣ, необходимость потребнаго приводила въ согласіе необузданность одержимыхъ безуміемъ, когда самыя родственныя связи ни мало не побудили ихъ къ взаимному союзу. Ибо чело-

вѣкъ высокомѣрный, распаляемый кипливымъ самопѣніемъ, по причинѣ своего богатства, занятый всегда тѣмъ, чтобы суровымъ обхожденіемъ сохранить въ другихъ почтительность и довѣренность къ нему, спизошелъ ли бы когда добровольно до собесѣдованія съ ремесленникомъ, униженнымъ бѣдностію, если бы не заставила его нужда вступить съ нимъ въ разговоръ и не подорожить предъ нимъ языкомъ своимъ, впрочемъ неоставляя великой надменности въ той мысли, что причиняется тяжкое оскорбленіе величію своего сана, списходя до равенства съ человѣкомъ неизвѣстнымъ и неизвѣстнымъ? А теперь нужда уравниваетъ неравное, униженное возвышаетъ до несущагося выспры, и возвышенное низводитъ до пресмыкающагося по землѣ, долговременнымъ навыкомъ производя сраствореніе правовъ и уравниеніе въ образѣ мыслей. Поэтому и плотникъ, и земледѣлецъ, и служащій на кораблѣ, и купецъ, и всякій занимающійся рукодѣліемъ является на глаза достигшимъ высшихъ достоинствъ, и говоритъ съ ними смѣло, будучи для нихъ необходимъ, не по единству рода, но по своему искусству: и кого не сопрягъ законъ природы, тѣхъ свела необходимость. А если искусство и митрость знакомятъ работника съ богачемъ; то почему же сострадательность произносящей судъ истины не знакомитъ съ нимъ нищего, и не приводитъ къ нему нищего, чтобы призванъ былъ, раздѣлить съ нимъ иногда избытки, или, по крайней мѣрѣ, получить какое-либо утѣ-

шеніе въ удовлетворяющемъ необходимой потребности. Ибо многіе почитаютъ для себя срамнымъ и обиднымъ вмѣстѣ жить съ тѣми, и по высокомѣрно, внушаемому богатствомъ, стыдятся допустить на свои пиршества тѣхъ, о которыхъ Господь Иисусъ провозглашаетъ, что вмѣсто Себя поставитъ ихъ на судъ, сказавъ: что дѣлали вы имъ, то дѣлали Мнѣ (Матѣ. 25, 40.). Но мы не обратимъ и вниманія на алчущаго, истекающаго отъ голода, пройдемъ мимо нагаго, цѣпенѣющаго отъ стужи, и мертвеца, какъ нечистое какое животное, оставимъ брошеннымъ, не отдавъ тѣлу долга природы, не покрывъ по обычаю землею общее безчестіе — предавшійся тлѣнію и гніющія тѣла, источающія изъ себя гной. Безмѣрно же нѣжимъ самихъ себя, сверхъ нужды стараемся, чтобы угождали намъ, украшая земный кумиръ, заботясь объ этой сложенной персти, чтобы блистать на торжищѣ, сіяя цвѣтностію одеждъ, и утучнять себя лакомыми приготвленіями поваровъ, изъ всего извлекая всякое удовольствіе.

Г л а в а 14. *Облачашеся нѣкогда въ порфиру и виссонъ и упоминаемый въ евангеліи безъименный богачъ (Лук. 16, 19.), до презбытка насыщавшійся за сибаритской трапезой, а мимо Лазаря, лежащаго у воротъ и желающаго крупщъ, проходилъ безъ состраданія, безъ сомнѣнія и взоръ очей, если когда склонялся къ нему, заботливо отвращая въ другую сторону, чтобы воспоминаніе о струпахъ его не возбуждало отвращенія во время пира, прозводя*

тошноту и рвоту представлениемъ видѣннаго. Богачъ не отгонялъ впрочемъ Лазаря отъ дверей по Божию смотрѣнiю, устроившему, чтобы Лазарь, лежа при входѣ, непрестанно представлялъ собою жалкое зрѣлище, и богачъ со временемъ смягчился и сжался, или не имѣлъ уже благовиднаго предлога къ оправданiю безчеловѣчiя въ томъ, будто бы не вдалъ. Онъ и не пожалѣлъ лежащаго, обнаруживая тѣмъ жестокость и свирѣпость своего сердца, и давалъ видѣть, что онъ несострадательнѣе псовъ, по злему нраву отренился отъ естественной кротости и презирая того, кому служивали животныя, непричастныя челоуѣколюбивыхъ помысловъ, и признавая, можетъ быть, что Лазарь въ сродствѣ съ ними, какъ возделывающiй тѣхъ крупницъ, которыхъ и они иногда удостоиваются, а иногда бываютъ лишены. Но когда для богача и для Лазаря,—для одного въ радостныхъ, для другаго въ скорбныхъ представленихъ, протекло сонное видѣнiе этой жизни, и сложили они съ себя личины здѣшняго зрѣлища, тогда въ противное и крайне различное для нихъ измѣнилось состоянiе дѣйствительныхъ вещей. Одного по кратковременномъ наслажденiи прiяла въ себя огненная, какъ обыкновенно, мучительная печь, а другаго послѣ краткой скорби обрѣло вѣчное веселiе, и снова было между ними неравенство, но не такое, какъ прежде, а противоположное тому, въ какомъ находились до томъ; потому что Лазаря, или лучше сказать, Авраама, на лонѣ котораго былъ онъ, вознивъ

усердно, умолялъ богачъ; а просить Лазаря, можетъ быть, и стыдился онъ по причинѣ прежняго пренебреженія, почему, оставивъ его, умолялъ патриарха, говоря: *отче Аврааме, помилуй мя, и послѣ Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего въ воду, и остудитъ языкъ мой: яко стражду въ пламени семъ* (24.). О какъ велико страданіе! Сколько смиреннымъ высококомѣрнаго и безстыднымъ надменнаго содѣлала нужда терпѣть мученіе! Какъ не устыдился просить, чтобы для облегченія мученій посланъ былъ тотъ, кого нежалѣлъ онъ томимаго голодомъ, страдавшаго отъ струповъ? Какъ осмѣлился неуклоннымъ окомъ смотрѣть на того, на кого въ жизни не удостоивалъ обратитъ когда-либо и косвеннаго взгляда? Какъ отважился сказать, что нуженъ ему перстъ, которымъ гнушался прежде, какъ источающимъ гной? Какъ не стыдно было просить капли воды ему, который нищаго, когда былъ въ нуждѣ, не удостоивалъ крупницъ! Но такъ безстыднымъ голосомъ возопилъ онъ изъ пламени: *послѣ Лазаря*, какъ будто Лазарь обязанъ былъ вознаградить его за благодѣянія, какими самъ часто пользовался. Такова-то необходимость; она принуждаетъ безстыдно отваживаться на все, ухитряясь, гдѣ бы то ни было, найдти избавленіе отъ бѣды.

Г л а в а 15. И почему же великій патриархъ по своему правдолюбію не сказалъ ему: теперь-то, несчастный, дозналъ ты пользу милосердія, когда отвсюду бѣжалъ тебя горящій пламень! Теперь-то

признаешь, что хороша сострадательность, когда самъ имѣешь въ ней нужду? А почему же жестоко-сердъ ты былъ къ злостраждущимъ? Теперь узнаешь ты Лазаря, а когда лежалъ онъ на землѣ, не зналъ его, и входа и выхода! Многалось ослѣпленіе кичливости, и ясно видишь истину; прошла мрачная туманная ночь жизни, и при дневномъ свѣтѣ усматриваешь, каковы вещи въ естествѣ своемъ; подъ землею оставилъ ты сонныя мечтанія, и видишь самую дѣйствительность своего положенія. Тогда долженъ ты былъ подумать о милосердіи, когда имѣлъ у себя средства, пригодныя для благотворенія,—богатство, когда была у тебя возможность подать кусокъ нуждающемуся, когда въ состояніи ты былъ прикрыть нагаго, который, не имѣя подъ собою гиплой доски, цѣпенѣлъ отъ стужы, когда въ твоей было волѣ приложить попеченіе о больномъ, когда обиліе запасовъ богатства давало способы къ благотворенію. Милость, оказываемая здѣсь, есть добрый плодъ тамошняго сѣянія. А ты домогаешься теперь пожать, чего не сѣялъ, собрать, чего не расточалъ, и взять, *его же не положили еси* (Лук. 19, 2.), прося милости, которой не оказывалъ нуждающемуся, и жалости, которой не удѣлялъ ближнему, и сострадательнаго сердца, которое заключилъ для ближняго. При дверяхъ былъ врачъ, который бы исцѣлилъ тебя отъ жестокосердія, и ты не уврачевался, когда болѣзнь, еще не застарѣвшаяся, могла уступить при поданныхъ пособіяхъ. Теперь не позволяетъ время при-

лагать руки къ отчаянно больнымъ , потому что недугъ сталъ упоренъ , требуетъ уже не прищарокъ, производящихъ боли, но мучительнаго сѣченія, сильныхъ прижиганій. Говоришь: *посли Лазаря*. Скажи мнѣ: пошлю ли его къ тебѣ на такое разстояніе ? Ты никогда не поклонился къ нему , хотя всегда былъ близъ него. Скажу ли ему , по словамъ твоимъ, чтобы омочилъ перстъ въ водѣ , и уступилъ пылающій языкъ твой ? Но ты и крупницами его алчущаго не утѣшилъ. Когда говоришь, что страждешь, ужели думаешь убѣдить его этимъ , и получить милость ? Но и онъ былъ въ страданіяхъ, а ты не пожалѣлъ его ; теперь страждешь ты въ печи огненной, а онъ страдалъ въ печи бѣдности; нищета же угрызаетъ не менѣе огня, также мучитъ внутренность недостаткомъ , какъ и огонь опаляетъ поверхность тѣла. Если бы тогда сжалился ты надъ истаевающимъ отъ голода; то и теперь, сгарая въ огнѣ, былъ бы помилованъ. Если бы тогда оказалъ ты состраданіе къ страждущему отъ алчбы и язвъ, то и теперь, мучась въ пламени, нашелъ бы себѣ пощаду; лучше же сказать, и не увидѣлъ бы мѣста теперешняго твоего мученія, но пребывалъ бы съ Лазаремъ на лонѣ моемъ въ такомъ же, какъ онъ, упокоеніи. Ибо такова сила благодѣянія нуждающимся, что не только изводитъ изъ скорбей, но и веселящимся поставяетъ въ мѣстахъ свѣтлыхъ. Теперь же въ молчаніи терпи мученіе: потому что, по произнесеніи Божественнаго приговора , нисколько не

помогаютъ молебны осужденнаго. То было время помилованія и прощенія, а это—время неподкупнаго и праведнаго суда; то было время снисхожденія, а это—время воздаянія за содѣянное хорошо или худо. Тамъ были поприще, подвиги, ристалище, здѣсь вознагражденіе за труды; одержавшій побѣду тамъ, приѣмлетъ здѣсь вѣнцы; побѣжденный не вступаетъ снова въ борьбу, чтобы заглядить свои паденія въ настоящей жизни: потому что подвигъ конченъ, исправленіе погрѣшностей прекратилось. Тамъ покаяніе заглаждало грѣхи, молитвы и слезы убѣждали Судію оказать благоволеніе. Теперь нѣтъ мѣста помилованію, но строгій и безошадный судъ немилосердо ввергаетъ жестокосердыхъ въ мученіе; потому что, по слову Божию, *судъ безъ милости не сотворшему милости* (Іак. 2, 13.).

ГЛАВА 16. Ничего такого не сказалъ просителю праведникъ, признавая излѣпшимъ словесное напоминаніе, когда убѣждаютъ самыя дѣла; изрекъ же одно, и все тѣмъ объяснилъ ему, именно сказалъ: *помяни, яко воспріялъ еси благая твоя въ животль твою, и Лазарь такожде злая* (Лук. 16, 25.). Порфира и вперсоу, говоритъ Авраамъ, казались тебѣ прекрасными для благолѣнія, ежедневныя веселыя пиры почиталъ ты благами, утѣшался наслажденіемъ пріятностей жптейскихъ, предаваясь пресыщенію вожделѣннымъ. Почему же теперь считаешь благовременнымъ желать, чего тогда не вожделѣвалъ и во снѣ? *Воспріялъ и Ла-*

зая ; не онъ почиталъ это зломъ ; потому что, перенося въ молчаніи, любилъ какъ добро; но ты признавалъ въ этомъ зло. А признавшему одно добромъ необходимо почитать другое зломъ, предпочтеніемъ улаждающаго показывая, что противоположное тому бесполезно и худо. Если бы тогда принималъ ты участіе въ презрѣнномъ тобою страдальцѣ ; то и теперь имѣлъ бы возможность участвовать съ нимъ въ его покоѣ. Если бы тогда облегчилъ его скудость; то и теперь не было бы тебѣ нужды въ этихъ словахъ ; потому что, если бы ты и молчалъ, вознаградилъ бы онъ тебя за состраданіе. И это дѣйствительная правда; вотъ называешь меня отцемъ, однимъ симъ именованіемъ воздавая мнѣ честь, и немедленно слышишь: чадо, пріемля въ этомъ обильное воздаяніе, соотвѣтствующее именованію, какимъ почтилъ ты меня. Если бы тамъ самымъ дѣломъ воздавалъ ты почтеніе и Лазарю; то непременно на самомъ дѣлѣ получилъ бы вознагражденіе, за благовременную милость пріемля должную мзду. Но, можетъ быть, надмало тебя особенное счастье, и въ величій суетной славы мечталъ ты, что, послѣ такой знаменитости, не будешь подлежать наказанію. Настоящее не знаетъ тамошняго достоинства, не со славою срѣтаетъ приходящихъ оттуда, всѣхъ равночестно принимаетъ на судъ, и достоинства познаетъ не по общему мнѣнію, но по тому, что дѣйствительно произошло отъ добродѣтели. Поэтому и о тебѣ разсуждено, что ты свирѣнѣе звѣрей :

потому что псы звѣри, но ручные и домашніе, а ты думалъ, что вовсе никогда ни въ чемъ не будешь имѣть нужды. Псы тоже самое врачевное искусство, какое заняли у природы, научившись языкомъ лечитъ свои раны, употребили и надъ безпомощнымъ, облизывая нарастающую нечистоту, чтобы струпъ, освобождаясь отъ накопляющагося гноя, дѣлался чистымъ. И тебѣ надлежало доставлять возможное утѣшеніе своему единоплеменнику, и подаваемъ необходимаго восполнять его недостатки, чтобы и тебѣ, хотя со псами неравнѣ, воздавалась честь, какъ равное съ ними попеченіе прилагавшему о Лазарѣ; потому что, тебя, кажется, побуждая къ благочестію, часто приходили псы къ сему нищему. Такъ какъ не могли научить словомъ, что тебѣ дѣлать, то самымъ дѣломъ зывали: послужу усердно употребилъ мы въ дѣло врачеваніе, какому навыкли; то, значить, что готовы бы мы были и къ прочему, если бы имѣли возможность снабжать необходимымъ. А какъ нищія доставлять мы не въ состояніи, и сами на долго оставаясь голодными, да и питаюсь иногда по нуждѣ тѣмъ, что не позволено ѣсть людямъ; то доставляемъ утѣшеніе, какое только можемъ, оказываемъ состраданіе, и малымъ служеніемъ обнаруживаемъ готовность служить всѣмъ, если бы только была у насъ возможность.

Глава 17. Если тщательно приводится въ исполненіе, что достушно пока по мѣрѣ силъ: то

симъ доказывається готовность и на прочее, и дѣлается явнымъ, что и въ разсужденіи того, о чемъ не прилагается попеченія, причина недѣятельности не въ расположеніи, а въ недостаткѣ средствъ. Но этотъ жестокосердый безчеловѣчный проситъ изъ милости капли, когда не давалъ изъ милости и круницы, проситъ не потому, чтобъ достаточно было капли устудить оный пламень (и вылитая рѣка не угаситъ огня, уготованнаго въ наказаніе), но чтобы ясно мы видѣли, что неосстрадательный здѣсь, прося и этой малости, не получить ея въ будущей жизни, и чтобы, дознавъ строгость и тяжесть суда, благодарѣніями нуждающимся нынѣ пріобрѣли себѣ въ награду обѣтованныя блага, съ пользою внесли въ тамошнюю сокровищницу истлѣвающее здѣсь, какъ долга требуя у судіи того, что дано въ залогъ нищимъ, а не довольствуясь принятіемъ подаянія,—однимъ освобожденіемъ отъ мученія. Ибо, если, по сказанному въ Соломоновой притчѣ, *милуй нища взаимъ даетъ Богови* (Притч. 19, 17.), то дающій взаимъ, имѣя благопризнательнаго воздаятеля долговъ, пусть отдаетъ все, что имѣеть, чтобы во много кратъ умноженнымъ найдти все тамъ, ничего такого не оставивъ суетности, что привело бы къ раскаянію, какъ оставленное худо. Ибо все, отданное не на благотвореніе, дѣйствительно бываетъ напрасно и бесполезно, не сопровождаетъ насъ туда, не предваряетъ насъ тамъ. Если кто наименуетъ самыхъ близкихъ род-

ныхъ , сыновей , и братьевъ и связанныхъ прочими узами родства: то, безъ сомнѣнія, если только не вовсе скуденъ, найдетъ ихъ готовыми наследовать имѣніе. Почему каждому надлежитъ , распростившись съ многочисленными сродниками и друзьями , самому стать роднымъ и другомъ своимъ , туда все унесши съ собою, или предположивши, куда самъ преселяешься, чтобы , позванному въ переселеніе , идти туда охотно , видя , что тамъ собралъ себѣ великій запасъ нетлѣнныхъ имуществъ , и не останавливаться въ переехженіи , съ жалостію оставляя вещественное богатство, къ которому напрасно пристрастенъ былъ въ настоящей жизни.

ОТДѢЛЕНІЕ 3.

О томъ , что душамъ пристрастныхъ къ богатству, какъ животомолюбивымъ , при смерти трудно разставаться съ жизнью.

Глава 1. Поэтому души пристрастныхъ къ богатству, разлучаясь съ тѣломъ , много мучаются , и исходятъ и назадъ возвращаются , будучи изъяты изъ тѣла, снова въ немъ скрываются, въ доказательство же борьбы, съ какою противятся отторженію отъ тѣла, представляютъ проливае-

мый потъ, и какъ велико ихъ пристрастіе къ настоящему, ясно показываютъ, непрестанно обращаясь къ оставляемому, и по привязанности къ здѣшнему, съ трудомъ отходя отсюда. Но если бы призывало ихъ туда желаніе видимаго тамъ стяжанія; то, безъ сомнѣнія, поспѣшили бы устремиться къ нему, усматривая, что будущее привлекательнѣе оставляемаго, по блистательности тамошняго презрѣвъ остающееся здѣсь. Таковъ былъ другой богачъ, въ которомъ плодоносіе поля увеличивало болѣзнь ненасытности; непрестанно разорялъ онъ житницы, и созидалъ большія (Лук. 12, 16.), потому что не было мѣста, гдѣ положить плоды земледѣлія, прежнія кладовыя переполнены были старыми урожаями, потребное же для нуждающихся ограждалъ онъ для безопасности крѣпко построенными прикрытіями для стражей, и ни съ кѣмъ не раздѣлявшій своей трапезы, говорилъ душѣ, предрекая ей не обманчивое наслажденіе на многіе годы, а какъ показало божественное опредѣленіе, не предъусматривая и того, что будетъ на слѣдующій день. Ибо дѣйствительно справедливо было, чтобы, замыслившій никого не принимать въ участники наслажденія, и самъ не вкусилъ мечтаемаго удовольствія, но насильно былъ взятъ и повлеченъ на судъ за безчеловѣчіе. Что же? Не было развѣ тогда нищихъ изнуренныхъ голодомъ, и потому стало нужно съ такою безразсудностію собирать въ житницы земные плоды? Не было

развѣ нуждающихся въ необходимомъ, которымъ можно было бы больше довѣрить, нежели т.и., дозволить, чтобы въ употребленіи хлѣба предварили неблагодарныхъ сотрапезниковъ — червей, и съ большимъ правомъ иждили то, что въ скоромъ времени безъ благодарности истребили бы черви, эти какъ бы жестокіе и свирѣпыя какіе-то матереубійцы, по недостатку другой пищи поядающіе родившихъ ихъ, послѣ беззаконнаго пира выползающіе изъ житницъ и всенародно являющіеся непризванными свидѣтелями безумія хранившаго свою пшеницу; потому что такъ опредѣлилъ праведный Судія, чтобы и худо собранное погигло, и собиравшій не имѣлъ благоугоднаго предлога порицать Промыслъ. Поелику одинъ присвоилъ себѣ общій всѣхъ избытокъ, замками и запорами тщательно обезопасивъ приспосланный свыше даръ, предположивъ себѣ долговременное и многолѣтнее наслажденіе всѣмъ этимъ; то справедливо Богъ изъялъ изъ житницъ дарованное Имъ, нимало не повредивъ сдѣланнаго собственными трудами богача; потому что цѣлыми оставилъ ему житницы, которыя самъ онъ построилъ. А сколько употребивъ тѣщанія, готовился выпустить на свѣтъ эту пшеницу, на показъ всѣмъ возя по улицамъ, этотъ къ осмѣянію и посрамленію своему измыслившій тысячи средствъ, чтобы долгое время безъ поврежденія сохранялось у него служащее къ наслажденію, тесаными цынтами выставъ полъ, обмазавъ густою

известію стѣны, и сквозь окна проведя вѣшній воздухъ, чтобы провѣтривалось хранящееся въ житницахъ, и при постоянномъ движеніи воздуха не терпѣло ущерба отъ загниенія!

Г л а в а 2. Но никакое искусное предпріятіе не перехитряетъ Божія изволенія, и человѣческое промышленіе не пренебрегаетъ непреложнаго суда, въ ничто обращающаго усилія думающихъ, будто бы могутъ въ чемъ-либо успѣть рачительною собственными силами своими. Вотъ ничего не оставилъ несдѣланнымъ для безопасности безумецъ, и обманулся въ надеждѣ; житницы цѣлы, а положеннаго въ нихъ нѣтъ; замки и печати не повреждены, а пшеница ушла; стѣна не подкопана, кровля не снята, а житницы пусты. Все служившее къ безопасности цѣло и ни въ чемъ не потерпѣло ущерба, а запасы разошлись вѣ, возбуждаютъ удивленіе въ видящихъ, и великій стыдъ приписываютъ собиравшему, который никакъ не можетъ утаить обличенія своего въ неразумія, столь многочисленными обличителями безчеловѣчія имѣя зерна пшеницы, по Божію мановенію необычайнымъ образомъ явно разсыпанныя въ видѣ малаго количества праха, и оставшія внутри памятники безчувственности для всегдашняго напоминанія собиравшему объ его безуміи, чтобы, смотря на оставшіяся прахъ, дозналъ, что человѣческое промышленіе не дальновидно, и не говоритъ болѣе, что сказано имъ прежде: *душе,*

имали много блага лежаща на лѣта много, яждь, пій и веселися (Лук. 12, 19.), но по самому исходу дѣла нашелъ истиннымъ то, что изрекъ вдохновенный и богоносный Исаія. яко же во снѣ жаждай аки пійи, воспрянувъ же еще жаждеть, душа же его вотще надъяся: тако будетъ богатство (Ис. 29, 8.) печестивыхъ, возвѣваемое и разсѣваемое, какъ прахъ, хотя бы промышлениемъ о сохраненіи положено было, въ мѣстахъ самыхъ недоступныхъ. Ибо заботящимся о семъ такъ говоритъ Самъ Богъ: *призрѣте на многа, и быша мала, и внесосте я въ храмъ, и отдунухъ я* (Агг. 1, 9.). Лучше же сказать, и того, случилось ли это, или нѣтъ, не узналъ предположившій себя долговѣчнымъ: потому что, исхищенный преждевременно, предварилъ утрату собраннаго, едва задумавъ о долговременномъ веселіи, какъ въ туже ночь безъ отлагательства потребована у него душа, и не успѣлъ онъ сказать, кого хочетъ признать господиномъ оставляемаго имъ. Ибо за непимѣніемъ господина, должно было наконецъ сдѣлаться общимъ, что полновластно удерживалъ у себя одинъ, не дѣлясь съ другими, хотя сіе одинаково предлагалось во власть каждому для его употребленія. И поелику не предположилъ онъ по собственному позволенію имѣть это общимъ съ нуждающимся, и не былъ расположенъ добровольно уступать то въ даръ, что долженъ былъ утратить по неволѣ, то, отрезвившись отъ

мечтательнаго уношенія, по необходимости подвергается вѣчному мученію.

Г л а в а 3. Если нищелюбцы подаваемое нищимъ воспріемлютъ во сто кратъ, а сверхъ того наследуютъ нескончаемую жизнь; то, безъ сомнѣнія, и тѣ, которые проходятъ мимо скорбящаго, не утѣшивъ его, во первыхъ терпятъ ущербъ въ томъ, что не облагодѣтельствованный никогда не благодаритъ сихъ несправедливыхъ, а потомъ предаются мученію, еще болѣе испытываемаго страданія терзаемые совѣтію, что это самое нмущество, которое чрезъ благотворительность нуждающимся должно было послужить къ искупленію души ихъ, скупостію обращено въ причину осужденія, и справедливо по дѣламъ своимъ услышатъ они грозный и страшный этотъ приговоръ: *идите во огонь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его. — Вззлжхся бо, и не дасте Ми ясти, возжадахся, и не напоисте Мене (Матѳ. 25, 41. 42).* И мнѣ кажется, не столько жалки они, какъ подвергшіеся наказанію, сколько смѣшны по своему неразумію; потому что, пожалѣвъ претратить маловажное, предпочли сему столь тяжкое мученіе; и тѣмъ, что готовили для наслажденія, не воспользовались столько времени, сколько мечтали, а за оставленное ими здѣсь понесли страшное и грозное осужденіе; потому что нмущества своего не обратили въ собственное свое утѣшеніе, съ бремениносцами нищими все пред-

пославъ туда, гдѣ стали бы не мучиться, а наслаждаться, и потому что другимъ трудами своими доставили возможность жить непотребно, почему справедливо и несутъ за нихъ наказаніе.

ОТДѢЛЕНІЕ 6.

О томъ, что справедливо наказываются собственность свою передающіе во владѣніе, кому случится.

Г л а в а 1. Наслѣдовавшіе имѣніе при недостаточномъ содержаніи могли не сдѣлать тѣхъ грѣховъ, къ свободному совершенію которыхъ привело ихъ обліе въ деньгахъ, стремленію произвола ко всему, что правится, проложивъ удобный путь возможности удовлетворять оному самымъ дѣломъ. И ни одинъ суесловъ да не выставляетъ мнѣ съ важностию этого давняго предлога, говоря, что бережетъ деньги для спокойной жизни дѣтямъ и внукамъ; потому что опытъ заграждаетъ всякія уста, выставляющія этотъ предлогъ, на самомъ дѣлѣ показывая, что суетна такая заботливость родителей. Сколь многіе, имѣвъ бѣдныхъ предковъ, такъ разбогатѣли, что для людей обольщающихся суетнымъ кажутся достойными зависти? И сколько примѣровъ, что

дѣти, получившіе отъ отцевъ огромное имѣніе, приходятъ въ крайнюю нужду, или подвергшись насилію людей сильныхъ и вмѣстѣ лишившись всякаго достоянія, или расточивъ свое имѣніе по немногу въ безпутной жизни и на срамныя вознагражденія, а въ послѣдствіи съ трудомъ добывая необходимое пропитаніе? Посему для всякаго дѣлается явнымъ, какъ недалновидна предусмотрительность собирающаго, и предшествующіе примѣры убѣждаютъ оставить такой напрасный трудъ, думать же о своемъ спасеніи, а внуковъ предоставить смотрѣнію Самого Бога, Который и ихъ благоустроитъ, какъ признаетъ за лучшее, или изъ низкихъ сдѣлаетъ высокими, или соблюдетъ въ томъ достоинствѣ, въ какомъ оставлены родителями. А если прочность оставляемаго дѣтямъ неизвѣстна, польза же благотворенія всѣми признана; то почему не всѣми отдается предпочтеніе явному предъ неизвѣстнымъ, въ томъ убѣжденіи, что сѣмена должно сѣять тамъ, гдѣ есть надежда на большее и несомнѣнное плодоносіе? Но если бы наслѣдники оставленнымъ имуществомъ могли обладать прочно и неоспоримо; кто въ такой мѣрѣ будетъ врагомъ и навѣтникомъ себѣ самому, что ради того, чтобы произшедшимъ отъ него передать общія средства къ наслажденію, самъ для себя избретъ вѣчное мученіе, и своему спасенію не отдастъ предпочтенія предъ успокоеніемъ другихъ, или, по крайней мѣрѣ своего собственнаго не

поставить, на равнѣ съ тѣмъ, что, какъ гласитъ истина, чуждо и ни къ чему не служить въ будущемъ? Для всякаго ничто не равняется душѣ его; потому что каждый, когда будетъ судимъ, одинъ долженъ отвѣчать за себя, и не будетъ ему предъ Судіею никакой защиты отъ родства, или дружбы. Почему, такъ какъ милостыни и благотворенія даютъ дерзновеніе предъ онымъ судищемъ, о нихъ должно прилагать попеченіе, менѣе заботясь о состраданіи къ родственникамъ, потому что имѣть о всѣхъ попеченіе принадлежитъ Богу, благоустроющему жизнь каждаго, какъ для кого полезно. Иначе будемъ вести себя въ этомъ хуже безсловесныхъ, себѣ присвоивъ дѣло Божія промысла въ своей мнимой попечительности о дѣтяхъ, которая, какъ сказано, часто не достигаетъ цѣли, потому что многіе, получивъ большое имущество, остаются нагими и вовсе безпріютными. Ибо, если самъ себя не обучили мы цѣломудренному разсужденію, то должно намъ и этому, какъ и многому другому, учиться у безсловесныхъ. У звѣрей, у пресмыкающихся, у птицъ и всѣхъ животныхъ домашнихъ природа бываетъ учителемъ въ томъ, сколько должно заботиться о потомствѣ, обучая прилагать попеченіе о малыхъ дѣтяхъ и птенцахъ, пока нѣтъ у нихъ своихъ силъ добывать себѣ пищу, а когда будутъ на это силы, прекращая родственную попечительность и предоставляя каждому полную свободу искать себѣ корма. И сіе

дѣлаетъ природа, можетъ быть, въ посрамленіе тѣмъ, которые одарены словомъ, но ведутъ себя безчувственнѣе безсловесныхъ, и оскорбляютъ Бога, какъ будто не можетъ Онъ имѣть достаточнаго промышленія о собственныхъ Своихъ дѣлахъ, все попеченіе о потомствѣ берутъ на себя, нимаю не пекутся о своемъ спасеніи, какъ будто они не ближе сами къ себѣ, нежели къ потомкамъ, и имъ приличнѣе имѣть попеченіе о полезномъ не для нихъ, но для потомковъ.

Г л а в а 2. Родство есть тѣсная плотская связь, до тѣхъ поръ поддерживающая сѣ неразрывные узы, пока не разорвана эта плотская цѣпь, по порядку связующая преемственно зависящихъ другъ отъ друга. А какъ скоро смерть расторгла этотъ связующій союзъ, права взаимнаго родства уничтожаются. Каждый за собственныя свои дѣла влечется на судъ, и тогда узнаетъ то одиночество, какое приуготовилъ себѣ, когда ни откуда невозможно придумать себѣ помощи; потому что вмѣстѣ и способовъ не стало, и миновало вспоможеніе. *Братъ не избавитъ* (Псал. 48, 9.) брата отъ этой нужды: отецъ не спасетъ сына отъ мученія, мать не умолитъ за наказуемаго сына, дѣти не исхитятъ родителей; бездѣйственными дѣлаются сѣ отношенія, и прекращаются, препобѣждаемыя страхомъ суда. Предъ этимъ судилищемъ мужъ не узнаетъ жены, которую, можетъ быть, и сильно любилъ, когда утратилъ ее: не думаетъ жена о мужѣ, котораго провождала

съ крѣпкою и пламенною любовію ; потому что превосмогающее томленіе духа изглаждаетъ страстные воспомнанія о плотскихъ привязанностяхъ. И хотя нерѣдко получившій прародительское достояніе и прекрасно распорядившійся имъ на пособіе нуждающимся, представъ предъ Судією, слышитъ похвалы за содѣланное имъ , и съ веселымъ лицемъ пріемлетъ обѣтованія ; однако же оставившій ему имѣніе безъ милосердія влечется на мученія ; потому что этотъ жалкій чловѣкъ ничего добраго изъ имуществъ своихъ не сдѣлалъ для нуждающихся, добытое собственными трудами оставивъ средствомъ ко спасенію для другаго, а самъ для себя неизвлеки изъ собственности своей ни малой пользы. Прекрасно премудрый Соломонъ говорить: *умножаяй богатство свое съ лхвами и прибытки, милующему нищія собираетъ е* (Прит. 28, 8.), ставъ виновникомъ для себя мученій за лобостязательность , а для другихъ виною благихъ воздаяній за благотворительность. И если сіе дѣйствительно такъ: то въ какомъ безуміи сіи безразсудные, даже и во время смерти не помышляющіе о страшномъ судилищѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ 7.

О тѣхъ, которые во время кончины не прилагаютъ попеченія о своемъ спасеніи, но ищутъ завѣщанія, и отдаютъ приказы о томъ, надъ чѣмъ не имѣютъ власти.

Глава 1. Положимъ, что симъ презрителямъ поводомъ къ забвенію полезнаго для нихъ во время жизни была небоязненность; но почему же и при ишествіи отсюда остаются они безчувственными? При семъ ишествіи страшная неотступность требующихъ души содержитъ ее въ трепетѣ, ужасаетъ страшными видами, все еще побуждая ее о положеніи своемъ пріять цѣломудренный и полезный въ будущемъ помысль, а укоряющіе за грѣхъ демоны съ угрозами влекутъ ее къ себѣ въ мѣста печальныя и унылыя, такъ что одного представленія объ ужасномъ истязаніи достаточно для мученія, и совѣсть, обыкшая обращать взоръ на содѣянные грѣхи, трепещетъ сего мученія, ожидающаго ее по достоинству грѣховъ. Отсего-то тѣло лежитъ орошенное потомъ, лиющіеся съ него потоки показываютъ внутреннее томленіе; видное служитъ доказательствомъ тайнаго смятенія. Но и тогда, можетъ быть, своихъ покровителей, друзей и родственниковъ, при видѣ оставляемаго ими, до-

могающіеся у нихъ бесполезнаго уже благоволенія, обольщаютъ надеждою жизни. А можетъ быть, и дѣйствительно признаютъ это долгомъ своимъ, почитая добрымъ дѣломъ, чтобы, все, что, какъ они думаютъ, не послѣдуетъ за преселяющимся туда, оставлено было упомянутымъ выше на добрую память, впрочемъ бесполезную уже для наказуемыхъ. Ибо находящемуся въ нестерпимыхъ мукахъ что пользы въ похвалѣ за милости, когда этими благодарственными воззваніями не можетъ онъ облегчить своей неутомимой скорби? Но могло бы и это, хотя бы и не было предпослано, послѣдовать за тѣмъ, кто оставилъ бы сіе бѣднымъ, и принесшему съ собою туда доставило бы великое утѣшеніе тамъ, гдѣ отшедшему туда съ пустыми руками невозможно ни взять въ заемъ, ни получить изъ милости, ни какъ-либо иначе приобрести отъ благодѣтеля.

Глава 2. Сіе вмѣстѣ съ неблагоразумнымъ богачемъ даютъ видѣть и пять юродивыхъ дѣвъ. Тотъ, сгарая въ пламени, просилъ капли на языкъ, онѣ же просили елея, котораго не принесли, и никто изъ имѣвшихъ не далъ, такъ какъ онѣ могли его имѣть при себѣ, но не имѣли. А потому Екклесіастъ и даетъ совѣтъ, говоря: *посли хлѣбъ твой на лице нуждающагося: яко во множествѣ дней твоихъ обрящешь его* (Еккл. 11, 1.); и Апостолъ говоритъ: *дондеже время ищамы, да дѣлаемъ благое: во время бо свое по-*

жнемъ, неослабляюще (Галат. 6, 9. 10.). И Господь изрекъ: скрывайте себѣ сокровище на небеси (Матѣ. 6, 20.). Такъ совѣтуютъ дѣлать сіе прежде постигнутой нужды, чтобы, по невѣдѣнію полезнаго, не потерпѣть кому ущерба въ будущемъ всеміи, отшедши туда безъ потребнаго для жизни, не только оставаясь тамъ безпріютнымъ, но претерпѣвая великую скорбь оттого, что увидитъ другихъ наслаждающимися. Ибо недостатокъ не сильно печалитъ нераздражаемаго наслажденіемъ другихъ; въ немъ пожеланіе какъ бы молчитъ, потому что не чему отвѣтъ возбудить болѣзненнаго напоминанія; но когда пиръ передъ глазами, и пирующие съ здоровыми чашами весело привѣтствуютъ друга друга, тогда вождѣленіе производитъ страшное безпокойство, возрѣніемъ на пріятныя снѣди и питія возбуждая пожеланіе, и желаніемъ вкусить ихъ причиняя весьма жестокою скорбь. Когда же разсудить, что по его безразсудности сдѣлалось невозможнымъ, что было возможно, и по собственному своему неразумію лишается наслажденія, какое позволить себѣ властны другіе; тогда огорченіе болѣе усилится; потому что къ исправленію ошибки окажется недостаточнымъ раскаяніе, и не найдетъ онъ средства къ тому, чтобы открылась возможность воспользоваться случаемъ хорошо устроить, что прежде предположено было худо.

ОТДѢЛЕНІЕ 8.

О томъ, что страждущіе при жизни безпечносно и во время кончины вмѣсто того, чтобы позаботиться о самихъ себѣ, прилагаютъ стараніе о томъ, какъ передать имѣніе свое наслѣдникамъ.

Многіе, не обращая и на сіе вниманія, дѣлаютъ завѣщанія въ пользу родственниковъ, на письмѣ предавая позору свое неразуміе и полагая, что въ попечительности должно другихъ предпочитать себѣ самимъ. Хотя законъ природы и сблизилъ дѣтей съ родителями; однако же желаніе спасенія научаетъ каждаго имѣть большую заботливость о себѣ, приводя на мысль время суда, въ которое каждый съ ужасомъ выслушиваетъ собственный свой приговоръ, нимаю не ожидая ни откуда помощи, если дѣла его худы. *Живу Азъ, глаголетъ Господь: если будутъ тамъ Дашилъ и Ювъ, не избавятъ ни сыновей, ни дочерей своихъ, но тѣ едины спасутся* (Иезек. 14, 18.), грѣшникъ же во грѣхѣ своемъ умретъ. Но сіи непоколебимые въ безпечности о себѣ самихъ, даже дознавъ, что никто ни отъ кого не имѣетъ тогда помощи, и что каждый за собственные свои дѣла спасается, или погибаетъ, оставивъ попеченіе о себѣ, и какъ будто бы принадлежалъ уже они къ числу спасаемыхъ, персе-

ставъ о семъ заботиться, прилагають стараніе о томъ, какъ передать имѣніе наслѣдникамъ, которые на печальныхъ лицахъ, конечно, показываютъ уныніе, а внутренно съ вселымъ расположеніемъ помышляютъ о наслажденіи оставленнымъ. И наслѣдники сіи послѣ погребенія веселятся, пресыщаясь собраннымъ чужими трудами, а собиравшіе, при непрестанной мучительности наказанія, предаются подлинно мрачному унынію.

ОТДѢЛЕНІЕ 9.

Обличеніе пишущихъ завѣщанія.

Глава 1. И съ какою важностію всякій разъ начинается ихъ завѣщаніе! О если бы продлилась моя жизнь, говорится въ завѣщаніи, и владѣть мнѣ своею собственностію прежде, нежели поступить въ даръ! Такъ выразивъ, что дѣлають сіе не охотно, прежде, нежели окажутъ милость, изъявляя желаніе жить и владѣть собственностію, даютъ видѣть, что уступаютъ необходимости, а не произволению; и поелику желаніе ихъ безуспѣшно, передають, кому пришлось, все, чего взять или удержать у себя, хотя бы и желали, не могутъ. О если бы продлилась

жизнь моя! Да, справедливо скажетъ ему сама истина: о если бы продлилась жизнь твоя, о человѣкъ! Ибо, живя донинѣ, что сдѣлалъ ты полезнаго для жизни? Напиталъ ли хотя одного алчущаго? Укрылъ ли у себя хотя одного безпріютнаго? Освободилъ ли какого притѣсняемаго должниками? Избавилъ ли изъ подъ власти господъ кого-либо сѣтующаго на жестокость тяжкаго рабства? Утѣшилъ ли кого, впадшаго въ бѣдность изъ богатаго состоянія, облегчивъ для него, хотя отчасти, тяжесть нищеты? Говоришь: тебѣ хочется, чтобы продлилась жизнь твоя; но почему же никто другой не говоритъ о тебѣ этого? Безъ сомнѣнія сказали бы многіе, если бы въ предшествовавшее время былъ ты добръ, и всякой былъ убѣжденъ, что снова найдетъ тебя такимъ же, какимъ былъ ты для него прежде. О если бы продлилась жизнь твоя! А для чего? Чтобы имѣніе свое раздать бѣднымъ? чтобы сдѣлать теперь, чего не сдѣлалъ прежде? Чтобы наконецъ соразмѣрно съ потребностями каждаго, недостатки его восполнить твоими избытками? Это можно сдѣлать тебѣ и при кончинѣ, и многихъ заставить молиться о твоёмъ упокоеніи, лучше сказать, если и никто не станетъ молиться и просить за тебя Бога, самое дѣло содѣлаетъ тебя предъ Судіею достойнымъ помпования, и вмѣстѣ съ напштавшимъ алчущаго и нищаго приведетъ къ уготованному царству. Или для того желаешь жить, чтобы, пріобрѣтши и

иное нѣчто, хотя долго самъ ты въ роскоши наслаждался удовольствіями, и многое остается у тебя твоимъ наслѣдникамъ, снова владѣть тебѣ всѣмъ этимъ? Почему же до настоящаго времени владѣлъ ты худо, при такомъ богатствѣ не облегчивъ ничьей нужды? Да и почему называешь своимъ, что дано на употребленіе въ здѣшней жизни и на общее благоустроеніе нуждающихся? Откуда принесъ ты то, что называешь своимъ, но что старше твоего бытія на свѣтѣ? Не изъ иного ли какого мѣста принесъ ты это съ собою, вступая въ жизнь? Не вмѣстѣ ли съ тобою родившимся появилось и это? Не вышелъ ли ты изъ матерняго чрева, пмѣя у себя это, чтобы, какъ привыкъ говорить о тѣлѣ, такъ и это называть тебѣ своимъ? Нашелъ ты, что было тебѣ современно, попользовался этимъ, и оставляешь? Почему же называешь своимъ, что было прежде тебя, и что послѣ тебя равно предлагается во власть всякому? Твоимъ бы стало это, если бы приобрѣлъ ты сіе подаяніемъ. Закрѣпилъ бы ты это за собою, если бы, подавая милостыню, внесъ въ небесную сокровищницу. Когда же смерть полагаетъ конецъ твоему праву на раздѣлъ, напрасный уже ты распредѣлитель того, надъ чѣмъ время, противъ воли твоей, отнимаетъ у тебя власть. Посему поспѣшай и скорѣе проходи немногіе дни маловременной жизни, чтобы не давать отчета на судѣ за многіе дни жизни продолжительной. Для чего

готовишь себѣ долгое и тяжкое мученіе, желая до глубокой старости продлить грѣшную жизнь, чтобы за долгое пребываніе здѣсь пріять великое и продолжительное пстязаніе?

Г л а в а 2. Потомъ пинутъ въ завѣщаніи: желательно, и весьма желательно мнѣ, и за симъ излагаютъ свои распоряженія, выказываютъ великую щедрость къ роднымъ въ раздѣлѣ того, что уже не ихъ собственность, и въ той, можетъ быть, мысли, что останутся въ живыхъ, многое назначаютъ покровителямъ своимъ и друзьямъ, и рѣшеніе свое въ предотвращеніе подлога утвердивъ печатію, умпраютъ съ искаженнымъ лицомъ. Какъ привыкшіе увѣрять о всемъ съ важностію, ложно говорятъ, будто бы смѣются надъ здѣшнимъ, по сущей же правдѣ приходятъ въ ужасъ при внезапно открывшейся имъ страшной и печальной странѣ. Ибо признакомъ насмѣшки служитъ улыбка, и ей надлежало бы обнаруживаться на лицѣ умпрающихъ, если бы надъ тѣмъ, что оставляютъ, смѣялись они, какъ надъ достойнымъ смѣха. А теперь, какъ принявшіе горькое врачевство, морщатъ они отъ непріятности лице; ибо душа по тому расположенію, какое ощутила при открывшихся тамъ опасностяхъ, образовала отличительныя черты на лицѣ, и видимою наружностію явно выразила сокровенную свою печаль. Природа содѣлала лице наше зеркаломъ души, отгѣняющимъ на себѣ образы, подобные расположеніямъ, какія душа

возбуждаетъ внутри себя, страданія свои доводи до явныхъ признаковъ. Такъ скорбь обличается грустнымъ лицомъ; радость узнается по лицу веселому, раздраженіе выражается суровостію, и не возможно на лицѣ изобразиться другому виду, кромѣ того, какого требуетъ то, чѣмъ занять умъ.

Г л а в а 3. Ухищреніе вскорѣ дѣлается для всѣхъ извѣстнымъ; потому что лицемѣріе не можетъ въ точности представить образа истины, и не въ состояннй, когда обладаетъ одна страсть, долго выражать на лицѣ свойственное другой страсти. Ибо хотя усиливается отличительныя черты одной замѣнить чертами другой, однако же не имѣетъ силъ долго сохранять притворный видъ; потому что лице быстро измѣняется и принимаетъ тотъ образъ, какой по сострастію даетъ ему живущая внутри страсть. Думаю, что и пять дѣвъ, которыхъ священное Писаніе наименовало юродивыми, принадлежатъ къ сему разряду. Имѣли онѣ при себѣ свѣтильники дѣвства, но не принесли въ сосудахъ елея, который влажностію своею питаетъ, обыкновенно, свѣтильню свѣтильника; и за сіе справедливо получили наименованіе юродивыхъ; потому что преуснѣвъ въ трудномъ и почти невозможномъ—въ дѣвствѣ, вознерадѣли о маломъ и крайне удобномъ; боролсь съ преобладающею силою естества, обуздали неистовое вождельніе, угасили пылающій пламень сластолюбія, мудрованіе плоти подчинили

закону духа, невредимо попрали горящіе угли—напоминанія страсти непотребства, но пребыли безчувственными въ состраданіи къ нуждающимся, гдѣ не требовалось ни труда, ни пота, ни утомленія, но одно изволеніе безъ изнуренія силъ могло привести мысль въ исполненіе. Превозмогли онѣ страсть, съ трудомъ одоlvваемую и многихъ приводящую въ бореніе, но пали тамъ, гдѣ одна сила произволенія безъ труда совершила бы предположенное, и свѣтлость дѣвства затмили мракомъ любостыжанія. Посему въ смятеніи бѣгали по торжищамъ, тогда ища елєя, когда продающіе заперли двери. Ибо какая уже купля по окончаніи ея, когда неосталось имѣющихъ въ чемъ—либо потребность, и никто не дѣлаетъ выгоднаго договора съ требующимъ елєя; потому что торговля кончена, и продажа необходимаго каждому сдѣлалась невозможною? Если же для дѣвъ столь многіе труды охраненія чистоты, поелику не было милостыни, сдѣлались бесполезными, и остались онѣ внѣ брачнаго чертога, взывая жалобнымъ голосомъ: *Господи Господи, отверзи намъ*, услышали, что женихъ вступилъ, какъ бы раздраженный, презрѣвъ гнѣвное слово: *аминь глаголю вамъ, не влѣзь въ васъ*, откуда вы (Матѳ. 25, 11. 12.); какое, по справедливости, слово, и какимъ гнѣвнымъ и суровымъ голосомъ произнесенное, услышать тѣ, которые кромѣ немилосердія одержимы тысячами другихъ пороковъ? Конечно сіе, столь грозно людямъ подоб-

наго рода изрекаемое слово: *идите въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его: всакахся бо и не дасте Ми ясти* (41. 42.). Для дѣвъ достаточнымъ наказаніемъ служило заключеніе для нихъ брачнаго чертога; сіе-то одно, что не вмѣстѣ онѣ съ мудрыми дѣвами, мучило ихъ; болѣзненною была для нихъ самая мысль, когда разсуждали, какое наслажденіе внутри чертога. А сіи вмѣстѣ съ тѣмъ, что лишены всякаго добраго утѣшенія, потерпѣть неизбѣжное и тяжкое мученіе, наказуемые сугубыми муками — съ одной стороны мученіемъ въ огнѣ неугасимомъ, а съ другой скорбію раскаянія, каковую обыкновенно блаженство другихъ производитъ въ имѣвшихъ возможность вкусить сіе блаженство, но не вкусившихъ по собственному нерадѣнію; а такая скорбь терзаетъ душу не меньше внѣшняго мученія, истязующаго тѣло огнемъ.

Глава 4. О сколько возвышало милостивыхъ состраданіе! О сколько унижало немилостивыхъ жестокосердіе! Первыхъ вводило въ царство ангеловъ, послѣднихъ низвергало вмѣстѣ съ демонами и съ діаволомъ въ геенну огненную. Такъ полезно удѣлять другимъ, такъ вредно не дѣлиться ни съ кѣмъ! И это весьма справедливо; потому что первое близко къ Божію челоуѣколюбію, второе же не далеко отъ сатанинской зависти. Кто не оказываетъ жалости къ единоплеменнику алчущему, угнетаемому и тѣсниному жадными ростовщиками — заимодавцамъ, тотъ не

пришелъ ли уже въ состояніе демоновъ, и не справедливо ли осуждается съ ними на общее мученіе, ставъ сообщникомъ злобы тѣхъ, съ которыми не имѣлъ общаго естества? Такъ сотворенный по образу Божію человѣкъ именуется и скотомъ, и звѣремъ, и пресмыкающимся, въ лукавомъ навывѣ поревновавъ тому, чѣмъ не былъ онъ по природѣ, и изъ естественнаго благородства перешедши въ неестественное неблагородство. Видишь ты, человѣкъ, что одинаковый съ тобою по роду лежитъ на землѣ, среди торжаша, бездомный, безпріютный, безъ куска хлѣба, не имѣетъ ни подъ собою на землѣ подъ усохшими боками подосланнаго рубища, ни вверху покрова, защищающаго отъ стужи, или зноя, на открытомъ воздухѣ равно принимаетъ на себя и падающій снѣгъ и солнечные лучи, принужденъ обнажать предъ всѣми тайны естества, не можетъ отъ долгаго неядѣнія къ выраженію прошенія употребить въ дѣло голосъ, но движеніемъ руки и маповеніемъ едва уже движущихся бровей объясняетъ знаками свою просьбу, отъ оскудѣнія тяжело дышетъ и едва переводитъ духъ,—видишь и проходишь мимо, побуждаемый къ поспѣшности, можетъ быть, наступившимъ временемъ принятія пищи, и ощущаемая тобою потребность не преклоняетъ тебя къ состраданію, не побуждаетъ снизойти къ голодному собственнѣй твой голодъ, который твоими огорченіями, впрочемъ недостигающимъ до подобной

нужды, научастъ тебя и чужимъ страданіямъ. У тебя, можетъ быть, не прошло вчерашнее опьяненіе, въ непасытномъ чревѣ не испарились во множествѣ наполнившія его яства, но отрываешь еще зловопія, тотъ одинъ плодъ справедливо приобрѣтя отъ предшествовавшаго удовольствія, что самъ ощущаешь непріятность выдыхаемыхъ испареній; потому что Создатель такое устройство далъ естественнымъ отправлениямъ нашего тѣла, что запахъ выходящій изъ устъ принимаетъ въ себя ближайшее къ устамъ — обоняніе; и самъ человѣкъ прежде другихъ исполняется отъ себя непріятнаго ощущенія. А его послѣ многодневной скудости на встрѣтившуюся случайно пищу заставляетъ неудержимо кидаться голодъ, который долженъ тотчасъ удовольствоваться однимъ кускомъ; потому что съ давняго времени отученъ онъ отъ обильнаго продовольствія, и по необходимости недостатка по немпогу приобрѣлъ невольную способность ограничиваться малымъ. Притомъ не разсуждаешь ты, что онъ для тебя — Лазарь, не разсуждаешь; потому что не позванъ ты еще на судъ, и не видишь его на лонѣ патріарха; впрочемъ увидишь, не сомнѣвайся въ этомъ. Ибо одинаково подвижавшіеся приѣмнотъ въ удѣлъ одни и тѣже мѣста, и предавшіеся одинаковымъ беззаконіямъ, осуждаются на одни и тѣже истязанія. А ты нечувствуешь болѣе и самаго богача. Онъ позволялъ, по крайней мѣрѣ, Лазарю спокойно лежать, не

отгоняя отъ дверей своихъ, терпѣливо имѣлъ всегда предъ глазами непріятный видъ покрытаго струнами и смраднаго тѣла, представляющаго гнусное зрѣлище непрестанными истеченіями гноя, который съ жадностію лизать сбѣгавшіеся псы затруднительнымъ дѣлали проходъ входившему въ домъ богачу, никогда не отгонявшему ни ихъ, ни того, для кого собираясь, затѣсняли они дорогу. Ибо если бы дѣлалъ онъ и это, какъ и прочее, то было бы сіе написано. Поелику же не поступалъ онъ такъ, то умолчано о семъ въ показаніе, что и въ весьма порочныхъ людяхъ есть свѣтлая искра естественнаго благородства, сіяющая собственнымъ блескомъ, и хотя мракъ порочныхъ навыковъ омрачаетъ ее, однако же не вовсе она угасаетъ. А у тебя жезлоносцы одѣтому въ рубища не позволяютъ и приблизиться даже къ воротамъ, не даютъ ему мѣста присѣсть или прилечь, почитая нищаго предвѣщателемъ перемѣны на худшее, и испрашивающій подающаго голосъ признавая зловѣщимъ предзнаменованіемъ.

Г л а в а 5. И что говорю о Лазарѣ, умаляя достоинство нищаго? Христось сказалъ, что въ лицѣ нищаго приходитъ Самъ Онъ, и дѣлаемое нищему усваиваетъ Себѣ. Ибо говоритъ: *понеже сотвористе единому сихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѣ. 25, 40.). И чего же ожидаетъ себѣ всякій отгоняющій и съ безчестіемъ препровождающій отъ себя нищаго, а въ лицѣ его — самого Христа? Презираетъ онъ рубища, неблаголѣпно

прикрывающій снаружи, и не видитъ сокровенной багряницы означающей, что подъ нею самъ царь; смѣется надъ малоцѣнностію одежды, а не примѣчаетъ достоинства образа; беретъ во вниманіе нечистоту тѣлесную, а не помышляетъ о чистотѣ душевной? Христось не сказалъ бы, что Самъ Онъ въ лицѣ нищаго, если бы въ нищемъ не видѣлъ великаго внутренняго достоинства. Да и ты, если бы увидѣлъ, что царь облекся въ одежду простолюдина, устроая что-либо полезное, и достоинство свое сокрылъ подъ смиренною наружностію; то употребилъ бы всѣ усилія, и приложилъ всякое возможное стараніе, чтобы дарами и многими услугами сдѣлать себя извѣстнымъ ему, хотя бы потребовалось пожертвовать ему всѣмъ имуществомъ, и остаться лишенымъ всего достоянія, зная, что милость при нуждѣ удостоивается со временемъ великаго вознагражденія. Почему же не умиловываешь Судію твоего, Который желаетъ нѣмгъ въ благотвореніяхъ нуждающимся принять отъ тебя дары, чтобы тогда судить тебя снисходительно, за тайное даяніе даруя явное спасеніе, подобно князю, который по снисходительности судится за деньги, и явно представляетъ судящему его, чего падѣется? И не ложный свидѣтель сему Господь, Который и молящемуся и подающему милостыню говоритъ: *не воструби предъ собою, якоже лицемери, но дѣлай добро въ кѣлти твоей: и Отець видѣй въ тайнѣ, воздастъ явъ*

(Матѣ. 6, 2. 4.): не скрываетъ въ молчаніи тайныхъ даяній, но провозглашаетъ о нихъ всей твари, и признаетъ, что Имъ Самимъ взято полученное нищимъ, который употребленъ въ посредники, какъ домашній и знакомый. *Понеже сотвористе единому сихъ, Милъ сотвористе*, открыто сказалъ Самъ Судія. И дѣлается сіе не по человѣческому закону, но вопреки господствующему у насъ порядку. Въ настоящемъ вѣкѣ и князь при нуждѣ отказывается отъ дара, предвидя опасность; потому что это есть татьба, и навлекаетъ осужденіе, и признавшійся, что отважился на сіе, дѣлается преступникомъ, подлежащимъ наказанію. У насъ и судящій — рабъ, и законъ также рабскій.—А тамъ, и Судія судитъ со властію, какъ Владыка, не возбраняетъ Себѣ отмѣнить наказаніе, положенное за вину, и признаніе во грѣхѣ прекрасно, потому что за признаніемъ слѣдуетъ прощеніе, а не наказаніе, и дары не скрываютъ отъ Судіи, потому что по превосходству престола никто не можетъ клеветать на челоуѣколюбіе, будто бы оказано оно несправедливо, и признать татьбою принятіе дара, который въ благодѣяніе и посредствующему нищему, и давшему подсудямому, для того и данъ, чтобы у одного удовлетворена была тѣлесная потребность, а у другаго исправленъ былъ душевный недостатокъ, и за немилосердіе не былъ онъ немилосердо осужденъ на нескончаемое мученіе. Или, конечно, какъ вымышленной баснѣ

смѣешься ты угрозы судомъ будущимъ? Но не будешь смѣяться, испытавъ, хотя и посмѣваешься теперь, слыша. Тогда срѣтитъ тебя наказаніе, и постигнетъ безотрадное мученіе, когда оплакивающей свое безразсудство ни мало тѣмъ не поможетъ себѣ, увидѣвъ, что предвозвѣщенное истинно, и усмотрѣвъ, что не откуда уже ему примыслить себѣ помощь, какъ и тѣмъ, которые здѣсь на цѣлой землѣ рукоплескали себѣ, что имѣютъ власть безпренятственно наслаждаться, и говорили: *да не придетъ цвѣтъ весны: увеличимъ насъ шипковыми цвѣты: вина дражайшаго и лира исполнимся: вездѣ оставимъ знаменіе веселія* (Прем. Сол. 2, 7. 9.).

Г л а в а 6. Таковы подавившіе въ себѣ предощущеніе будущаго; они хотятъ невозбранно имѣть въ своей власти все, что имъ по сердцу, опрометчиво отваживаясь на то, что имъ представится; потому что нѣтъ у нихъ разсудка, удерживающаго несправедливья стремленія. Но по преставленіи отсюда на судъ дознають, какая страшная тамъ отвѣтственность за содѣянное здѣсь, увидявъ, что обижаемый ими праведный нищій имѣетъ великое дерзновеніе предъ Судіею, и съ раскаяніемъ начнутъ иную болѣзненную пѣснь. Ибо, какъ сказано, *рекутъ въ себѣ кающіеся: сей бж, его же ильхомъ въ посмѣяхъ, и въ притчу поношенія. Мы бсзумнии житіе его вльничомъ неистово, и кончину его безчестну: како вльпнися въ сыннхъ Еожіихъ и въ святыхъ жребіи*

его (Прем. Сол. 5, 3—5.)? Такъ говорящими представило ихъ божественное Писаніе, симъ и послѣдователей ихъ вразумляя и научая имѣть великое попеченіе о иищихъ, какъ о праведныхъ. Ибо надобно убѣдиться, что подлинно праведны тѣ, которыхъ Господь не неудостоилъ признать равночестными Ему, можетъ быть, и для того, чтобы, приведя симъ въ стыдъ горделивыхъ, преклонить ихъ къ состраданію, когда несклонила ихъ къ милосердію однородность.—Если, говорить Господь, не милуешь его по естеству, какъ сродственнаго тебѣ; то послужи Миѣ по достоинству. Такъ досточтимостию собственнаго лица дѣлаетъ досточестнымъ и униженнаго иищаго, побуждаетъ къ усердію въ благотворительности, оказываемой не кому-нибудь неизвѣстному и неславному, но благородному, достойному уваженія, другу Его Самого. Какъ жалкій видъ просящаго не побуждаетъ къ скорому подаянію, или дѣлаетъ, что оно бываетъ скудно и соразмѣрно съ состояніемъ принимающаго: такъ признанное по наружности достойнымъ уваженія вызываетъ на щедрую милость, чтобы несоотвѣтственною малостию дара не оскорбилось оказавшееся достойнымъ вниманія. И всѣ Апостолы, Пророки, праведники, а паче всѣхъ Господь, заботливо увѣщавая, повелѣваютъ творить милостыню. Одинъ говорятъ: *раздробляй амущему хлѣбъ твой, и иищія безкровныя введи въ домъ твой: аще видиши пага, одѣй: и отъ свойствен-*

ныхъ племени твоего не презри (Иса. 58, 7.); другіе же: доброе творяще да нестужаемъ си; во время бо свое пожнемъ (Гал. 6, 9): одинъ говоритъ: грѣхи твоя милостынями искупи (Дан. 4, 24.); а другій: милуйи нища, взаимъ даетъ Богу (Притч. 19, 17.); и Господь сказалъ: сотворите себѣ други отъ милосны неправды (Лук. 16, 9.); и еще: блажени милостивіи: яко тии помиловани будутъ (Матѳ. 5, 7.). Но о милостыи не радятъ, какъ будто никто ничего не сказалъ о пей, и глубокому забвенію предается она: потому, можетъ быть, что многіе почитаютъ себя не причастными никакимъ грѣхамъ, и какъ во всемъ преуспѣвшіе, не имѣющими нужды въ милости. Но если бы сіе было справедливо; то мечтающіе о безгрѣшности должны были бы уподобляться въ челоуѣколюбіи Богу и оказывать милосердіе всякому въ родѣ челоуѣческомъ, по какой бы то ни было причинѣ, бѣдствующему, если не въ чаяніи вознагражденія, то по побужденію добраго навыка; потому что Богъ, ни въ чемъ не имѣющій нужды, ради нашей пользы прилагаетъ ни чѣмъ незознаградимое попеченіе, по естественному милосердію шлюя всякаго, имѣющаго нужду въ милости, *солнце свое сіяя на злыя и благія, и дождя на праведныя и неправедныя* (Матѳ. 5, 45.): а равнымъ образомъ научая и тому, что подлежитъ оказывать милость безъ различія всѣмъ, каковы бы они ни были, злы, или добры. Ибо нуждающагося въ благотвореніи

должно удовлетворить во всемъ потребномъ, что для него нужно, а не судить о немъ, въ правѣ ли, или не въ правѣ, получить опъ это. Въмѣстѣ съ праведными и неправедный, какъ пользуется солнцемъ и дождями, такъ удостоивается и милости отъ людей; потому что и въ неправедныхъ, при самомъ устроеніи ихъ, всѣяно нѣчто Божественное, и симъ научаютъ они оказывать благость подобную Создательной.

Г л а в а 7. Но въ жизни нашей никакого нѣтъ единообразія. Одни недовольствуются заботами о богатствѣ, отъ великой попечительности объ имуществѣ не имѣютъ времени для сна, по слову сказавшаго: *насытившагося богатствомъ земли не оставляетъ оно уснути* (Еккл. 5, 11.); всячески высчитываетъ опъ доходы, расчисляетъ мѣсячный ростъ, все продолженіе ночи употребляетъ на то, чтобы, опустивъ что изъ памяти, не утратить и малой какой выгоды. Другіе не имѣютъ въ достаткѣ и необходимаго, пребывая безъ пищи, съ пренебреженіемъ къ этому предаются сну, и великое для нихъ приобрѣтеніе продить безпробудность сна, оставаться нечувствительными къ своей скудости. У однихъ позлащенные огромные дома стоятъ пустыми, безъ людей, служа обширнымъ витанищемъ враговъ и совъ, а можетъ быть, и губительныхъ демоновъ; а у другихъ для укрытія нѣтъ и въ три локтя помѣщенія. У однихъ служитъ даже на безчестныя потребности серебро, перекован-

ное въ тяжеловѣсные сосуды, назначаемые для принятія въ себя мочи и нечистотъ чрева, а у другихъ пѣтъ и глинянаго черепка, въ которомъ бы въ жаждѣ поднести воду къ устамъ. У однихъ по варварскому безумію гнѣтъ дорогая одежда, а у другихъ для прикрытія срама пѣтъ и рубища изъ лоскутковъ. У однихъ тѣсно на столѣ отъ спѣдей всякаго рода, и земныхъ, и воздушныхъ и водяныхъ; ибо пѣтъ ничего такого, чего не вкушало бы сластолюбіе, всюду распростершее всеуловляющія сѣти, въ которыя вовлекаетъ обитающихъ въ глубинахъ и близь самаго зѳира, и уготовляетъ изъ нихъ обильное наслажденіе сластолюбцамъ, между тѣмъ какъ жалкое чрево отчаевается въ возможности насыщенія, оказывается уже недостаточнымъ къ тому, чтобы служить ненасытности неудовлетворимаго пожеланія, котораго въ неудержимомъ стремленіи не останавливаетъ наполненіе внутреннихъ сосудовъ; потому что предѣломъ потребности почитаетъ не удовлетвореніе оной, но одно то, чтобы не оставить ничего приготовленнаго. Посему, какъ приѣмлющіе сосуды при семъ раторгаются и не выносятъ тяжести пресыщенія, то сластолюбіе при всемъ обиліи остается неудовлетвореннымъ, мучась жадностію при видѣ оставленнаго, и жалуясь на малый объемъ чрева, не способнаго вмѣщать въ такой мѣрѣ, въ какой оно желаетъ, и всего того, что оно въ неудержимомъ стремленіи зяетъ жадно поглотить. А

у другихъ пожеланіе огранпчивается однимъ кускомъ, и отчасти удовлетворить потребности почитаютъ они роскошью; потому что пресыщеніе заставляетъ прпмнпшать многія новыя одно за другимъ изобрѣтенныя удовольствія, даже и не надолго не пользуясь удовольствіями привычнымъ, если въ томъ, что наслаждаетъ, не будетъ частыхъ и непрерывныхъ перемѣнъ, которыя, поражая необычайностію, привлекаютъ къ себѣ и на чемъ неостанавливающееся пожеланіе, и наслаждаютъ вкусъ то тѣмъ, то другимъ качествомъ; напротивъ того скудость убѣждаетъ одно полезное признавать любимымъ, повелѣвая наполнять пустоту, а не наслаждать вожделѣніе. Поэтому, ужели теперь кто пзъ людей столько немилосердыхъ, что проходятъ мимо и больныхъ, которые лежали на распуціяхъ, и тѣхъ, которыя ходили по улицамъ, прпнужденные безъ стыда приступать къ чужимъ дверямъ, и тѣхъ, которыя, по непривычкѣ просить, стыдились объявить о постигшей ихъ превратности, и рѣпались въ тайнѣ терпѣть голодъ, но несоглашались показаться знакомымъ въ несоотвѣтственномъ достоинству своему видѣ, — и тѣхъ, которыя злострадали въ рудокопняхъ и темницахъ, обремененные узамъ, прпнужденные тесать камни, и тѣхъ, которыя въ гробахъ на утесистыхъ горахъ истощались въ снахъ отъ падучей болѣзни, и одни предполагая, что болѣзнь ихъ возбудить отвращеніе, не осмѣливались входить въ города и села,

изъ страха, что надъ ними не сжалятся и замечутъ ихъ камнями, соблюдая себя отъ сей немощи, а другіе, не имѣя и ногъ, чтобы ходить, и рукъ, чтобы ползать, безмолвно оставались всѣ дома, подобясь древеснымъ стволамъ, немѣющимъ сучьевъ, будучи лишены членовъ потребныхъ для всякаго движенія, ужели кто видя, и ихъ изъ такого злостраданія преселенными въ покой, и себя изъ такой роскоши перешедшимъ на мученіе, не скажетъ, что судъ Владычній праведенъ? И можетъ ли придти ему на мысль съ моленіемъ своимъ обратиться къ Судіи, когда самъ онъ нечувствителенъ былъ къ мольбамъ нуждающихся, всегда поступалъ съ ними жестоко, и самая совѣсть еще прежде Судіи осуждаетъ его въ прежнемъ безчеловѣчїи? Но этотъ человѣкъ, который дѣлаетъ насилія, грабитъ, самоуправствуетъ, посягаетъ, скрываетъ, гонитъ, заточаетъ, преслѣдуетъ клеветою, уводитъ, уноситъ, порабощаетъ, повсюду возмущаетъ жизнь всякаго, не оставляетъ не приведеннымъ въ дѣйствіе ни одного вида зла, пока власть и сила дозволяютъ ему дѣлать это, безъ сомнѣнія стремглавъ низвергнется на самое дно тартара, обличеніе въ столькихъ грѣхахъ признавая для себя тягостнѣйшимъ мучительныхъ истязаній. Подлинно это приличнѣйшій конецъ для тѣхъ, которые могущество свое употребляли не на благодѣяніе, но во зло ближнему, стяжанія свои оставили

другимъ на препровожденіе роскошной жизни, а себя приобрѣли вѣчное мученіе.

Г л а в а 8. Какое неразуміе! какое безсмыслие! Что доставляетъ любостыжательность, кромѣ веселія, не скажу, кромѣ необходимой потребности для желающихъ къ облегченію тѣлесной немощи сдѣлать что-либо въ угодность и вождельнію? А мы для сего въ желаніи всѣмъ обладать обходимъ цѣлую землю, бываемъ у Бриттовъ, Есперіанъ, Мавровъ, на востокъ же простраемся въ Оивы и въ страну Индовъ. отсюда привозимъ для своего употребленія служащее къ роскоши, собираемъ безчисленныя сокровища для заготовленія товаровъ; потому что, частию собственными земными произведеніями, а частию добываемымъ съ торжища надобно намъ уразнообразивать трапезу, дѣлать ее многоцѣнною и избыточествующею всѣмъ, что могло бы наполнить всегда отверстыя, подобныя чашѣ, зѣвъ чрева; и у многихъ дѣйствительно оныя и всегда отверсты и не наполнимъ, если не по обширности сосуда, то по ненасытности желанія, всегда алчнаго и никогда не удовлетворяющагося похотѣнія, зіяющаго схватить все, что показываетъ зрѣніе. Для этого клеветы и самоуправства, для этого татѣбы и грабежи, для этого одинъ дѣлаетъ насиліе другому, а ему опять другой, по мѣрѣ того, какъ въ имѣющихъ большую и большую степень могущества возрастаетъ самоуправство, которое приводитъ къ тому.

что обижаящіе нынѣ слабого въ скоромъ времени сами потерпятъ обиду отъ сильнѣйшихъ, и примышляетъ непостыдныя, повидимому, предлоги къ хищенію; потому что въ любостыжательныхъ замыслахъ служатъ оно искуснымъ совѣтникомъ, подавая совѣты, убѣждающіе въ мнимои благовидности хищенія. Такъ Іезавель услышавшую, что мужъ ея Ахаавъ пожелалъ виноградника принадлежавшаго Навуою, настроила, съ такимъ усніемъ и ухищреніемъ устремиться къ предположенному хищенію, чтобы и желаемое было получено, и не стало, кому бы сѣтовать на хищеніе; оклеветавъ Навуою въ хулѣ на Бога и царя, предала она смерти владѣвшаго виноградникомъ, и когда не стало у него владѣльца, взяла себѣ; и некому уже было объяснить обиду для незнавшихъ дѣла, когда не стало на свѣтѣ того, кто могъ бы вопіять о ней. Но нынѣ люди отважпваются на большія еще злодѣянія, усовершенствовавшись со временемъ въ опытности дѣлать обиды, и по навыку преуспѣвъ въ этомъ искусствѣ. Дѣти еще при жизни лишаются отеческаго достоянія, братья отчуждаются отъ наслѣдства послѣ братьевъ, жены по кончинѣ мужей, какъ ни вопіютъ на беззаконіе, не бываютъ услышаны, и не получаютъ пмѣнія. Ибо въ каждомъ изъ сплхъ наслѣдственныхъ поступковъ мнмымъ оправданіемъ прічиняемаго вреда служитъ примѣръ царскихъ даровъ. Царь, можетъ быть, по праву могъ отдавать прося-

щимъ оставшееся безъ владѣтеля; ибо и ему невозможно было собственность однихъ обращать справедливо въ даръ другимъ, передавая чужимъ слѣдовавшее на долю законнымъ наслѣдникамъ, что должно переходить отъ умершихъ по порядку преемственно по родственному праву.

Глава 9. Но лобостыжательность страшно ухитряется убѣждать всѣмъ, обольщаетъ царей околичными прошениями, беретъ благовидную власть, надъ кѣмъ только хочетъ, переставляетъ и сверху внизъ, и обратно снизу вверхъ, всегда дѣлаясь для многихъ причиною нестершимыхъ бѣдствій. Посему многіе изъ обиженныхъ на опытѣ оказались безстыдными нищими, лишившись значительнаго имущества, и возымѣвъ нужду въ благотворительности другихъ, обратились къ тому, что описываютъ свои бѣдствія, трогательно изображаютъ страданія, потоками слезъ доказываютъ свою нужду, и увѣряютъ, что иные имъ, ничего немущимъ, едва даютъ на хлѣбъ, говоря, будто бы у просящихъ милостыни въ обычаѣ выдумывать такіе рассказы, многое увеличивать для обмана, присвоить себѣ благородство, котораго не имѣютъ, жаловаться на небывалую потерю денегъ, подробно рассказывать о выдуманыхъ кораблекрушеніяхъ, сочинять цѣлыя повѣсти о нападеніяхъ разбойниковъ, о побѣгѣ рабовъ, которые ограбили ихъ, и оставили въ этомъ непристойномъ видѣ, какъ показываетъ бѣдное и слезъ достойное одѣяніе, и какъ послѣд-

нее средство вымолить себѣ значительнѣйшее по-
даяніе — присовокуплять такія слова: отняты у
насъ земля, усадьба, имѣніе; лишились мы денегъ,
приличнаго содержанія, домашней прислуги, ни
откуда не видимъ себѣ утѣшенія, даже еще смѣ-
ются надъ нами бѣдными, думая, что рассказы-
ваемое о нашихъ бѣдствіяхъ — небылица и ложь.
Ибо дѣйствительно подозрѣвается всегда во лжи
рассказываемое о прежнемъ благополучіи, пови-
димому, и правдоподобное; если кто говоритъ,
какъ кажется, и правду, но не имѣетъ никакого
доказательства въ подтвержденіе словъ своихъ,
настоящее же его положеніе нимало ни въ чемъ
не согласуется съ его словами. Посему таковыя
принуждены бывають въ молчаніи переносить
тяжесть бѣдности, почитая неблаговременнымъ
открывать о своемъ положеніи тѣмъ, которые
не хотятъ вѣрить, слова ихъ обращаютъ скорѣе
въ предлогъ къ посмѣянію, нежели къ сострада-
нію. **И** одни изъ нихъ скитаются, мѣняя отечества
одно за другимъ въ той мысли, что неизвѣстное
пока для нихъ, можетъ быть, окажется и удоб-
нымъ для благоустроенія жизни; нные же оста-
ются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ застигнуты бѣдстві-
емъ, не рѣшаясь на переселенія, то по немощи
силъ, то по неизвѣстности будущаго, настоящее
и опытомъ извѣданное не безъ основанія пред-
почитая сомнительному, будетъ ли оно хуже или
лучше, и утѣшая себя, по крайней мѣрѣ, тѣмъ,
что, хотя въ слѣдствіе сдѣланнаго имъ наслія

лишены они всѣхъ прочихъ имуществъ, однако же имѣють невозбранное право пользоваться стп-хїями свободными и дѣлать изъ нихъ такое же употребленіе, какое дѣлають и надмѣвающіеся своимъ могуществомъ; потому что отъ Создателя прїяли сіе неотъемлемое достояніе, чтобы не впасть имъ въ совершенное уныніе, какъ не имѣющимъ власти ни надъ какою частию цѣлаго творенія. Поэтому, гдѣ хотять, дышнуть этимъ никому не возбращаемымъ воздухомъ, черпають въ источникахъ, рѣкахъ, озерахъ, сколько угодно, пользуясь изобильнымъ питіемъ, и съ полною свободою омываясь водами, если не въ городахъ и селеніяхъ (тамъ воды раздѣленной для орошенія, можетъ быть, и не дадутъ имъ, какъ неимѣющимъ своей собственности), то въ пустыняхъ и мѣстахъ невоздѣланныхъ, съ неограниченностію наслаждаясь, въ какой только хотять мѣрѣ, и ни отъ кого не видя себѣ препятствія. Сіяніе солнца прїемлютъ и очами и всѣмъ тѣломъ: и никто, если бы и захотѣлъ, не въ состояніи остановить истекающихъ изъ него лучей, по преимуществу богатаго предъ нищимъ, удѣлить первому больше, нежели сколько достаточно послѣдному по его смиренію. Ибо въ чемъ есть что-либо по природѣ своей удѣляемое по частямъ, въ томъ преимуществуютъ богатые, не позволяя, чтобы у другихъ было тоже, что стараются имѣть они сами. А что не допускаетъ раздѣла: то въ общес употребленіе равно дается

всѣмъ, и въ обладаніи этмъ однъ передъ другимъ не имѣетъ никакаго преимущества ; потому что природа равно удѣляетъ это всѣмъ, и желающмъ имѣть у себя много не даетъ поводовъ къ раздору.

ГЛАВА 10. Кто по превосходству силъ, отдѣливъ себѣ участокъ воздуха, какъ участокъ земли, или денегъ, могъ удержать у себя эту отдѣленную часть, когда воздухъ непрестанно разливается на всѣ части творенія? Кто, на подобіе денегъ, или драгоценностей, укрывалъ солнечный свѣтъ, или солнечную теплоту, въ собственной своей сокровищницѣ, наслаждаясь симъ однъ, когда ночь скроетъ солнце подъ землею, или облака закроютъ его во время теченія по небосклону? Вода, почерпаемая въ сосудахъ, хотя дѣлится, повидному, на многія части, дѣлаясь собственностію каждаго изъ почерпающихъ во время самага черпанія, однако же по обилію потока употребленіе ея дѣлаетъ для многихъ безспорнымъ, подобно вещамъ неудѣляемымъ, утоляя желаніе обладанія ; потому что всякій, у кого есть разсудокъ, конечно признаетъ излишнимъ и напраснымъ стараться присвоить себѣ, что природа, какъ ничто общее, даетъ всѣмъ, и какъ предоставляетъ всякому равныя права на употребленіе, такъ всякаго одинаково лишаетъ права владѣть одному и прятать то, чѣмъ всякой и всегда обильно и удобно можетъ пользоваться, и что сею готовностію служитъ къ наслажденію

каждаго приводить въ бездѣйственность пожеланіе пріобрѣтенія; потому что рѣдко находимое и съ трудомъ пріобрѣтаемое раздражаетъ желаніе, заставляя употреблять усиліе, чтобы не было это прежде взято другимъ, но не возбуждаетъ сего пожеланія презираемое по тому самому, что всегда этого много.

О Т Д Ъ Л Е Н І Е 10.

О ЖИЗНИ БЛАЖЕННЫХЪ И ЗЛОУМИ ДЯВОЛА.

Г л а в а 1. И такъ, поелику дѣла, какъ сказано, другъ, въ такомъ положеніи, и столько беззаконія на свѣтѣ, что всѣ подражаютъ въ жизни рыбамъ, поглощаютъ меньшихъ, и сами поглощаются сильнѣйшими, то надобно найдти, или какого-либо великаго Моисея, который бы то поражалъ Египтянина, наносящаго удары Израильтянину, то увѣщавалъ примириться борющихся единоплеменниковъ, и говорилъ: вы братья, для чего же обижаете другъ друга (Исх. 2, 12. 13.)?— Или Аввакума,—который вовсе не имѣетъ спль отмстить, но обращается съ молитвою къ Богу помочь утружденнымъ противъ водворившагося тогда беззаконія, и дерзновеніемъ предъ Богомъ до-

казываетъ ревность ; ибо говоритъ: *доколы Господи воззову, и не услышиши? возопію къ Тебѣ обидимъ, и не избавиши* (Авв. 1, 2.)? молясь не о своемъ лицѣ (потому что былъ Пророкъ, и ничто не могло ему вредить), но, по ненависти къ пороку, прося отмстить за обиду нанесенную другимъ. Почему въ слѣдъ за симъ присовокупляетъ, говоря: *вскую лиль показалъ еси труды и бользни, смотриши страсть и нечестіе? яко нечестивый преобидитъ праведнаго* (3. 4.). *И сотвориши чловѣки яко рыбы морскія, и яко гады не илущія старыишны* (14.) Сколько было бы добра, и сколько утѣшенія приносило бы обиженнымъ, когда горести ихъ облегчались бы состраданіемъ скорбящаго съ ними? Какъ поступать самоуправно, дѣлать вредъ и насмѣхаться, такъ людей недостаточныхъ лпшать принадлежащаго имъ, — есть обида. Каждый обижаетъ всѣхъ тѣхъ, кому можетъ благодѣтельствовать, и не помогаетъ. И Господь показуя справедливость сего, не тѣхъ однихъ, которые дѣлаютъ обиды и любостыжательны, но и тѣхъ, которые не напитаи алчущаго нищаго, не ввели въ домъ свой странника, не посѣтили больнаго, не приходили къ заключенному, и ни мало, ни словомъ, ни дѣломъ, не утѣшали узника, — предалъ огню вѣчному, признавъ самою великою и тяжкою неправдою — не употреблять спль своихъ на благотвореніе нуждающимся. Ибо, если бы законъ Божій и не предписывалъ ясно

творить милостыню, то сама природа содѣлалась бы наставницею, — безмолвнымъ повелѣніемъ узаконивъ сострадательность, по причинѣ подобострастія. А когда и законъ, начертанный въ священныхъ книгахъ, напоминаетъ объ естественной силѣ, возбуждая и поощряя склонность къ благодѣянію пуждающимся; не достоинъ ли осужденія на мученіе, тягчайшее даже огненнаго, кто ни тѣмъ ни другимъ не побуждается къ челоуѣколюбію, и отвиѣ обличаемый и внутренно укоряемый за недѣланіе добра, но остающійся совершенно холоднымъ и нерасположеннымъ къ благотворительности, или по скупости, или по жестокосердію? Но если кто вводитъ въ домъ свой странниковъ, подобно Аврааму, съ дороги привлекаетъ къ себѣ путниковъ, подобно Лоту, питаетъ сиротъ и пуждающихся вдовъ, снабжаетъ тѣмъ, чего у нихъ нѣтъ, для всякаго недостатка дѣлается тѣмъ пменно, что восполняетъ его недостатокъ, по мѣрѣ силъ, соображаясь съ потребностями каждаго, подобно великому Іову, погребаетъ тѣла брошенныхъ мертвецевъ, какъ по сказанію псторіи дѣлалъ праведный Товія, пришедшему страннику удѣляетъ *горницу, одръ и трапезу*, подобно Соманытянинъ (4 Цар. 4, 10.), преспровождаящимъ жизнь уединенную въ куцахъ и вертепахъ услуживаетъ необходимымъ, подобно Авдію, въ крайней пуждѣ и дѣтямъ своимъ предпочитаетъ пуждающагося праведника, законъ природы поставляя на второмъ мѣстѣ послѣ добро-

дѣтели, подобно сарептской вдовицѣ, имѣвшей у себя одну горсть муки, и ту, когда любимѣйшіе дѣти въ скудности истаскали отъ голода, уступившей Пророку Иліи, никогда не оставляетъ поученія въ Божіемъ словѣ, подобно Евнуху, читающему и на колесницѣ, и такимъ попеченіемъ о семъ дѣлѣ доказывающему свою рачительность къ оному дому, творитъ молитвы и милостыни, подобно Коринтію, которому представившій Ангель сказалъ: *молитвы твоя и милостыни твоя въздоша на память предъ Бога* (Дѣян. 10, 4.), благовѣствуя снмъ дѣлателью, что дѣла сіи достойны Божія воззрѣнія, — усердно постится, соревнуя Павлу, который, поставляя сіе въ части похвалы, говоритъ: *въ пощеніяхъ многажды, во алчбѣ и жажди* (2 Кор. 11, 17. 27.), хвалясь терпѣніемъ во время этого сугубаго мучительнаго страданія — алчбы и жажды, въ наученіе нерадивыхъ въ дѣлѣ воздержанія, по навыку къ сластолюбію, поработившихся этому сборщку дашеі — чреву, чтобы, если не привлекло ихъ къ этому желанію лобомудрія, то, по крайней мѣрѣ, подвигло желаніе похвалъ; потому что достойное похвалы, безъ сомнѣнія, не лишено и похвалъ: то почему же такового не признать равночестнымъ всѣмъ поименованнымъ выше, какъ усвоившаго себѣ преимущество каждаго и въ одномъ лицѣ содѣлавшагося тѣмъ, чѣмъ всѣ они были, взятыя въ совокупности, въ собственной жизни своей сочетавшаго всѣ превосходныя

качества и доказавшаго достовѣрность древнихъ сказаній, не убѣдительно доводовъ, но свидѣтельствомъ самыхъ дѣлъ? Чтò въ повѣствованіи по необычайности перѣдко кажется невѣроятнымъ, то, будучи подтверждено самымъ дѣломъ, становится несомнѣннымъ, не давая болѣе и мѣста вопросу о возможности или невозможности.

Г л а в а 2. И почему же тебѣ было бы желательно, чтобы сіяющая добрымъ житіемъ жена (б) укрылась отъ ненавистника добра діавола, хотѣлось бы, чтобы, подавая ему столько поводовъ вызывающихъ на борьбу, сама пребыла неподвизавшеюся въ борьбѣ съ искушеніями? Ибо, если каждый изъ преуспѣвающихъ въ какомъ-либо добромъ дѣлѣ, даже не изъ числа первыхъ, видѣлъ противъ себя великія усилія врага; то ей, многообѣдной, подвизавшейся вдругъ подвигами всѣхъ, должно ли было оставаться незабоченною? стоять на поприщѣ, и не имѣть противоборника, быть умощненною, и не вступить въ борьбу,—поднять пыль на мѣстѣ ратоборства, и не раздражить противъ себя сопротивника; войти съ нимъ въ состязаніе, и не побудить тѣмъ къ противоборству; упражняться въ добродѣтели, и не огорчить виновника всякаго зла; угождать Богу, и не возбудить зависти въ змій, обыкшемъ

(б) Сіе говорится о Перистеріи. Смѣтр. выше отд. 1 гл. 3.

ненавидѣть преуспѣвающихъ въ той чести, съ которой исполнилъ онъ по презорству? Поэтому всѣ святые терпятъ отъ него нападенія, и изъ предпринимающихъ сдѣлать, или совершившихъ, что-либо угодное Богу иѣтъ ни одного, кому бы не противодѣйствовалъ онъ, не злоумышлялъ противъ ревнующаго о семъ, и не былъ ему врагомъ, какъ потому только, что дѣлаетъ правду (ибо ревнующіе о семъ вступаютъ въ содружество съ Спасителемъ Христомъ, а его оставляютъ одного, такъ еще и потому, что, весьма съ немногими осужденный на вѣчное мученіе, желалъ бы онъ многихъ, или и всѣхъ, увлечь съ собою. А, можетъ быть, этотъ проклятый думаетъ и себѣ увидѣть пощадy вмѣстѣ со всѣми, если цѣлый родъ человѣческій окажется повиннымъ терпѣть мученіе; потому не убѣдилъ его въ строгости приговора, не преклонившейся къ состраданію, но все множество людей признавшей подлежащимъ за грѣхъ наказанію. По крайней мѣрѣ, почитаетъ онъ для себя утѣшеніемъ быть наказаннымъ со многими, потому, безъ сомнѣнія, что мученіе участіемъ въ немъ многихъ, по его мнѣнію, облегчается, хотя и въ этомъ, какъ и во всемъ, ошибается врагъ. Ибо что пользы страждущему въ великомъ числѣ раздѣляющихъ тоже страданіе, когда у каждаго своя нескончаемая и нераздѣляемая съ другими болѣзнь? Но ненавистнику къ укрѣпленію своему въ страданіи достаточно, можетъ быть, и одной гибели мно-

гихъ, хотя бы отъ этого вовсе не было никакой выгоды ему самому. Ибо ненависти свойственно желать ненавидимымъ бѣдствія и перехода изъ состоянія досточестнаго въ безчестное, желать безъ всякаго для себя утѣшенія въ своемъ злополучіи, кромѣ развѣ того одного, что, если достигнетъ желаемаго, ненависть успокоивается, увеселяясь превратностію въ благополучіи ненавидимаго, которое прежде мучило и изсушало ее.

Г л а в а 3. Такъ новозданнаго еще Адама, едва только сподобившагося Божія образа и пріившаго владычество надъ тварію, приступивъ къ нему съ лестію и коварствомъ, когда не имѣлъ еще ясной причины пріивести въ исполненіе завистливое свое намѣреніе, потому что Адамъ помнилъ и заповѣдь и честь, какъ недавно ему данныя, обольстилъ онъ живыми внушеніями, обѣщавъ ему Божескую честь, чтобы лишитъ и чести дарованной. Не было у него оружія, которымъ бы могъ покорить испзвѣдавшаго еще брата Адама, не было ни любодѣянія, потому что не раздражалось еще сластолюбіе, ни зрѣніемъ, ни страстію, ни побостязательностію; да и нечему было возбуждать въ немъ пожеланія къ пріобрѣтенію и зависти, не было ни тщеславія, ни ненависти, ни коварства, а равно не было и тѣхъ, противъ кого возбуждлись бы страсти сіи, какъ вскорѣ начали оперяться онѣ въ Канѣ, побужденныя къ ревности похвалою Авелю. Врагъ въ

одномъ только видѣль содѣйствіе себѣ къ устро-
 енію ухщреннаго замысла — въ любви и въ по-
 желаніи большей чести; потому что страсть сія
 древня и современна чловѣку, но дана не на
 оскорбленіе, а для благоговѣйнаго чествованія,
 Почтившаго. И то достоинство, какое, какъ Богъ,
 общалъ сей, въ первый разъ изрекшіи имя мно-
 гобожія и чистое понятіе едпнначалія омрачив-
 шій наименованіемъ боговъ, прибрѣталось че-
 ловѣку прележнымъ упражненіемъ въ добродѣ-
 тели, а не могло быть восхищено преступлені-
 емъ заповѣди; такъ какъ свойство грѣха лишать
 чести, а не придавать честь. И съ Адама за
 оскорбленіе Почтившаго, немедленно по престу-
 пленіи имъ заповѣди, совлекается достоинство,
 отъемается у него начальство, слагается съ него
 честь образа, возвращается онъ въ тоже низ-
 кое состояніе, изъ котораго едва только произ-
 никъ, снова безъ образа Божія, даннаго въ удѣлъ
 перстному составу, пменуется землею и перстію.
 И послѣ этого справедливо сталъ онъ бояться
 ярости звѣрей, яда пресмыкающихся, нападенія
 жпвотныхъ сильныхъ, и для которыхъ самъ по
 власти своей недавно былъ страшень, тѣмъ са-
 мымъ содѣлавшись подвластнымъ, за непокор-
 ство Богу лишлся всего, чѣмъ обладалъ предъ
 тѣмъ за послушаніе. Нбо и вмѣсто всѣхъ зако-
 новъ Создатель наложилъ на него послушаніе,
 предпсавъ воздержаніе отъ одного растенія; по-
 тому что, какъ сказано, не было ничего инаго

къ упражненію въ законномъ подчиненіи того , кто по тому самому , что господствовалъ надъ всѣмъ прочимъ , необходимо долженъ былъ имѣть для себя какое-либо предписанное ему правило , указывавшее на его иго рабства , чтобы , когда высоко возмечтаетъ о своемъ владычествѣ надъ тварями и начальствѣ надъ многими и сильными животными , сокращалъ надмѣвающеся властію сердце тѣмъ , что и самъ онъ подъ закономъ , и что лежитъ на немъ заповѣдь ; потому что страхъ , внушаемый высшимъ начальствомъ , обыкновенно приучаетъ низшихъ къ некичливости , какъ надмѣніе сердца въ отношеніи къ подначальнымъ унижолудривая и смиряя мыслию о предержащей власти , такъ и оскорбительное иногда высокомеріе удерживая напоминаніемъ о взысканіи за то высшимъ начальствомъ .

Глава 4. Но не такъ разсудилъ о томъ , что ему дѣлать , земный паче , нежели богоподобный , Адамъ , всецѣло предавшись совѣтующему предпочестъ высшую почестъ , и презрѣть заповѣдь , когда лучше было , сохраняя оную , обладать естеству приличествующею честію , нежели , въ неизвѣстности ожидая той , которая выше естества , утратить ту , какую уже имѣлъ , обладая настоящимъ , отринути это въ чаяніи вовсе невозможнаго . Но виявше слову Господа : *будите совершени , якоже Отецъ вашъ небесный совершени естъ* (Матѳ. 5 , 48.) , и потщавшися послѣдовательно восходить путемъ , вводящимъ въ

сіе совершенство чрезъ подражаніе всесовершенному Отцу въ частныхъ добродѣтеляхъ, то есть, дѣлаясь сперва щедролюбивыми, челоуѣколюбивыми, сострадательными, милостивыми (ибо сіе возводитъ къ совершенству Отца), не безъ причины вмѣстѣ съ образомъ воспріемлютъ первобытное достоинство и вождельное наименованіе, не отъ солгавшаго древле праотцу нашего рода, но отъ вѣдущаго всегда истинствовать Бога, — пріемлютъ въ сказанномъ имъ: *Азъ ряхъ: бози есте и сынове Вышняго вси* (Псал. 81, 6.). Такъ къ сему былъ назначенъ челоуѣкъ, но, не пріобрѣтши еще вѣдѣнія, кто Податель сего дара, естественнымъ образомъ обманулся въ надеждѣ, повѣривъ беззаконному, внушавшему, какъ достигнуть оной чести. Не уразумѣлъ онъ хитрости обманщика, который, устроая, чтобы челоуѣкъ не достигъ той чести, какую обѣщаль ему, далъ совѣтъ достигать ее, какъ не возможно было и достигнуть, невозможностію способа уготовляя ему безуспѣшность въ возможномъ, чтобы то, что по всей вѣроятности могъ имѣть у себя, утратилъ по неразумному совершенію дѣла, хитро обманутый ухищряющимся всегда направлять все ко вреду повѣрившихъ ему.

Глава 5. И что тогда зверей приводили въ подчиненіе черты Божія образа, — сіе показали время и дѣйствительный опытъ. Ибо все то, что губительно нынѣ для грѣшнымъ, пзъ уваженія къ праведнымъ спѣшитъ сократить тле-

творную силу. Такъ огонь вавилонской печи не коснулся даже и кожи на тѣлѣ святыхъ, а на печествыхъ извергѣ пламень, который на разстояніи сорока девяти лактей могъ пожрать встрѣтившихся тамъ Халдеевъ, поядая ихъ, какъ сухую солому и сухія дрова, горячіе же угли оставилъ внизу охладѣвшими, бездѣйственными, подобно брѣню и камнямъ, такъ что не могли они причинить боли поправшимъ ихъ ногамъ. Ибо юноши вышли изъ печи, имѣя и ризы неизмѣнившими своего цвѣта и свободными отъ самаго дымнаго запаха, немощнымъ и брѣннымъ тѣломъ пренобѣдивъ всеобладающую силу огня. Такъ и львы, во рву томимые голодомъ (потому что семь дней ханжны были безъ пищи, и варвары думали слѣдъ лишеніемъ возбудить естественную ихъ свирѣность), не дерзнули и приблизиться къ Даниилу, чтобы даже видомъ страшнаго своего устремленія не огорчить праведника и, когда онъ вкушалъ принесенную Аввакумомъ пищу, пребыли воздержными, и при этомъ не подвигались къ неозволенной снѣди. Ибо Тотъ, Кто въ продолженіи сорока дней подкрѣплялъ Моисея и Ілію, такъ что невозможны они нужды въ пищу, устроилъ, что неснѣдъ Аввакумъ, но превысрениему воздуху перенесенный Ангеломъ, прибылъ изъ Іудей въ страну вавилонскую не для того, чтобы напичать алчущаго праведника, но чтобы явилось великое и крайне необычайное чудо, провозглашающее львовъ лю-

бомудрыми хранителями поста, не прекращающими многодневнаго пребыванія въ оскудѣніи, когда въ глазахъ ихъ вкушали пищу человѣкъ, и передъ ними была обычная для нихъ и любимая ими пища—плоть человѣческая; такъ какъ это служило имъ обыкновенною снѣдію; каждый день получали они два тѣла (Дан. 14, 32.) осуждаемыхъ на смерть. Такъ непрерывность Чермнаго моря раздѣлилась отъ берега до берега, и естество текучее и скользящее уподобилось тѣлу твердому, образовавъ изъ себя по ту и другую сторону высокія стѣны, и наскоро Моусеевою вѣрою проложенную посреди необычайную стезю обративъ въ широкій путь народу; потому что Божій образъ повсюду внушаетъ уваженіе къ служителямъ Божиимъ, и во всемъ дѣлаетъ ихъ достойными вниманія.

Г л а в а 6. Итакъ, почему подвижниковъ огорчаетъ упражненіе въ подвигахъ, которое научаетъ знанію подвижничества, не допускаетъ до опасностей, продолжительные труды облегчаетъ трудомъ кратковременнымъ, и не даетъ кознямъ дѣлаться вредоносными? Но, можетъ быть, и не огорчаетъ оно тѣхъ, которые знаютъ пользу его по слѣдующему апостольскому наставленію: *скорбь терпніе содѣловаетъ, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Рим. 5, 3. 4.), непременно принесетъ съ собою и то, чего надѣемся, и ожиданіе сдѣлаетъ не напраснымъ. Огорчаетъ же тѣхъ, которые не расположены

къ подвижническому труду, по лѣности и по малодушію своему остаются только зрителями чужихъ подвиговъ, какъ слово Божіе и жену великаго Іова представляетъ неспособною даже и видѣть тѣ страданія, какія переносилъ Іовъ; почему я говоритъ она подвижающемуся мужу: *доколь терпиши* (Іов. 2, 9.)? Ибо слова: *доколь терпиши* показываютъ, что ей трудно было смотрѣть на тѣ искушенія, которыя терпѣлъ онъ. Не говоритъ она: долго ли тебѣ страдать, или мучиться и утруждаться? но: *доколь терпиши?* Ии болѣзни его не состраждетъ, ни мужеству не удивляется, но порицаетъ терпѣніе, какъ напрасное и ни съ чѣмъ несообразное, совѣтуетъ сѣтовать на продолжительность страданія, а не раздѣляетъ скорби страждущаго. Таковы люди слабые и женоподобные; впавъ въ трудное положеніе, не только подвижающихся не поощряютъ они къ мужеству словами, которыя не рѣдко и ослабѣвшему въ духѣ придаютъ бодрость, но секрываютъ и уничтожаютъ послѣднюю бодрость, жалуясь на страданія, какъ на нестерпимыя, и кого должны были по справедливости ублажать, о тѣхъ жалѣютъ и плачутъ, какъ о людяхъ жалкихъ. Не слышалъ ли ты, что говоритъ Божіе слово: мужъ не искушенный не искусенъ предъ Богомъ (Іак. 1, 12.)? Почему же дивнись, что искушаются благоугождающіе Богу? Развѣ не убѣдили тебя примѣры прежде жившихъ праведниковъ, которыхъ жизнь полна скор-

бей и подвижническихъ потовъ? Не знаешь раз-
вѣ благочестія Говлева и козней врага? Не на
показъ, не славу имѣя въ виду, Говъ самъ опи-
салъ свои преспѣянія, но призывая слушающихъ
къ ревностному подражанію, изобразилъ свое
усердіе къ страннымъ, говоря: *зиль не водво-
ряшеса страникъ, дверь же моя всякому при-
ходящему отверста бль* (Гов. 31, 32.); изобра-
зилъ попеченіе свое о вдовахъ и сиротахъ: *аще
же и хлѣбъ мой ядохъ единъ, и сиролу не пре-
подахъ отъ него* (17.), и вдовица не отходила
никогда отъ дверей съ пустымъ пѣдромъ; изо-
бразилъ и покровительство обиженнымъ: *расгрю,
ея же не вѣдахъ, изсидихъ: сотрохъ же чле-
новныя неправедныхъ, отъ среды же зубовъ
ихъ грабленіе изъяхъ* (Гов. 29, 16. 17.); изобра-
зилъ состраданіе къ рабскому роду, который
преобладаніе, расторгнувъ естественный союзъ,
поработило себѣ, и какъ слабѣйшій силою под-
чинило преизбыточествующему силою: *аще же
презрѣхъ судъ раба моего или рабыни, прящым-
ся имъ предо мною* (Гов. 31, 13.), нямало не
отвергалъ я правъ ихъ пзъ презрѣнія къ пхъ
низости, но давалъ возможность защищать себя,
ободреніемъ вызывалъ на то, чтобы говорили
свободно, и чтобы подчиненный, пзъ страха со-
блюдая молчаніе, не былъ осужденъ властнымъ
словомъ, и при семъ высказываетъ побудитель-
ную причину, говоря: *еда не яко же и азъ бляхъ
во чревь, и тѣи быша? блькомъ же въ томъ*

же чревъ (15.). Такъ равночестность рожденія основательно приѣмлетъ за равночестность достоинства, кичащихся въ безуміи увѣщавая, естественныхъ съ нами не утруждать безъ пощады, на подобіе выючныхъ животныхъ, приказаніями свыше ихъ силъ, и совѣтуя по собственнымъ силамъ заключать объ ихъ сплахъ. Ибо во всѣхъ одинакова немощь естества, и живое существо отъ непомѣрныхъ трудовъ вскорѣ умираетъ. Почему и трудъ долженъ быть соразмѣренъ съ силами, и за трудомъ слѣдовать отдыхъ, достаточный къ возстановленію утомленной силы, чтобы къ новымъ трудамъ приступала она уже обновленною и укрѣпленною. А чтобы въ словахъ праведника нельзя было подозрѣвать человѣческой похвальбы: то Самъ неживый Богъ дѣлается свидѣтелемъ сказаннаго имъ, Самъ словомъ Своимъ запечатлѣваетъ слова его, и говоритъ: *бъ человекъ онъ непороченъ, праведенъ, истиненъ, благочестивъ, удаляйся отъ всякія мукавья вещи* (Іов. 1, 1.).

Г л а в а 7. По поелику справедливость требуетъ, чтобы искусный подвижникъ не въ томъ только всегда упражнялся, чтобы бить руками по воздуху, но въ доказательство мужества своего на самомъ дѣлѣ представилъ опытъ тѣлесныхъ упражненій; то приходитъ къ подвигположнику противоборщикъ, по видимости крѣпкій силами и высокоувѣренный, и словами своими ушибляетъ подвижника, напрасною и дѣтскою игръ подобною

называетъ борьбу безъ состязанія съ противникомъ, и говоритъ, что упражняться въ борьбѣ наединѣ есть призракъ мужества, а вовсе не мужество, требуетъ вывести его на битву, вызываетъ на поприще, и прежде опыта, подобно Голиаѳу, хвалится неоспоримою побѣдой. И Голиаѳъ въ наукѣ высокоумрія — ученикъ врага, а врагъ — учитель Голиаѳовъ, оба въ дѣлахъ ниже своихъ обѣщаній, на словахъ величавы и щедрь, а въ самой битвѣ не тверды, беспильнѣ самыхъ перадивыхъ. Врагъ осмѣиваетъ и презираетъ Иова, какъ уже побѣжденнаго, говоритъ, что въ благополучіи онъ благодаренъ, предсказываетъ, что окажется ругателемъ, будучи лишень того, что дѣлаетъ его знаменитымъ, клевететь, что инаковъ онъ наружно, и инаковъ въ самой дѣйствительности, благочестіе называетъ притворствомъ, благоговѣніе — личиною, говоритъ, что добрыя дѣла—воздаяніе за милости, какими пользуется, всячески старается очернить святаго, думая, что клевета найдетъ себѣ мѣсто предъ Богомъ. Такъ въ другое время клеветалъ онъ челоуѣку и на Бога, будто бы позавидовалъ ему въ знаніи добра, и потому запретилъ вкушать плодъ, доставляющій сіе знаніе, чтобы и челоуѣкъ не содѣлался (в), какъ Богъ, вѣдущимъ доброе и лукавое. Но ни въ чемъ не успѣлъ

(в) По списку Синодальной Библіотекки за N 338, вместо: *Ἰνα γινῆται* должно читать: *Ἰνα μὴ γινῆται*.

врагъ, солгавъ предъ Богомъ ; потому что имѣлъ дѣло, не какъ тогда, не съ человѣкомъ, котораго могъ обмануть. Отдавъ ему подвижникъ, какъ просилъ ; онъ извелъ его на поприсце, поставилъ на песокѣ, пустилъ въ него стрѣлы свои, предназначенная тѣмъ битву ; лишилъ его имущества, и нашелъ, что не рабъ онъ этого ; отнял у него сонмъ дѣтей, и узналъ, что выше онъ естества : лишилъ царскаго сана, и увидѣлъ, что превъше онъ и славы ; покрылъ тѣло гниющими язвами, и дозналъ, какъ лобомудренно переноситъ онъ страданія плоти ; истощилъ всѣ вымыслы искусства, и не одолѣлъ неподдающагося ; употребилъ въ дѣло всякіе приемы къ обольщенію, и не узлекъ непреклоннаго ; изнемогъ, поражая искушеніями, и не оказалось даже слѣда ударовъ ; истощилъ свой колчанъ, и не уязвилъ доблестнаго ратоборца ; не осталось и страданій для готоваго на все страдальца, а изобрѣтанныи сии страданія быль въ затрудненіи, недоумѣвая уже, что еще примыслить, и какъ удачнѣе напасть на побѣдителя ; и справедливо стыдись послѣ своего пораженія, когда увидѣлъ, что за то, чѣмъ до боръбы такъ много хвашился, преодолевшии его терпѣніемъ и страданіемъ доказавшии непреклонность мужества, приемиеть вѣнцы и побѣдныя награды, и предстоитъ съ ними, подобно препоясаннымъ и домогающимся почестей борцамъ, громогласно взывая: вотъ близокъ мой судъ ; знаю, что окажусь правымъ ; кто меня

осудить, и заставить теперь молчать? то есть: противникъ палъ, врагъ побѣжденъ, непріязненный изложенъ, и лежитъ покрытый стыдомъ: кто же осудить меня, и заставить теперь молчать, когда побѣда даетъ право взывать, когда дѣло свидѣтельствуешь объ истинѣ словъ, послѣ опыта дѣлая обѣщаніе несомнѣннымъ? Велерѣчіе врага, съ какимъ вступилъ онъ въ ратоборство со мною, ставъ теперь обличеніемъ непререкаемаго легкомыслія и опрометчивости, предастъ его позору; а мое тогдашнее молчаніе побуждаетъ говорить теперь и повѣдать дѣла, подтверждаемая очевидностію, а не какими-либо недознанными на опытъ провозглашеніями дающихъ сомнительное и невѣрное обѣщаніе.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Объ Іосифѣ и Сусаннѣ и о томъ, что подвигъ Іосифовъ выше подвига блаженной Сусанны.

Глава 1. Чтò же Іосифа, блиставшаго красотою тѣлесною и душевною, ввергло въ темницу, и заставило исчерпать всевозможныя въ ней злостраданія? Не попеченіе ли о цѣломудріи стало для него причиною всего этого, когда неуспѣвшая въ томъ, чего домогалась, ласкатель-

ство любви измѣнивъ въ свирѣпую ярость, въ гнѣвъ за неудавшееся прелюбодѣяніе предъ неразумнымъ мужемъ вооружилась обвиненіями? Одежда, которую представила она, какъ подвергавшаяся насилію, дѣйствительно служила обличеніемъ насилія, хотя нанесеннаго не ей, но ея причиненнаго юнонѣ, оставившему одежду (г), за которую привлекала, только бы спастись ему бѣгствомъ отъ поруганія грѣха. Ибо послѣ неудачи, если и отъ похоти и отъ гнѣва предавалась неистовству, то находила для себя полезнымъ истребить поступившаго съ нею, какъ казалось ей, нагло, чтобы, издѣваясь надъ нею, не сталъ и предъ всѣми также позорить неистовой похотливости. И Сусанну такой же смертной опасности подвергалъ приговоръ обманутаго клеветою суда; потому что и здѣсь незаконные похотники и судіи справедливо почтали для себя тяжкимъ видѣть живою знавшую о такомъ ихъ поступкѣ, за который весьма справедливо будутъ осмѣяны на недостойное и возраста и сана дѣло отважившіеся въ глубокой старости, потому что, когда порывы вождельнія утихаютъ и ослабѣваютъ, по естественному порядку сами собою теряя силу, тогда, перезрѣвъ и выживъ изъ лѣтъ, предались они постыдному неистовству, воспламенившись любовію къ цѣло-

(г) Слово: *ἡν καὶ τῆς δεδομενῆς ἀποσερῖσθαι τῆς* въ означенномъ выше спискѣ не читается.

мудренной. Но я, усматривая разность въ этой многими, можетъ быть, признаваемой тождественности, нахожу нужнымъ и въ томъ, что, по мнимоу сходству, представляется какъ бы тождественнымъ, сдѣлать различеніе, не для того, чтобы жены не смѣли хвалиться тѣмъ же, чѣмъ хвалятся мужи, но для того, чтобы каждый, читающій божественныя Писанія, едва будучи въ состояніи и при великой наблюдательности и внимательности доходить до истины, не упускалъ изъ вниманія въ кажущемся сходствѣ сокрытыхъ разностей. Дѣйствительно, кто изъ непонимающихъ вполне дѣла и не разыскивающихъ тщательно причины онаго, не скажетъ, что Сусанна подвизалась въ томъ же, въ чемъ и Іосифъ, хотя, если судить о дѣлѣ, не принимая въ разсмотрѣніе намѣренія, подвигъ ея былъ не одинъ и тотъ же съ Іосифовымъ, но гораздо ниже? Ибо намѣреніе можетъ въ обоихъ быть одно и тоже относительно къ цѣломудрію, хотя бы поступокъ не имѣлъ того же достоинства, линаясь равной цѣнности по случайнымъ обстоятельствамъ, а не по нравственному настроенію души; такъ что нельзя признать клеветою на добродѣтель цѣломудренной, если сказать, что въ награду за свой подвигъ, въ предположеніи большихъ наградъ, она утратила нѣчто предъ другими. Ибо, можетъ быть, имѣла она силу и для болѣе совершенныхъ преспѣяній, хотя видимъ, что предлежавшій ей, и совершенный ею, подвигъ меньше

въ сравненіи съ открывшимся для Іосифа. Чтò равнаго въ этомъ , когда старцы хотятъ обезчестить юную , и когда юная юнаго же принуждаетъ къ паденію ? Чтò равнаго между почтенными по сѣдинамъ и цвѣтущею по красотѣ ? — между внушающимъ видомъ своимъ стыдливость и уваженіе и между воспаляющею страсть своимъ лицедрѣніемъ? между незнакомыми и между тою , которая всегда вмѣстѣ проводитъ время ? Между являющимся неожиданно и между тою , которая каждый день нападаетъ , привлекая и словами и лободѣйными тѣлодвиженіями , грозитъ смертію , и обѣщаетъ свободу ? Между тѣми , которые могутъ привести въ ужасъ своимъ нападениемъ , и между тою , у которой достаточно было силъ , чтобы очаровать ласками и умягчить услужливостію даже не склоняющееся къ согласію сердце ? Между тѣми , которые возмущаютъ смятеніемъ , страхомъ , и скорѣе ослабляютъ раздражительность похотѣнія , нежели побуждаютъ оставаться въ покоѣ , и между тою , которая мольбами привлекаетъ , даже вовсе нерасположенную къ страсти мысль ? Все-го же сильнѣе къ внушенію склонности или отвращенія сходство и несходство возраста. Сусанна не покорилась старикамъ , въ которыхъ не было ничего пріятнаго ; а юный Іосифъ отринулъ юную жену , которая могла удовлетворить тому , къ чему принуждала.

Г л а в а 2. Въ подобныхъ случаяхъ , какъ и

естественно, шчто не производить столько взаимнаго согласія, какъ одинаковость возраста и привычка другъ къ другу. Возрастъ убѣждаетъ сверстныхъ годами мужичиу и жещичиу къ взаимной довѣрчивости; привычка другъ къ другу долговременнымъ знакомствомъ умягчаетъ и крайне суровые нравы, и взаимно чуждающихся побуждаетъ къ приязни. А устарѣвшее и утратившее прелесть свѣжести не увеселяетъ блистающаго еще красотою, хотя само и увеселяется симъ; потому что несправящееся не имѣетъ ничего привлекательнаго, чѣмъ могло бы уловить. Найдешь, что многіе другіе ради добродѣтели переносили испытанія въ весьма многихъ обстоятельствахъ; одни прилагали стараніе о благочестіи и о томъ, чтобы свято служить Богу; другіе обучались благоговѣнію, скромности и вообще стремились къ нравственному своему образованію; иные же поползнувшимся по невѣдѣнію для сужденія о томъ, что хорошо, объяснили остававшееся для нихъ сокровеннымъ, и снабдили полезными совѣтами, чтобы жизнь ихъ исправилась на пользу. По слову Павлову, *вси хотящій благочестно жити о Христь Іисуси гоними будутъ* (2 Тим. 3, 12.). Для беззаконныхъ тяжело то самое, что поступаютъ они справедливо, несносенъ самый видъ ихъ, и за сіе бываютъ они гонимы; потому что и молча обличаютъ лукавство, противоположностію своей жизни выставляя каждому на позоръ худую жизнь

людей порочныхъ. И Господь, предрекая Апостоламъ, что будетъ съ ними, говоритъ: *аще Мене изгнаша, и васъ изгаснутъ* (Іоан. 15, 20.); *и: отъ сомищъ ижденутъ вы* (16, 3.): *и: пронесутъ имя ваше, яко зло* (Лук. 6, 22.), чтобы, приуготовившись съ усердіемъ къ предвозвѣщеннымъ скорбямъ, легко переносили ихъ, размышленіемъ о страданіи содѣлавъ для себя не труднымъ испытаніе страданій. И подлинно, вскорѣ послѣдовали сомища фарисеевъ, узы, темницы, клеветы, оскорбленія, поруганія, побои, смертныя опасности; и ничто не смущало ихъ, ничто не заставило умалить дерзновенія. Ибо имѣли въ виду испытать страданія еще большія тѣхъ, какими угрожали имъ. И готовность произволенія дѣлала, что пренебрегали всякое бѣдствіе. Посему, хотя числомъ было ихъ двѣнадцать, по къ цѣлому нестествовававшему народу свободно обращали рѣчь, то говоря: *не можемъ, яже видѣхомъ и слышасхомъ, не глаголати* (Дѣян. 4, 20.); то: *аще праведно есть предъ Богомъ васъ послушати насъ, нежели Бога, судите* (19.). Иногда и до сираведливыхъ доходили укоризни противящимся истинѣ; не многіе многимъ, немощные, по мнѣнію людей, слабымъ говорили такъ: *жестоковѣйшии и необръзании ушесы и сердца, вы присно Духу Святому противитесь, яко же отцы ваши, тако и вы* (Дѣян. 7, 51.) Ибо такова сираведливая ревность, — не смотритъ на множество имѣющихъ силу дѣлать неправду, не

разсуждаетъ о ярости и могуществѣ противниковъ, не внимаетъ угрозамъ, не знаетъ опасности. Къ одному усердно устремлена — изрекать истину, явною для всѣхъ дѣлать ложь, чтобы не овладѣла тайно кѣмъ-либо изъ людей простосердечныхъ.

Г л а в а 3. Поэтому, поступающему справедливо какое зло пришить скорби, отвсюду его затопляющія, страшно встающія и легко сокрушаемыя, сильно припражающіяся и съ великимъ стремленіемъ проносящіяся мимо, пагло вторгающіяся и смѣло отражаемыя, внезапно находящія и непронзводящія крушенія, разжигающія золото и дѣлающія его болѣе добротнымъ? Такъ въ Пѣсни Пѣсней совершенная душа, твердо полагаясь на терпѣніе, испытанное въ искушеніяхъ, призываетъ вѣтры, говоря: *встани съверѣ, и гряди юже, и повѣй въ вертоградъ моему, и да потекутъ ароматы* (Пѣс. Пѣс. 4, 16.); ибо убѣждена, что благоуханіе добродѣтели тогда дѣлается большимъ, когда приводится въ движеніе множествомъ искушеній, возбуждающихъ покоившееся дотолѣ расположеніе къ дѣятельности и чрезъ обнаруженіе дѣлающихъ ее болѣе славною. Такъ возсіявала добродѣтель каждаго изъ святыхъ, которая могла бы тапться, если бы не была обнаружена испытаніемъ, и сокрывалась бы подъ спудомъ, если бы не была поставлена на свѣщникѣ, въ дѣлахъ просіявая блистательнымъ свѣтомъ внутренняго расположенія. Кто узналъ бы

благочестіе великаго Авраама, если бы послушаніе повелѣнію о закланіи сына не провозвѣстило его мужества, съ какимъ вооружилъ онъ отеческую руку на единокровнаго, простирая ее на возлюбленнаго сына, и даже унылымъ взоромъ не показывая горькаго страданія души, но пребывая съ такимъ же веселымъ духомъ, съ какимъ бы пребылъ, при благодарныхъ молитвахъ принося Богу въ жертву козла, или тельца, или агнца? Кто дозналъ бы любу мудріе Іова при отнятіи у него разными способами собственности его, если бы благодареніе его при каждой потерѣ не зывало ясно объ его великодушїи? Злотворный же врагъ не за одинъ разъ расхитилъ у него все, чтобы, однимъ ударомъ повергнувъ его въ бѣдствіе, не содѣлать одновременною и сокращенною болѣзнію, которая могла принять на себя многіе виды отъ получаемыхъ одна за другою вѣстей, и выслушивающему оныя причинить жесточайшую скорбь. Не прежде всего ниспровергаетъ домъ, въ которомъ пировали любезнѣйшіе Іову, сокрушеніемъ симъ обращая зданіе въ гробъ, растворяя съ яствами кровь, смѣшивая вмѣстѣ и плоти и камни, чтобы большимъ страданіемъ не содѣлать чувства притупленнымъ для страданій меньшихъ. Но во всемъ простирается постепенно отъ одного къ другому, отъ менѣ важнаго восходя къ болѣе драгоцѣнному, и за одною вѣстію приготавливая другую болѣе скорбную и по количеству и по качеству утраты, что-

бы бѣдствіе, возрастая по немногу, причинило великую и жестоку ю язву печали. Такой отъ начала соблюдалъ онъ порядокъ, пока не нанесъ послѣдняго удара, который и показалъ любу мудріе мужа. Какъ скоро узналъ Іовъ о паденіи дома и гибели дѣтей, получивъ' уже прежде извѣстіе о потерѣ всего прочаго, *раздра ризы своя, и остриже власы главы своя* (Іов. 1, 20.), взявшему прочее отдавая и то, чего немогъ онъ взять, и естественнымъ любу мудріемъ предваряя евангельскій совѣтъ. Ибо сказано: *хотящему ризу твою взять, отпусти ему и срачицу* (Матѣ. 5, 40.). И совѣтъ сей предварительно исполнилъ Іовъ добровольнымъ пріятіемъ бѣдствій доказывая, что не печалится, подвергшись онымъ, повидимому, невольно, и тѣмъ, что стало видимо, обнаружилъ сокровенную дотолѣ силу духа.

Г л а в а 4. Кто взявшему насильно отдаетъ еще и то, что у него не отнято, тотъ второю щедростію даетъ видѣть, что и первое, хотя взято съ нуждою, уступилъ онъ не по нуждѣ, безъ насилія воли своей, хотя употребившіе насиліе, повидимому, поступили самоуправно, взявъ то, что могъ онъ и не отдать, но отдалъ по произволенію, свободно уступая, что, по видимости, признается отъемлемымъ у него противъ воли. Въ неизвѣстности оставался бы и Іосифъ, и Сусанна, и Іефѣай, которые пріобрѣли себѣ славу — первые за цѣломудріе, послѣдніи за вѣр-

ность слову. Ибо Исфай, за доблестный успѣхъ въ брани давъ обѣтъ, если преодолѣтъ враговъ, славившихся и многочисленностію и воинскою опытностію, принести во всесоженіе, что изъ собственности его прежде всего инаго попадетъ на встрѣчу, когда случайно встрѣтилась единокровная и безмѣрно любимая дочь, не измѣнилъ обѣту, природѣ предпочтя благочестіе, и пожертвовавъ отеческою любовію, только бы не нарушить завѣта съ Богомъ, хотя смерть дочери причиняла ему невыносимое страданіе. И если заслуги другихъ, будучи всѣмъ извѣстны при самомъ дѣйствіи, приобрѣли себѣ явную и открытую похвалу; то для Юсифа и Сусанны за трудомъ и доблестнымъ подвигомъ слѣдовало постыдное осужденіе, не только скрывавшее чудную высоту ихъ добродѣтели, но даже налагавшее на нихъ укоризну въ непотребствѣ. А сіе причиняетъ великую скорбь любомудрствующему, когда безславятъ его за то самое, за что надлежало бы прославлять. Но великую и несравнимую славу и честь приобрѣтаетъ онъ у Бога за то, что въ добромъ дѣлѣ подъялъ великій трудъ, и худое о себѣ мнѣніе, и притомъ несправедливое, перенесъ скромно, какъ дѣйствительно справедливое. Посему, облегчая трудность такого великодушія, Господь сказалъ: *блаженни есте, егда поносятъ вама, и ижденуть, и рекутъ всякъ золь глаголь* (Матѳ. 5, 11.), и прочая, за сугубую добродѣтель назначивъ и сугубую на-

граду, и въ утѣшеніе за безотрадный трудъ предлагающая соотвѣтствующее труду воздаяніе. Ибо, когда смиренномудраго укоряютъ въ презорствѣ, щедроподающаго въ хищеніи (д), цѣломудреннаго въ похотливости, воздержнаго въ многояденіи, скромнаго въ дерзости, степеннаго въ малодушіи, сокрушеннаго духомъ въ лицемѣрїи, тогда весьма прилично сугубое возмездіе, и одно изъ нихъ увѣщиваетъ подвижника за самое дѣло, а другое — за клевету.

Г л а в а 5. Таковъ былъ великій Іовъ ; и добродѣтели свои знаетъ онъ, и, когда друзья порицали за противоположныя имъ пороки, не усиливается опровергать сіи ложныя и неблаговременныя упреки, но съ готовностію соглашается на оныя, и подтверждаетъ ихъ. Ибо говоритъ: *востынишу въ мѣ, яко тако есть* (Іов. 9, 11.), и старается доказать, что это дѣйствительно такъ, говоря далѣе: *како же будетъ праведенъ человекъ у Господа (2.)? или въ дѣльхъ своихъ безъ порока мужъ (4, 17.)?* Такъ общую, по видимому, вину цѣлаго рода сдѣлалъ онъ своею собственною, чтобы не подать мысли, будто бы свободенъ отъ приписанныхъ ему пороковъ. Почему справедливо и воспріялъ все сугубо, иное, — потому что ограбленъ былъ хищникомъ, а иное въ вознагражденіе за любомудріе при

(д) Слова сіи дополнены изъ рукописи, въ которой читается: *кѣи ѓ меу докѣос дрлауѣу.*

утратахъ. Такъ скорби не только не причиняютъ вреда, но даже доставляютъ весьма великую пользу, дѣлая оскорбляемаго славнымъ, если будетъ онъ терпѣливъ. Но Правитель жизни нашей и скорбямъ не попускаетъ продолжаться до крайней опасности, и подвигу не дозволяетъ превышать силы подвигающагося. Если же и соизволяетъ иногда на сіе, устроая чѣмъ-либо необычайное, то совершаетъ великое чудо, Самъ содѣйствіемъ благодати восполняя оскудѣвающее по немощи естества, подобно тому, какъ пріучающіе плавать неопытныхъ, плывя подлѣ, поддерживаютъ ослабѣвшихъ, помогая то одной, то другой, рукою, пока истощенныя силы не возстановятся, и чрезъ это какъ обучаютъ искусству, такъ не даютъ при нуждѣ и утонуть. Такъ Павелъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: *вѣренъ Богъ, Иже не оставитъ васъ искушися, паче еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіемъ, яко возмощи вамъ понести* (1 Кор. 10, 13.); а въ другомъ: *не хочу васъ, братіе, невѣдѣти о скорби бывшей во Асіи, яко по премногу и паче силы отяготихомся, яко ненадѣялися намъ и жити* (2 Кор. 1, 8.). Словами же: по мѣрѣ спль, п: *паче силы* Апостолъ выражаетъ, что Божіе содѣйствіе даетъ силу, чтобъ былъ и продолженіе (е) искушеній спосное, и спасеніе въ

е) Въ рукописи вмѣсто *τὴν λύσιν* читается *τὴν ρύσιν*.

самыхъ отчаянныхъ опасностяхъ необычайное и почти невѣроятное.

Г л а в а 6. Сарра чужеземка и пришлая, впадъ въ руки любострастнаго царя, ни откуда не надѣялась себѣ иной помощи, кромѣ Божіей свыше. Бывшій съ нею мужъ, который долженъ былъ оказать сію помощь, столько былъ для этого безсиленъ, что и бракъ скрывъ, и выставилъ одно родство, боясь смерти, назвалъ супругу сестрою, раздѣлявшею съ нимъ ложе — едннокровною; ибо зналъ, что приведенные въ неистовство красотою чужой жены почитаютъ непримиримыми врагами подозрѣваемыхъ въ соискательствѣ любви, и о томъ стараются, рѣшаясь даже на убійство, чтобы не имѣть человека, который бы мысли любимой ими привлекалъ къ себѣ, и спокойное сожителство могъ возмущать заботливою ревностію. Когда же пришло въ совершенное бездѣйствіе все, что справедливо, и по всѣмъ правамъ, могло служить къ защитѣ Сарры; тогда съ самаго ложа спаслась она непоруганною; потому что царя болѣзнь внутренностей удержала отъ лободѣннаго общенія, и чрезмѣрныя страданія охладилъ въ немъ неистовое пожеланіе. На царскомъ ложѣ послѣ объятій чего, кромѣ поруганія, могла наконецъ ожидать себѣ Сарра, когда страсть въ варварѣ, по причинѣ великаго невоздержанія, была неукротима; красота раздражала похоть, похоть возбуждала неистовое стремленіе къ незаконному

наслажденію, а воспламенявшая все это была въ рукахъ, хотя и желала избѣжать насилія, но чтобы воспротивиться оному не доставало у ней ни силъ тѣлесныхъ, ни убѣдительности словъ; потому что однажды возбужденная въ сластолюбцѣ страсть ничему не уступаетъ, итъ у него разсудка, способнаго внять словамъ и убѣдиться ими? Но добродѣтель этой жены, и въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, нашла способъ, какъ соблюсти себя неоскверненною, остановивъ беззаконника собственными его страданіями и мучительною болью внутренностей угасивъ воспламеняющіи его тайный огонь похотѣнія.

Г л а в а 7. О Давидѣ и Гедеонѣ. Какъ кротчайшій и незлобивый Давидъ, многократно попадавшійся кровожадному Саулу, сверхъ всякаго чаянія выходилъ изъ рукъ его ничего не потерявши, въ разныя времена различно спасаясь, и не умѣя дать себѣ вѣрнаго отчета въ своемъ спасеніи; потому что каждый разъ чудо сіе препобѣждало всякое примышленіе и разсудка и разума? Какъ отцеубійца Авессаломъ осужденъ за незаконное присвоеніе власти, не бывъ и пойманъ руками человѣческими? Дубъ, взявъ за волосы, восхитилъ его бѣжавшаго, и повѣсилъ въ виду у всѣхъ на высотѣ, всякому, кто желалъ отмстить за оскорбленіе нѣжно любящаго отца, выдавая его на убіеніе готовымъ и нимало не способнымъ защищать себя, и за безраз-

судное предпріятіе понесшимъ это достойное наказаніе , такъ что выданъ на смерть перазумнымъ и неодушевленнымъ растеніемъ. Какъ Гедеонъ, съ тремя стами пѣшихъ воиновъ, предалъ смерти цѣлый народъ мадіамскій, многочисленностію уподоблявшійся песку и крѣпкіи силами , не имѣвъ даже никакого благовиднаго повода къ тому, чтобы вступать въ сраженіе? Совершенно естественно было, по многочисленности непріятелей , не осмѣливаться и подумать о семъ предпріятіи, если бы рассказъ о сновидѣніи не поощрилъ его. Не съ боязнію ли и не хотѣніемъ , когда повелѣлъ Богъ , пошелъ онъ слушать въ непріятельскій станъ , гдѣ придана ему твердость духа , когда , какъ неизвѣдавшій на опытѣ споборничества Божія, не имѣлъ онъ убѣжденія по вѣрѣ? Ибо отъ одного пересказывающаго услышалъ онъ, что катающееся тѣсто ячменныхъ хлѣбовъ ниспровергло мадіамскія кущи (Суд. 2, 7. 13.), а другой благоразумно сдѣлалъ еще примѣненіе, и сказалъ , что — это мечъ Гедеона и пришедшаго съ нимъ войска ; и Гедеонъ, выслушавъ сіе, одушевился доброю надеждою, уразумѣвъ мысленно малозначительность своего войска подъ ячменными хлѣбами, которые катаясь безъ труда приведуть въ смятеніе вражескій станъ, не сами собственною рукою низлагая противника, но приѣмая въ себя крѣпность отъ Божіей силы, вращающей и катящей ихъ. Ибо катящееся, повидимому, давитъ и преодола-

васть попираемое, причину же сего имѣть въ силѣ того, что катить и толкаетъ съ успіемъ,

ГЛАВА 8. О Сампсонѣ и Езекии. Какъ Сампсонъ тысячу вооруженныхъ поразилъ одинъ и одною ослиною челюстію, отъ утомленія же въ этомъ побоищѣ ощутивъ жажду, когда не оказалось нигдѣ ни источника ни ручья, изъ одного зуба въ челюсти получилъ обильно истекающую влагу, въ одномъ и томъ же и нашедши оружіе противъ иноплеменниковъ, и обрѣтши источникъ къ утоленію томившей послѣ побѣды жажды? Какъ Езекиа, который немогъ терпѣливо видѣть, что опустошаема была вся земля внезапно во множествѣ покрывшимъ ее ассирійскимъ войскомъ, помолвившись дома, увидѣлъ на утро враговъ мертвыми, не двинувъ копья, неоградивъ себя щитомъ, не натянувъ лука, не бравъ въ руки меча, не оказавъ никакого воинскаго дѣйствія: потому что одинъ Ангелъ по одному мановенію безмолвно совершилъ такое пораженіе, и не истребилъ всѣхъ единственно потому, что и въ намѣреніи было погубить не цѣлый народъ, а такое число, какого достаточно было привести прочихъ въ страхъ и ужасъ и побудить къ бѣгству? Кто вмѣсто стрѣлъ на вражескіе ряды ниспослалъ безирепятственно каменный градъ изъ облаковъ, и привелъ ихъ въ смятеніе, такъ что возстали они другъ противъ друга, какъ бы противъ неожиданно наступившихъ непріятелей, и въ той мысли, что умерщ-

вляють противниковъ, совершили пзбїеніе своихъ, доставивъ чрезъ сіе безъ битвы побѣду благо-честивому тогда (ж) народу?

ГЛАВА 9. ОВЪ ЕЛПССЕВЪ И ИЗРАИЛЬТЯНАХЪ. Какъ Пророкъ Елпссей укрылся отъ ищущихъ его враговъ, ходилъ среди нихъ, и не былъ ими видимъ, привелъ ихъ въ свою землю, и не узнавъ ими, былъ путеводителемъ злыхъ, и могъ скорѣе имъ сдѣлать, нежели отъ нихъ потерпѣть, вредъ; потому что омрачено было зрѣніе ихъ, и естественно погрѣшало при отыскивашии его? Какъ Израильтяне не впади во власть преслѣдовавшихъ Египтянъ, когда имѣли позади себя расположившихся станомъ Египтянъ, а противъ себя великое море, съ той и другой стороны омывающее непроходимыя пустыни, невозможныя горы, при невозможности спастись бѣгствомъ, подобно уловленнымъ въ мрежу рыбакамъ, отвсюду заключены были въ рукахъ у враговъ? Какъ растушилось море? Какъ отъ суши до суши стала вода, оставивъ глубокии песокъ сухимъ для удобнаго шествія коней и колесницъ? Какъ волны отвердѣли крѣпче литой мѣди? Какъ водное естество, обыкшее течь внизъ по склону, стѣновидно стало, подъявшись на такую высоту, и дало необычайный путь гонимымъ, для однихъ безъ всякаго препятствія съ

(ж) Въ рукописи вмѣсто *поже* читается *тоже*

той и другой стороны удерживая отдѣльныя части моря, а другихъ покрывъ водами при возобновившемся плъ теченій, и всѣмъ имъ вмѣстѣ, и животнымъ и людямъ, устронвъ паскоро глубокой гробъ? Какъ небо въ пустынѣ дождило имъ безъ воздѣлыванія земли уготованную пищу, шпеносылая то манну, то крастелей—эту безбѣдную и не требующую приготонленій трапезу? Какъ твердый и лишенный влаги утесъ изъ бесплодныхъ чреслъ въ утоленіе долговременной жажды пзвергъ потоки воды, принося такую дань, какой не давалъ никогда прежде? Какъ Иорданъ, подражая морю, раздѣлилъ свой токъ, противопоставлявшій преграду путешествующимъ, одной части водъ давъ волю стекать къ морю, а другую остановивъ (трудно сказать), заставивъ ли течъ назадъ, или прекративъ теченіе въ самыхъ источникахъ? Ибо никто не въ состояніи истолковать Божіе чудо, которое, обыкновенно, вовсе выходитъ пзъ предѣловъ всякаго естественнаго порядка, и препобѣждаетъ правдоподобныя умствования хитрослововъ. Какъ, пзостривъ естественное свое вооруженіе — жала, сражались за народъ шершинъ, чтобы, отнявъ страну у седми владѣвшихъ ею народовъ (Исх. 23, 28.), отдать умпренную землю во владѣніе предводительствуемыхъ Богомъ, и съ одной стороны побѣжденнымъ не оставить благовиднаго предлога, причину поражения своего объяснять тѣмъ, что побѣждены множествомъ войска и

тяжкою силою, а съ другою — наслѣдовавшихъ достояніе изгнанныхъ предохранить отъ кпчешія; потому что получили во владѣніе города, по милости незаслуженной трудами, а не въ награду за доблесть, какъ завоеванные оружіемъ.

ГЛАВА 10. О трехъ отрокахъ, о Даниилѣ, Іонѣ и Ааронѣ. Какъ все поѣдающая сила огня своей попяляющей дѣйственности не простерла на трехъ отроковъ, не дозволивъ и жару приблизиться къ браннымъ тѣламъ: внѣ печи показала свою мощь, а внутри печи необычайнымъ образомъ пребыла недѣйствующею? Какъ львы предъ Данииломъ возобладали надъ двумя равно естественными страстями; и звѣрствомъ и голодомъ, въ этой части любомудрія превзошедши людей, и сохраняя седмидневное воздержаніе отъ пищи, даже по предложеніи снѣди, тогда какъ одаренные разумомъ, если готово что-либо снѣдное, и есть возможность вкусить невозбранно, не терпятъ и однодневнаго поста? Какъ китово чрево, которое пересвариваетъ и камни, и разлагаетъ все въ него попадающее скорѣе, чѣмъ произносится слово, Іону, въ мѣстѣ столь влажномъ и жаркомъ, въ продолженіи трехъ дней и столькихъ же ночей, соблюло невредимымъ, живущаго на суши сдѣлавъ морскимъ и удобоистребимаго неистребимымъ, и обычное поддерживать жизнь свою вдыханіемъ воздуха естество превративъ въ естество рыбъ, вопреки обычаю вмѣсто обыкновенной и привычной сти-

хій — воздуха втягивающее ноздрями воду? Какъ и жезлъ Аароновъ, лишенный коры, влаги, сухой, давно утратившій силу прозябенія, когда потребовала нужда подтвердить знаменіемъ священство, въ которомъ сомнѣвались, необычайнымъ образомъ вдругъ воспріялъ все, и кору, и цвѣтъ, и вѣтви, и листья, и плоды, и жизненную силу, скорѣе, нежели во мгновение разливъ ее на все это, и тотъ жезлъ, который не долго предъ тѣмъ видѣли въ рукахъ опиравшагося на него, содѣлавъ цвѣтущею и плодами обремененною вѣтвию?

Глава 11. Объ Апостолахъ и о Богородицѣ. Какъ запертыя тщательно темницы представляли Апостоламъ безпрепятственный выходъ, отбросивъ дверные запоры и отворивъ двери? Какъ узы на рукахъ и ногахъ до того раздались и расширились, что и рукамъ и ногамъ доставили возможность освободиться отъ нихъ? И, что болѣе всѣхъ чудесъ, и превышаетъ всякое слово, — какъ ни въ чемъ невмѣстимый и все объемлющій величіемъ силы Богъ — Слово соблаговолило вмѣститься въ дѣвической утробѣ? Какъ чрево образовало въ себѣ и произвело на свѣтъ зачатое безсѣменно, и оно, сохранивъ невредимыми знаменія дѣвства, по слову Іова, прошло *вратами чрева* (Іов. 3, 10.), не оставивъ и признака иществія? Ибо, какъ въ другое время вошелъ къ ученикамъ затворенными дверьми, такъ и тогда изшелъ, родотвор-

ную храмшну естества оставивъ такую же, какою обрѣлъ, и нимало не повредивъ таинственныхъ связей оныхъ, затворовъ, чтобы сими знаменованіями показывалось по истинѣ чудесное и Божественное рожденіе. Все сіе, и еще большее сего, было, и приѣмлетя вѣрою, а доказательствомъ имѣетъ несомнѣнную вѣрность содѣлавшаго сіе Бога, и неизяснимо для разума, у котораго недостаетъ силъ истолковать необычайныя дѣла сін, и который приходитъ въ изнеможеніе при недомыслимости таковыхъ чудесъ.

Глава 12. Посему, если добродѣтель, хотя подвергается нападеніямъ, однако же одерживаетъ не нашими заботами приобрѣтаемую побѣду, потому что Ангелы, и нныя божественныя силы, и Самъ Владыка охраняють праведника; сказано: *ополчится Ангель Господень окрестъ боящихся Его, и избавитъ ихъ* (Пс. 33, 8.); и Самъ Богъ изрекъ Аврааму: *не бойся, Аврааме, Азъ защищаю тя* (Быт. 15, 1.); и Иереміи сказалъ: *се положихъ тя аки градъ твердъ, и аки стѣну мѣдяну, крѣпку всѣмъ царемъ Іудинымъ, и княземъ его, и ратовати будутъ на тя, и не преогутъ на тя, яко Азъ съ тобою есмь, да избавлю тя* (Иер. 1, 18. 19.); то почему же приходишь въ волненіе, негодуешь на проливаемый подвижниками потъ, завидуя, какъ будто по незнанію, вѣнцамъ ихъ?— Взираешь на страданія, и не помышляешь о на-

градахъ? упадаешь духомъ, смотря на труды, и не ободряешь себя надеждою на воздаянiя? сѣтуешь на скорби настоящiя, и не радуешься паче наградамъ будущимъ? Ибо, обыкновенно, блага ожидаемыя всегда облегчаютъ настоящiе труды, и мысль о приобрѣтенiи дѣлаетъ легкою затруднительность дѣла, при большей пользѣ не представляя неудобства въ меньшемъ. Не слышалъ ты развѣ, какъ пѣстунъ Павелъ обращаетъ рѣчь къ боримымъ настоящими скорбями, и ожидаемымъ возбуждаетъ отъ множества напастей ослабѣвающее усердiе, когда говоритъ: *недостойныя страсти нынѣшняго времени къ хотящей славы явится въ насъ* (Рим. 8, 18.)? Не слышалъ развѣ, какъ онъ въ утѣшенiе страждущихъ повѣствуетъ о собственныхъ своихъ страданiяхъ, чтобы не ослабѣвали въ подвигѣ думающiе о себѣ только, что они терпятъ чрезмерно, какъ никто не терпѣлъ? Ибо, не славы своей желая описываетъ подвиги свои тотъ, кто говоритъ: *еще бо быхъ еще человекомъ угосподаль, Христовъ рабъ не быхъ убо быхъ* (Гал. 1, 10.); и немучится онъ, по примѣру болѣзнующихъ языкомъ, желанiемъ сказать то, чего не можетъ покрыть молчанiемъ. Напротивъ того зная, что страждущiе утѣшаются слышанiемъ о страдавшихъ уже, и дознавъ, что и съ другими прежде бывало тоже, что теперь совершается съ ними, научаются переносить сiе терпѣливо, какъ убѣдившiеся, что другими перенесено это

мужественно, Апостоль рѣшается объявить и то, что старался утаевать, и о преспѣянiяхъ своихъ воззѣщаетъ, и не надмѣваетъ ума видимыми похвалами, имѣетъ же въ виду единственно пользу многихъ, домогается всѣхъ содѣлать ревнителями добра, и того достигнуть, чтобы въ бѣдахъ за благочестiе одинъ соревновалъ другому.

Глава 13. Поэтому-то Павелъ, какъ будто человекъ велерѣчивый и славолубивый, похваляясь, съ великою свободою описываетъ свои подвиги, говоря: *въ трудѣхъ множае, въ смертєхъ многаши, въ амѣбѣ и жажди, въ зимѣ и нагѣтѣ*, многократно въ бѣдахъ, *трищи налицами бiенъ быхъ, единою каменни пометанъ быхъ, трикраты корабль опровержеся, ноцѣ и день во глубинѣ сотворихъ* (2 Кор. 11, 23. 25. 27.). Такъ ревнуя объ истинѣ, старается показать великiя свои преспѣянiя, чтобы трудолюбцы, и имѣли ревность подражать ему, и не достигая въ мѣру оной добродѣтели и во многомъ оставаясь назадъ, умѣряли мысль о себѣ самихъ. Ибо, если самъ онъ о тѣхъ, для кого было обязанностию состязаться съ Павломъ въ добрыхъ дѣлахъ, говоритъ, что потрудился *наче всѣхъ ихъ* (1 Кор. 15, 10.); то осмѣнится ли хвалиться съ нимъ равночестiемъ кто-либо изъ живущихъ нынѣ, когда для многихъ трудно, не только сдѣлать се, но и повѣрить, что было се совершено? *Якова ли быша*, говоритъ еще Павелъ,

во *Антиохіи*, въ *Иконіи*, якова изгнанія пріяхъ: и отъ всѣхъ сихъ избавилъ есть Господь (2 Тим. 3, 11.); выраженіе: *избавилъ есть* употребилъ онъ, какъ приманку идти смѣло на опасности, чтобы каждый, ободряемый надеждою, что не злопостраждетъ въ искушеніяхъ, благодушно сръталъ ихъ, и не ослабѣвалъ въ дѣлѣ, въ Апостолѣ, уже избавленномъ отъ бѣдъ, усматривая достаточный залогъ того, что и самъ онъ будетъ также избавленъ. И еще попадая на тѣхъ, которые отрицаютъ воскресеніе, и говорятъ, что злѣйшее злостраданіе напрасно, потому что итъ и времени, когда бы подвизавшимся насладиться за понесенныя труды, Апостолъ говоритъ такъ: *аще по чловѣку со злрремъ боряся во Ефесѣ, кая ми польза, аще мертвиѣи не востаютъ* (1 Кор. 15, 32.)? Симъ напомианіемъ о пакпбытіи мертвыхъ показалъ онъ, что не напрасно подвизался, не вотще претерпѣлъ столько скорбей, но въ надеждѣ и чаяніи воздаянія по воскресеніи страдалъ и терпѣлъ не безъ основательной причины, за временныя скорби ожидая нескончаемаго веселія.

Г л а в а 14. Почему, всѣмъ послѣ себя даетъ прекрасное повелѣніе, говоря: *доброе творяще да нестужаемъ си: во время бо свое пожнемъ, не ослабьюще* (Гал. 6, 9.), — и надеждою собрать рукояти ободрятъ къ трудамъ, необходимымъ при сѣяніи. И вездѣ не престааетъ преслѣдовать страсть самомнѣнія, чтобы и доброе

совершалось, и чтобы въ добромъ не находило себя пищи высокоуміе, которое всегда любитъ прививаться къ оказываемымъ преспѣніямъ, если не трезвятся ревнующіе о семъ дѣланіи. Ибо Апостоль, какъ своимъ ухищреніемъ, побудить слушающихъ къ подражанію, будучи вынужденъ говорить о собственныхъ своихъ преимуществахъ, такую похвалу себя наименовалъ *безуміемъ* (2 Кор. 11, 17.), и повѣствованіемъ о себѣ показавъ, сколько достойны соревнованія дѣла, а тѣмъ, что похвалу сію укоризненно назвалъ *безуміемъ*, воспретивъ велерѣчіе о дѣлахъ, такъ говоря, что *задняя* забываетъ, а *въ предняя* прострается (Флпш. 3, 14.), дать тоже самое наставленіе инымъ способомъ. Кто смотритъ на то, что уже совершено, тотъ, обыкновенно, надмѣвается симъ до безразсудства. А кто взираетъ на то, что остается еще совершить, тотъ необходимо бываетъ смиренъ и скромнъ, самымъ сильнымъ побужденіемъ къ смиренномудрію имѣя неизвѣстность, достигнетъ ли, къ чему стремится. Посему, чтобы преусиѣвающіе въ добрѣ были всегда скромныхъ и некичливыхъ о себѣ мыслей, Апостоль совѣтуетъ взирать не на то, что сдѣлано, но на то, сколько остается еще сдѣлать; потому что умъ, къ сему устремленный, и сокрушаемый заботливостію о томъ, что составляетъ предметъ его ревности, не будетъ имѣть и времени подумать о своихъ преспѣніяхъ и впасть въ послѣдующее за тѣмъ безуміе. И тѣмъ,

кто въ такомъ состояніи духа, служатъ всегда Ангелы, спасая ихъ отъ всякаго посрамленія, при тѣхъ Попечителемъ о всемъ для нихъ потребномъ Владыка—Богъ; такъ что подвигъ ихъ совершается благоуспѣшно, и безъ затрудненія стремятся они къ *почести вышшаго званія*, не воспрещаемые развлеченіемъ въ заботахъ о нуждахъ тѣлесныхъ.

ГЛАВА 15. ОВЪ ІАКОВЪ. Ибо такъ по многимъ опытамъ сказалъ великій Іаковъ: *Богъ, иже питаетъ мя измлада. Ангель, иже мя избавляетъ отъ всякъ золь* (Быт. 48, 15—16.), испытавъ то и другое въ Месопотаміи, куда отправившись съ однимъ жезломъ, и откуда съ великимъ имѣніемъ возвратился домой, избавленный *отъ всякъ золь*, какъ самъ говоритъ, спобореніемъ Божіей силы. Когда, убоявшись угрозъ Исавовыхъ, Іаковъ нашелъ спасеніе въ бѣгствѣ, и возвращался опять, боясь еще жестокосердаго врага;—тогда, какъ сказано, Богъ не словомъ ободрялъ его къ твердости въ духѣ, какъ являлся вѣщавшимъ Аврааму, и Іереміи; но, въ дѣйствительности, самымъ дѣломъ внушалъ ему, что превзойдетъ онъ крѣпостію всякаго вознамѣрившагося злоумышлять противъ него, и устрояетъ, что передъ утромъ борется съ нимъ Божественное видѣніе въ образѣ мужа, когда былъ онъ въ бодрственномъ состояніи, видимо преодолеваемое въ борьбѣ и уступающее ему мнимую побѣду послѣ борьбы, чтобы, убѣжденный пре-

побѣжденіемъ явившейся ему и борющейся съ нимъ силы, благодушно шелъ онъ противъ людей, въ твердой увѣренности, что превозможетъ всякое злоумышленіе. А чтобы въ этомъ смыслѣ понять онъ домостройство видѣнія, при удаленіи говоритъ ему: *укрѣпился еси съ Богомъ, и съ чловѣки силенъ будещи* (Быт. 32, 28.), выражая смѣль: иди, смѣло надѣясь на сію крѣпость; ибо кто пзъ людей станетъ противъ силы, укрѣпившейся, чтобы бороться съ Богомъ? Посему-то и твердый упованіемъ Давидъ, когда преслѣдовалъ его Аввесаомъ съ избранными воинами цѣлаго народа, съ увѣренностію сказалъ: *не убоюся отъ темъ людей, окрестъ нападающихъ на мя* (Пс. 3, 7.), зная, что охраненіе Божіей силы могущественнѣе окружающихъ враговъ; и еще говоритъ: *въ миръ вкупу цену и почію, яко ты Господи единого на упованіе вселмиъ мя еси* (Пс. 4, 9.). Ибо такъ укрѣпляемъ былъ упованіемъ лучшаго, что одинъ не убоился толкаго множества враговъ, и беззаботно легъ и уснулъ; тогда какъ враги бодрствовали, и тревожились заботою, какъ имъ многимъ одолѣть одного. И весьма справедливо.

Глава 16. Ибо, если, по сказанному, *ополчитсѣ Ангель Господень окрестъ болящихся* (Пс. 33, 8.); то для чего утруждаютъ себя окружающіе праведника, отвѣтъ ничѣмъ не пользующагося, когда внутренно окруженъ онъ надеждною стражею, возбраняющею внѣшнія нападенія? Чѣмъ

отяготительна бѣдность для любомудрствующаго и подвижника, у котораго нѣтъ и заботы о храненіи суетнаго, и который, когда хочетъ, имѣеть у себя потребное, потому что вся тварь служитъ ему, какъ владыкѣ всего, и усердно приносятъ ему въ даръ желаемое, тогда какъ у наиболѣе гордящихся богатствомъ недостаетъ и самаго потребнаго для необходимаго прощтанія? Какія богатства не истощались во время гладовъ, о которыхъ повѣствуется въ божественномъ Писаніи? Какія житницы не оскудѣли земными произведеніями, когда пророческіе уста привели въ отвердѣніе небо и облака, а вмѣстѣ и цѣлую землю; жылы источниковъ иссохли въ самыхъ сокровенностяхъ своихъ, ни дождь, ни роса не падали сверху на землю; поля отъ долговременной засухи окаменѣли, не произрастая болѣе ни злака, ни травы, ни весеннихъ цвѣтовъ; когда горы и пропасты наполнились мертвыми тѣлами скотовъ, звѣрей и птицъ; жалка и бѣдственна была смерть постепенно увядающихъ, юныхъ и старыхъ, людей; непріятель и неспосенъ видъ уже умершихъ, потому что трупы гнили на улицахъ, источали кровавыя капли, и тягчайшею смерти дѣлалъ жизнь для живыхъ, которые не это только видѣли, но и страданія умирающихъ, матерей оплакивающихъ любимыхъ ими, въ объятіяхъ ихъ борющихся со смертію, дѣтей спящихъ подлѣ отцевъ, и отцевъ подлѣ дѣтей, умирающихъ отъ недостатка пищи, дру-

зей при послѣднемъ издыханіи, возведшихъ неподвижный вѣзоръ къ предстоящимъ друзьямъ, и не получающихъ себѣ никакой пощады, когда, можетъ быть быть, одинъ кусокъ могъ бы вззвать къ жизни прерывающееся дыханіе? Столько-то нужда во время голода заставляетъ заботиться каждаго больше о себѣ, нежели о другихъ, и если тронутому страданіемъ и имѣющему еще у себя нѣсколько пищи показываетъ жамкую гибель кончающагося, то онъ, и въздыхаетъ изъ состраданія объ умирающемъ, и представляетъ собственную свою неизбѣжную потребность, и разсуждаетъ, что необходимѣе приложить попеченіе о себѣ, нежели о ближнемъ. Имѣвшимъ у себя много золота, что помогли тогда сокровищницы съ деньгами, когда нигдѣ не было въ продажѣ хлѣба? На что стали пригодны счеты на многіе таланты серебра, брошенные по недостатку припасовъ? Ибо все это не утоляло голода, не могло уврачевать оскудѣнія. Безъ дѣла оставалось искусство поваровъ; не на чемъ было показать свою опытность вночерціямъ, прекратилась суетливость прочей прислуги, нечего стало дѣлать хлѣбопекарямъ, не стало дѣла у приготавливавшихъ медовыя сласти, не при дѣлѣ были лики поющихъ подъ свирѣль и гусли. Всѣ они объ одномъ горевали вмѣстѣ, о недостаткѣ, объ одномъ въздыхали, объ оскудѣніи пищи. И въ тоже время какой вредъ причинило добровольное лишеніе

себя веществъ многоцѣнныхъ праведникамъ, которые вездѣ, гдѣ хотѣли, находили готовую и безбѣдную трапезу?

Глава 17. Былъ тогда царь Ахаавъ, были и Пророки Илія и Елисей. Первый владѣлъ большимъ пространствомъ земли; въ сокровищницахъ его, какъ въ царскихъ, много было денегъ; у послѣднихъ же вовсе ничего не было, ни крова, ни денегъ. Первый облакался въ багряницу, и вокругъ него было все царское убранство, а послѣдніе прикрывались мятлюю, и не имѣли у себя ни одного служителя. И первый ходилъ по горахъ и долинамъ, стыскивая златовъ, чтобы хотя травою утолить свой голодъ; послѣдніе, гдѣ застигало ихъ время принятія пищи, тамъ и находили въ обилии приличныя сѣдла; велѣли вдовѣ принести имъ пищу, и вдова, имѣя въ домѣ одну горсть муки, несмотря на многихъ голодныхъ дѣтей, песекла изъ горсти опрѣсокъ, и пршесла имъ. Не было жатвы; но у нихъ водоносъ сталъ гумномъ. Поле не засѣяно, а имъ доставило муку; земля безплодна, а въ водоносѣ процвѣла пшва; оскудѣли поля хлѣба житницы; а горсть муки не оскудѣвала. Въ пути находясь, они засыпали, и послѣ сна Ангелы предлагали имъ необходимую пищу: хлѣбъ и воду; лучше же сказать, уснувъ, пробуждаемы были святыми Силами, какъ господа, приставленными на таковыя потребности служителями, приглашаемые на готовый пиръ. Всеялся онъ въ пустыню, и

враны приносили имъ изъ обитаемыхъ мѣстъ хлѣбъ утромъ, и вечеромъ мяса. Откуда же брали враны? Таковую пищу и всегда, особливо же во время голода, не легко доставать птицамъ, которымъ обычно довольствоваться яденіемъ труновъ, и тѣхъ едва имѣтъ въ достаткѣ къ своему насыщенію. И что всего удивительнѣе, при недостаткѣ необходимаго, такъ щедро угощали онѣ другихъ, не о себѣ только заботясь въ такое время, когда вскорѣ сдѣлалось бы труднымъ, или и вовсе не возможнымъ, добыть пищу: если и то, что пока оставалось, пстрелятъ другіе; но они и на многихъ другихъ щедро распространяли даръ, будучи увѣрены, что, пока живы праведники, никогда не оскудѣютъ дары благодати, которая благоискусна въ снабженіи подобными вещами, и вмѣняетъ себѣ въ долгъ, какъ оброкъ, или дань, давать достойнымъ нужное для тѣла. Ибо Господь учитъ: *не печитесь о семъ, глаголюще: что ямы, или что пѣлмъ, или чимъ одеждемъ? Вѣсть бо Отецъ вашъ небесный, яко требуете сихъ вещей* (Матѳ. 6, 31, 32.), и дѣлающему доброе дастъ сіе какъ долгъ, а не даръ.

Г л а в а 18. Ибо присовокушаетъ къ сказанному: *достойнъ естъ дѣлатель* пищи своей (Матѳ. 10, 10.). Пророки однажды напхали сто мужей, имѣя у себя десять (3) только хлѣбовъ, которыхъ

(3) Изъ обихъ иврейскому числу двадцать (4 Цар. 4, 42.).

по расчету мало было для насыщѣнія такого числа, и которые однако же насытили, засвидѣтельствовавъ о насыщѣніи остатками. Ибо, когда служителю было сказано: предложи, предложи *модель хлѣбы, да ядятъ*, и онъ, обративъ вниманіе болѣе на вѣроятность дѣла, нежели на достовѣрность приказывающаго, сказалъ: *что дамъ сіе такому числу людей?* тогда учредители пра, укрѣпляемые вѣрою, прекрасно говорятъ: *даждь, да ядятъ, и останется. И ядоша, и оста по глаголу Господню* (4 Цар. 4, 42—44.), чтобы чудо раба предварило и проложило путь къ пріятію Владычннго чуда. Ибо образы истины всегда предваряютъ, заграждая уста неблагодарнымъ Иудеямъ, чтобы, когда вознамѣрятся клеветать о чудесахъ Господнихъ, что они невѣроятны, или невозможны, чудесами прежде бывшими принуждены были прекратить неблаговременное упорство, и усрамились безстыдно воставать на Владычнее чудо послѣ того, какъ предшественники ихъ безъ протнворѣчія приняли прообразованія онаго, на рабахъ совершившіяся.

Г л а в а 19. О Сынѣ Приснодѣвы. Такъ Иудеямъ, готовымъ возражать и соплетать благовиднннн прѣсколькo умствованія протнвъ рожденія Дѣвы, будто бы природа не можетъ привести въ составъ зародышн плода безъ вложенія оплодотворяющнхъ сѣменъ,—не дозволяетъ сего земля, въ началѣ безсѣменно произрастившая всякаго рода плоды; потому что въ обоихъ случаяхъ

сѣменемъ было Божіе Слово. Землѣ сказано: *да изведетъ земля быліе травное, съющее съмя по роду* (Быт. 1, 11.); и повелѣніе превратила она для себя въ природу, немедленно, безъ всякой иной предшествующей причины, кромѣ слова, произрастивъ плоды, какіе извело повелѣніе. И Дѣва, сказавъ: *како будетъ мнѣ сіе, идѣже мужа не знаю* (Лук. 1, 34. 35.), — услышала: *Духъ Святый найдетъ на тя, и сила Вышняго осытитъ тя*; и безъ труда содѣлалось, что Слово—стало плотію, и глаголомъ созданъ Божій храмъ. Такъ и Іона, послѣ трехдневнаго пребыванія въ китѣ изшедшій невредимымъ, заграждаетъ уста Іудеямъ, когда хотятъ утверждать, что Господне по трехъ дняхъ воскресеніе невозможно, увѣряя ихъ въ подобномъ подобнымъ, и любителямъ споровъ не дозволяя безстыдно воставать противъ новаго чуда, возбраняя такое явное безстыдство чудомъ древнимъ.

Г л а в а 20. Такъ, чтобы не сказали Іудеи, будто бы чудо пяти хлѣбовъ, которыми насытились пять тысячъ, невозможно, рабы предварительно напшати сто мужей десятию хлѣбамъ, пока малымъ чудомъ ручаясь за большее и показывая, что однажды сдѣлавшеся возможнымъ въ маломъ видѣ, возможно и въ большемъ, потому что, когда нужно было напшати и большимъ малое и меньшимъ большее число, вещество одинаково было послушно умножающей благодати, дѣйственность свою обнаруж-

вающей для всѣхъ не количествомъ, но силою. Но довольно объ іудейскихъ прекословіяхъ. Пророки, папшавніе тогда десятыю хлѣбами сто мужей, въ другое время, когда голодъ былъ еще силенъ, велѣли служителямъ сварить въ конобѣ множество зелій; и какъ въ послѣдствіи вареніе оказалось крайне горькимъ на вкусъ, безъ сомнѣнія, отъ примѣшаннаго къ варенію ядовитаго зелія, что и далъ разумѣть сказавшій: *смерть въ конобѣ, человѣче Гожій* (4 Цар. 4, 40.), — повелѣваютъ вложить во все одну горсть муки, и что не задолго предъ тѣмъ для утружденныхъ казалось по причинѣ горечи негоднымъ въ пищу, дѣлаютъ удобоснѣднымъ и весьма полезнымъ къ утоленію голода изнемогшихъ отъ скудости. О шихъ-то прекрасно взывалъ пѣсопсець Давидъ, говоря: *богатіи обнищаша и всякаша: взыскающіи же Господа не лишатся всякаго блага* (Пс. 33, 11.); и сказанное предъ симъ служитъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ и подтверженіемъ истины слова сего. И Господь сказалъ, запечатлѣвая сіе: *воззрите на птицы небесныя, яко не спютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ. И о одежди что печется? смотрите кринь сельныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ. Глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славы своей облечеся, яко единъ отъ сихъ* (Матѳ. 6, 26. 29.). Такъ изъ ежедневнаго видимаго дастъ уразумѣть, что воз-

можно проводить жизнь безпечальную и безбѣдную. Ибо говорятъ: *ищите царствія, и сія вся приложатся вамъ.* И чтобы не подумалъ кто, будто бы одинъ пустыи громъ словъ и нѣчто похожее на суесловіе въ сказанномъ: *не пецѣтесе, чтѣ ясте, или чтѣ пѣте, или во чтѣ облечетесе* (Матѣ. 6, 25.), Господь подтверждаетъ совѣтъ Свой примѣромъ кривовъ и птицъ, которые отъ промысла Всесовершеннаго принимаютъ, одни благолѣпіе одежды, а другіе пищу, снискиваемую безъ труда и заботы, а вмѣстѣ напоминаетъ намъ о жизни обѣтованной Адаму до преслушанія, чтобы никто, взирая на настоящее злостраданіе при снискиваніи необходимаго и не обращая вниманія на питающихся безъ труда звѣрей, на жизнь пресмыкающихся и птицъ, которыя научаютъ насъ велживости Узаконившаго тогдашнюю жизнь, не смѣлъ не вѣрить возможности обѣтованія, что будетъ пмѣть пищу, не воздѣлывая, какъ нынѣ, землю, не трудясь и безбѣдно. Посему-то и растенія, воздѣлываемыя руками человѣческими, ежегодно носѣваемыя и орошаемыя земледѣльцемъ, во великомъ попеченіи едва достигающія желаемаго совершенства, слабѣе дикихъ быліи, которыя, возникнувъ однажды, по Божію повелѣнію, прозябаютъ отъ прежнихъ корней, питаютъ рослые и всегда зеленѣющіе стебли, въ неопровержимое доказательство, что и наши насажденія, для непреслушавшихъ Бога, могутъ про-

цвѣтати такимъ же образомъ , и сами собою доставлять намъ невозбранное наслажденіе.

ГЛАВА 21. Посему Господь, вводя желающихъ въ сію безпечальную жизнь, увѣщаетъ ихъ дѣлать добро и не заботиться о потребности тѣлесной, говоря: *вѣсть Отець вашъ, яко требуете сихъ всѣхъ* (Матѳ. 6, 32.); и: *достойнъ есть дѣлатель пищи своя* (Матѳ. 10, 10.); и не оставляетъ въ этомъ никакого предлога къ невѣрью, что дѣлающій Божіе дѣло возымѣетъ нужду въ чемъ-либо потребномъ. Какъ подвижникъ, вступившій въ подвигъ благочестія, и каждый день подвизающійся законно, въ оброкъ за настоящій вѣкъ получаетъ онъ отъ Подвигоположника пропитаніе для жизни во плоти, и вѣнцевъ часть по совершеніи поприща въ вѣкъ будущемъ, ожидая, что глава будетъ украшена не оливковой, плющевой и лавровой вѣтвями, но діадимною благолѣпія и прекрасно сплетеннымъ вѣнцемъ славы и чести, какъ говоритъ Давидъ: *славою и честію вѣнчалъ еси его* (Пс. 8, 6.). И въ награду за все сіе приметъ вѣчную жизнь и наслажденіе райскими утѣхами, *иже око не видѣ и ухо не слыша, и на сердце чловѣку не въздоша* (1 Кор. 2, 9.). Ибо таково то, что уготовалъ Богъ любящимъ Его, по презбытку свѣтлости, подлинно неизреченно, незримо, и выше всякаго помышленія. Ибо что великое и чудное ни постарался бы кто примыслить для наслажденія, безъ сомнѣнія представится сіе

меньшимъ и гораздо нисшимъ въ сравненіи съ уготованнымъ въ наслажденіе святымъ ; потому что умъ обыкъ образовать въ себѣ подобія познаннаго съ помощію чувства ; желая же представить то, для чего образъ не получилъ отъ чувствъ , составляетъ неопредѣленные обликъ , представляя въ пустотѣ исчезающія и неосуществленныя помышленія , такъ что иногда по-является новый образъ , и уничтожаетъ предшествовавшій , потому что нѣтъ яснаго образца , который бы могъ остановить этотъ блуждающій образъ .

Г л а в а 22. Если данная въ пустынѣ манна , и осязаемая , и видимая , оставляла мѣсто сомнѣнію , что она такое , какъ несравнимая по виду и качеству ни съ чѣмъ изъ извѣданнаго на опытѣ , и производившая ощущение новое и отличное отъ всѣхъ обыкновенныхъ ; то можетъ ли кто справедливо угадать и опредѣлить то , что въ несравненной мѣрѣ превосходитъ манну , и выше всякаго чувственнаго постиженія , ожидающими же сего нынѣ , познано будетъ тогда , когда опытъ научитъ преимуществу сего наслажденія , ясно покажетъ , и какъ малы труды предъ величіемъ плода , и сколько срътвншеся блаженство выше уповаемыхъ наградъ ? И никто изъ нерадѣвшихъ донынѣ о добрѣ да не представляетъ миѣ въ предлогъ , что для него прошло уже время , и да не удерживается отъ сего дѣланія тѣмъ , что ему , какъ начинающему

поздно, трудно, или и вовсе невозможно, достигнуть совершенства добродѣтели. Правда, скажу это и я, поприще велико и длинно разстояніе пути, ведущаго къ сему совершенству. Но при неослабномъ тѣнаніи можно совершить оный скоро, даже опередить тѣхъ, которые съ юнаго возраста вступили на сей путь, и шествуютъ медленно, и на столько оставить ихъ позади, на сколько усердіе поспѣшитъ поступить впередъ, такъ что, пока мало успѣли пройти, или и вовсе нимаю не прошли, съ того мѣста, на которомъ были настигнуты сіи очень медленно и тихо движущіе ноги свои, стремящійся къ предположенному съ быстротою птицъ, необходимо или бываетъ близко къ цѣли, или совершенно достигаетъ ея, подобно кораблю, который стремится прямо въ пристань, и несется на полныхъ вѣтрилахъ, между тѣмъ какъ другіе корабли, пустившись съ того же мѣста, по нерадѣнію кормчихъ блуждаютъ по морю, и нѣдра вѣтрилъ часто бываютъ пусты отъ косвенныхъ туда и сюда поворотовъ; потому что, когда благопріятный вѣтеръ дуетъ, прямо съ кормы вдоль корабля, если кормчій не хранитъ вѣтрилъ всегда полными, и не держится одного направленія съ дуновеніемъ вѣтра, необходимо ладія замедляетъ свой ходъ, постоянно уклоняясь и убѣгая отъ порывовъ гонящаго вѣтра.

Г л а в а 23. Посему прекрасно Павелъ совершающимъ теченіе на поприщѣ возглашаетъ, взы-

вая: *такъ тецѣте, да постигнете* (1 Кор. 9, 24.), а симъ повелѣваетъ такъ усиловать скорость, и стѣснительность времени преодолевать самымъ напряженнымъ стремленіемъ, чтобы путь, требующій долгаго времени, при неослабномъ и постоянномъ тѣнаніи бѣгущаго, совершаемъ былъ, какъ можно, скорѣе. Сію-то долготу пути усмотрѣвъ быстротечный Давидъ, сказавшій: *путь заповѣдей Твоихъ тесокъ* (Пс. 118, 32.), просилъ и умолялъ Бога, сдѣлать ему извѣстнымъ, сколько времени остается ему для жизни, и достаточно ли ему онаго къ достиженію желаемаго. Ибо говоритъ: *скажи ми Господи кончину мою, и число дней моихъ кое есть, да разумлю, чтѣ лишаяся азъ* (Пс. 38, 6.). Потомъ уразумѣвъ, что остался онъ далеко назадъ, и остающееся время жизни его несоразмѣрно съ тѣмъ, чтѣ впереди (и), хотя бы отъ первой преграды до конца поприща, не переводя дыханія, понесся онъ по воздуху, и отчаяваясь въ быстротѣ ногъ своихъ, вступаетъ въ состязаніе съ птицами и природами высокопарящими, и говоритъ: *кто дастъ ми крыль яко голубинь? и полещу, и почию* (Пс. 54, 7.). Такъ, сколько можно было гадать, соразмѣряя время съ растояніемъ, Давидъ позналъ, что одинъ только способъ достигнуть ему цѣли, — подъявшись ввыспрь на

(п) По рукописи, вмѣсто: *πρός τὸ φθάσαι* читается: *πρός τὸ ὑφίστασθαι*.

высоту добраго житія и окривившись рачительностію, перелетѣть раздѣляющее пространство, и такимъ образомъ коснуться желаемаго предѣла совершенства.

ОТДѢЛЕНІЕ 12.

Притча о виноградникѣ и о дѣлателяхъ, нанятыхъ
въ разные часы.

Глава 1. И притча о виноградникѣ, въ которой въ разные часы дня приходили имѣвшіе воздѣлывать оныи, одинъ за другимъ, занимались съ утра до вечера, какъ позволяло кому время, кажется согласною съ сказаннымъ доселѣ. Ибо всѣ получили одну и ту же плату, всѣ удостоились отъ Владыки одной и той же чести, лучше же сказать, — послѣдніе предпочтены первымъ, съ дѣлавшими отъ утра взявъ и равное количество серебра, и даже прежде ихъ, и въ этомъ, какъ инѣй подумаетъ, воспользовавшись щедростію даваемаго, въ самой же дѣйствительности, пріявъ должную честь. Если же они, будучи позваны вмѣстѣ съ роптавшими, не послушались, а потомъ раскаявшись, — послѣдними приступили къ дѣлу; то заслуживали бы плату толь-

ко за время, въ которое дѣлали. Если же, какъ скоро были наняты, показали усердіе; почему обвинять ихъ въ произвольной праздности? Изъ послѣдующей рачительности видна и та, какую и прежде имѣли бы, если бы находились при дѣлѣ. Сіе-то выражая, домовладыка въ оправданіе свое сказалъ тѣмъ, которые укоряли ихъ, и не радовались собственной своей чести, терзались же честно, на равнѣ съ ими оказанною другимъ: *друже, не обижу тебе: не по пенязю ли совѣщаль еси со мною? Возми твое и иди. Хочу же и сему послѣднему дати, яко же и тебѣ: или нѣсть ми лѣтъ сотвориши еже хочу во своихъ ми? Аще око твое лукаво есть, яко азъ благъ есмь* (Матѣ. 20, 13—15.)? Симъ и несправедливую обличилъ ревность роптавшихъ, и показалъ, что благодать его исполнила правду; потому что невольной вишѣ въ праздности не попустилъ сдѣлаться для нихъ причиною ущерба, принимая во вниманіе намѣреніе, а не исполненіе; такъ какъ праздность произошла, безъ сомнѣнія, не отъ нерадѣнія, а отъ случая. Сказанное ими: *никто же насъ нанятъ* (7.) освобождаетъ ихъ отъ подозрѣнія въ лѣности, показываетъ, что готовы они были заняться дѣломъ, и слагаетъ вину ихъ бездѣйствія на недостатокъ занимающихъ. И если воздающій каждому по дѣламъ его дѣлавшимъ одну часть дня дагъ полную плату, равно какъ и цѣльнй день проведшимъ въ дѣлѣ; то самымъ дѣломъ, а не сло-

вами, дагь разумѣть, что достойны были сего оставшіеся нѣскольکو часовъ до дѣла праздными, не по нерадѣнію, но по необходимости, такъ какъ не было призывающаго къ дѣлу. И дѣломъ благодати, а можетъ быть, и справедливости домовладыки было, не оставить въ ущербъ тѣхъ, которымъ причинило ущербъ время, и не поустити, чтобы уступили они преимущество, когда не имѣлъ права обвинять въ непроизвольной праздности тѣхъ (1), которые съ утра готовы были къ дѣлу, и можетъ быть, пришедши послѣ всѣхъ и приложивъ великое стараніе, въ нѣскольکو часовъ совершили дѣло цѣлаго дня. И то разсуждено справедливо, что совершившіе дѣло стоящее пенязя, получаютъ не меньше пенязя, хотя работали и не цѣлый день. Ибо тотъ, кто, нанмая ихъ, сказалъ: *идите и вы въ виноградъ мой, и дѣлайте, и еже будетъ праведно, дамъ вамъ* (7), давъ пенязь, не солгалъ; ибо дагь, что было справедливо, и не напрасно подарилъ, но по справедливости соразмѣрилъ плату съ трудомъ, а не съ временемъ. Ибо по сеіи причинѣ предпочелъ ихъ прочимъ, и за то, что равное приняли участіе въ дѣлѣ, призналъ стоящими равноіи платы; а за то, что въ краткій срокъ сравнялись съ тѣми, которымъ продол-

(1) По рукоп. мѣсто сіе читается такъ: *μηδὲ συνηγοῆσαι, πλεονεξίαν αὐτῆς ἐποσθῆναι, ἀβέλγητον ἀργίαν ἰγκλιεῖν ἢ ἐχόντος δέκμιον τοῦς ἐξ ἄρθρον* и проч.

женіе цѣлаго дня давало свободу работать неуспильно (к), какъ рачительныхъ призвалъ первыхъ къ полученію воздаяній, чтобы, и имъ оказанною честію, и обличеніемъ роптавшихъ, и въ лѣнливыхъ возбудить усердіе къ рачительности о добромъ дѣланіи. Ибо зная, что честь, оказанная однимъ, обратитъ къ труду и другихъ, изъ любви къ славѣ берущихся за трудъ, даже превышающей силы. О какъ бессмысленна страсть зависти! иныѣмъ не обижены завидуютъ удостоеннымъ чести, приобрѣтеніе другихъ почитаютъ собственною своею утратою, ничего не потерявъ, ропщутъ; благоуспѣшность другихъ уязвляетъ ихъ; лишаются силъ и истаеваютъ, видя, что не ихъ хвалятъ, и говорятъ: сн послѣдніи, и равныхъ намъ сотворилъ ихъ еси, понесшимъ тяготу дне и саръ (12.); выставляютъ продолжительность времени, не смѣя, какъ вѣроятно, въ защиту свою указать на преимущество предъ ними въ дѣлѣ; думаютъ похвалиться тѣмъ, за что достойны осужденія, измѣряютъ время, и не разсуждаютъ, что съ временемъ не соразмѣрно дѣло.

Г л а в а 2. Опаленные зноемъ, если дѣлали они нерадиво и небрежно, какую пользу доставили домовладыкѣ, требовавшему дѣла, а не бесполезнаго утомленія, попеченія о виноградникѣ, а не того, чтобы напрасно тратить въ немъ

(к) По рукописи читается: *προς ἄδικον ἀνεμέτης ἐργασίας.*

часы цѣлаго дня? Это самое, что превратилъ онъ порядокъ дѣлавшихъ, первыхъ сдѣлалъ послѣдними, а послѣднихъ первыми, показываетъ не иное что, какъ рачительность однихъ и лѣность другихъ. А если бы и тѣ и другіе показали одинаковую рачительность, и сдѣланное ими было соразмѣрно времени; то имѣли ли бы какой благовидный предлогъ къ ропоту, получивъ условленную по договору плату, хотя бы дано было другимъ во много кратъ и больше, если бы не печаливала ихъ зависть, огорчающая многихъ другихъ, а преимущественно тѣхъ, которымъ больно видѣть почести, возданыя другимъ? Думаю, не стали бы они роптать, если бы работали безъ послѣднихъ, и одни получили договоренную плату, не имѣя къ кому выказать завистливое свое расположеніе. Теперь же честь соперникамъ возбудила страсть зависти, которая не возбудилась бы, если бы не казались предпочтенными другіе, которые, въ сравненіи съ собственными ихъ трудами, потрудились, судя по времени, мало; и ту договорную плату за дѣло, которую, если бы никто не раздражилъ ихъ зависти предпочтеніемъ, приняли бы они съ радостію, берутъ теперь съ ропотомъ, уязвляясь единственно тѣмъ, что признаны нисшими другихъ, которые не только стали участниками въ платѣ, но даже оказались лучшими, потому что за маловременное дѣланіе получили равноцѣнную награду. Ты получилъ свое, человекъ; по-

чему же огорчаетъ тебя другой, получившій то-
 же? Твоя плата не уменьшена; почему же оскор-
 бляетъ тебя, что другой, по твоему мнѣнiю, по-
 лучилъ больше твоего? Если бы не зналъ ты,
 что другой получилъ столько же, сколько ты
 самъ; то съ охотою принялъ бы привычную пла-
 ту. Но поелику съ тобою получилъ другой; твоё
 показалось тебѣ малымъ. Не получилъ ты лиш-
 няго? Но и не условливался, и не ожидалъ по-
 лучить. Почему же, не бывъ обиженъ, жалуешься
 голосомъ обиженныхъ? Почему сѣтуешь на у-
 щербъ, ничего не утративъ? Почему щедрость
 домовладыки оуждаешь какъ несправедливую?
 Почему милость къ имѣющимъ нужду въ состра-
 данiи, какъ подумалъ бы иной, называешь не-
 правильнымъ раздѣломъ? Если бы другому при-
 бавилъ, отнявъ изъ слѣдовавшаго по условiю тебѣ;
 то подлинно поступилъ бы несправедливо, отдавъ
 одному принадлежащее другому, и изъ чужой
 собственности показавъ неубыточное великоду-
 шiе. Если же и тебѣ отдалъ долгъ сполна, и
 имъ изъ своего далъ по долгу, или по милости; то
 почему подвергаешь порицанiю, вмѣстѣ съ обла-
 годѣтельствовавшимъ, и облагодѣтельствовавшаго,
 по дурному расположенiю сердца очерняя не-
 подавшихъ благовиднаго предлога къ порицанiю,
 собственную страсть свою вмѣняя въ вину дру-
 гимъ, осуждая вмѣстѣ и оказавшаго благодѣянiе,
 и, какимъ бы то ни было образомъ, воспользо-
 вавшагося онымъ. только бы не подавить въ себѣ

неразумной страсти, признавъ для себя святымъ дѣломъ незавидовать чужому добру и не унывать, когда веселятся другіе? Такова зависть; радость веселящихся обращаетъ для себя въ плачь, сама всегда проводитъ время въ мукахъ, какъ скоро не удастся ей возбудившихъ ее видѣть въ тѣхъ бѣдствіяхъ, въ какихъ бы ей хотѣлось. А ты желалъ бы, чтобы и дѣлатель стоялъ всегда внѣ виноградника празднымъ, и подвижникъ оставался вовсе неподвижающимся безъ противоборца, и отъ тѣхъ, кому должно учиться, скрывающимъ, что нужно человѣку, чтобы имѣть силу. Ты желалъ бы, чтобы и воинъ, который можетъ показаться доблестнымъ въ битвахъ со врагами, сѣдя и нѣжась у себя подъ крышею, росъ подобно дѣвамъ; не желательно тебѣ, чтобы врожденное мужество проявлялось въ дѣлахъ, и ты, завидуя вѣнцамъ, падишь отъ трудовъ.

Г л а в а 3. А я побѣдоносному подвижнику даю совѣтъ быть готовымъ ко всѣмъ родамъ подвиговъ; потому что мужествомъ называю то, которое мужи даютъ видѣть въ подвигахъ своихъ, несмотря на немощь тѣла, принимая же во вниманіе благородство души, когда врагъ различно нападаетъ, вовлекая въ искушеніе различно встречающаго козни, и человѣкъ умѣетъ приспособительно дѣйствовать при каждомъ прираженіи. Ибо Павелъ, зная, что врагъ многое, и противъ всѣхъ, замышляетъ, хочетъ, чтобы, къ низложенію его ухищренія, всѣ, по примѣру Павлову житель-

ствующіе, готовы были противостоять нападеніямъ врага, и иногда вооружаетъ щитомъ вѣры, бронейю правды, шлемомъ спасенія, мечемъ духовнымъ, а иногда, какъ борцовъ умащаетъ на подвигъ, и говорить: *нѣсть наша брань, къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержителемъ тмы вька сего, къ духовомъ злобы* (Ефес. 6, 12.), чтобы подвизающіеся, узнавъ многочисленность враговъ, и то, что ведутъ они брань во тмѣ, и по природѣ невидимы, трезвились, всегда бодрствуя, и не выпуская изъ рукъ оружія, но имѣя оное совершенно готовымъ къ отраженію. Послѣку, по словамъ премудраго Соломона, *отъишется сонъ у враговъ, и не спятъ, и не уснутъ, аще зла не сотворятъ* (Притч. 4, 16. 17.): то бдительное око, говоритъ Апостоль, да имѣютъ вошны, наблюдая за устремленіемъ непріятелей, чтобы отъ беззаботности не потерпѣть чего-либо непріятнаго. И совѣтуетъ, какъ можно, скорѣе поспѣшать къ почести вышняго званія, и охранять вмѣстѣ стремящагося, чтобы не преткнулся гдѣ отъ него и вмѣстѣ идущіи, когда нѣтъ противоборниковъ, имѣть въ ратоборномъ движеніи рукъ, симъ упражненіемъ приучая себя къ опытности, а когда враги на лице и вступаютъ въ битву, тогда не въ пустомъ воздухѣ вращать оружіе, какое есть въ рукахъ, но стараться разсѣчь имъ самую голову враговъ, и терзать ихъ ногтями. А послѣку противоборники, какъ міродержители тмы, обьыкли во

мраць сострпляти правья сердцемъ (Пс. 10, 2.), и всякой умысель, — чтобы трудно, или вообще невозможно, было предостеречься, приводя въ исполненіе во тмѣ, достигая симъ того, что злоумышляютъ, и вредятъ, будучи невидимы; то Господь говоритъ: *да будутъ чресла ваша препоясаны, и свѣтильницы горящія* (Лук. 12, 35.), желая *поясомъ* доставить намъ удобство къ скорому шествію, а *горящимъ свѣтильникомъ* охранить отъ вреднаго столкновенія съ идущимъ вмѣстѣ. Ибо сіе сказалъ Павелъ: *азъ тако теку, не яко безвѣстно* (1 Кор. 9, 26.), т. е. пользуясь свѣтомъ, какъ путеводителемъ въ добромъ непреткновенномъ шествіи. И Давидъ говоритъ: *свѣтильникъ ногама моима законъ Твой, и свѣтъ стезямъ моимъ* (Пс. 118, 105.), и путь заповѣдей Твоихъ прохожу уже неукоризненно, а какіе сопряженно съ ними лежатъ на стезѣ соблазны, частию осмотрительно уклоняюсь отъ нихъ, а частию въ быстромъ стремленіи своего теченія переполнусь черезъ нихъ, однажды преуспѣвъ въ пареніи разума, и потомъ безопасно обозрѣвая повсюду предстоящія на пути преткновенія.

ГЛАВА 4. Какъ угрызеннаго зміей пугаетъ лежащая на землѣ изогнутая вервь, потому что страхъ придастъ ей видъ, возбуждающій подозрѣніе, и наводитъ мысль на испытанное прежде: такъ и Давида послѣ грѣхопаденія приводило въ ужасъ и невоспрещенное употребленіе вожде-

лѣваемаго. Онъ боялся, не скрывается ли въ этомъ какая-либо хитрость врага, предложившаго, какъ оболъстительную приманку ко грѣху, то самое, что дозволено, и ухищряющагося привлечь тѣмъ къ чему-либо запрещенному, какъ прежде возврѣнемъ на жену вовлечь въ сѣть, доведя до непозволеннаго пренебодѣянiя. И сіе же дастъ онъ видѣть, когда, во время войны пожелавъ воды внолессемской, воды принесенной не захотѣлъ пить, чѣмъ и въ сильной жаждѣ своеіи признался, и показалъ воздержаніе, разсудивъ, что, если не подавить необузданнаго вожделѣнiя, то откроеть ему удобный путь ко всякому сластолюбію. А нѣкто другой изъ богомудрыхъ Апостоловъ именуеть врага и львомъ; потому что подъ всякою другою болѣе досточестною наружностію не успѣлъ, какъ ни старался въ злоумышленіи своемъ, и не безъ причины уже для устраниенiя принимаетъ на себя образъ звѣрный; и кому уподобляется въ жестокости, у того и замѣствуеть видъ, которымъ можетъ приводить въ страхъ. Ибо Апостоль говоритъ: *супостатьъ намиъ діаволь, яко левъ рыкая, ходитъ, искій кого поглотити: ему же противитесь* мужественно (1 Петр. 5, 8. 9.), и *рыканіемъ* означаетъ вредоносное нествовство врага, а словами: *противитесь* мужественно, показываетъ, какую силу должны приобрѣсть отъ подвига борющіеся со звѣремъ, частыми упражненіями ежедневно укрѣпляя естественную свою силу.

Ибо не сказалъ: убѣгайте, или уклоняйтесь отъ скрежещущаго зубами звѣря : но повелѣлъ противостоять ему, бодро идти противъ него, зная, что всякій имѣеть силу защитить свою безопасность, и для этой защиты у всѣхъ есть природныя и неотъемлемыя оружія.

Глава 5. Еще Павелъ внушаетъ, говоря : представляйте *уды ваша оружіе правды Богови* (Рим. 6, 13.), и сими словами научаетъ свѣдущихъ низлагать противника тѣмъ самымъ, чѣмъ онъ низлагаетъ неразумныхъ, чтобы око вело брань со всѣмъ, что можетъ обольщать посредствомъ зрѣнія ; слухъ боролся съ худыми бесѣдами, способными растлѣть добрые нравы ; обоняніе тщательно отвращалось отъ испареній, обыкновенно изиѣживающихъ и расслабляющихъ душевную твердость ; вкусъ отказывался отъ изысканно для большей сладости приправленныхъ соковъ ; осязаніе не останавливалось на тѣлахъ ; приятно очаровывающихъ мягкостію и гладкостію ; и любостыжательная рука простиралась для подаянія ; и ноги, по слову Соломонову, текуція *на зло* (Притч. 1, 16.), поспѣшно текли путемъ заповѣдей ; и хульный языкъ вѣщалъ благодарственные глаголы. Такъ оружіями правды дѣлаются оружія грѣха, обратно устремленные на того, кто прежде злоупотреблялъ ими на погубель пріобрѣтшихъ. Поэтому, съ жестокостію и дыша яростію, востаетъ мучитель на оставившихъ его и приложившихся къ Богу, снѣша воз-

вратить себѣ спасающеся отъ него бѣгствомъ, какъ по долгой привычкѣ содѣлавшеся ему подручнымъ, и подвергаетъ различнымъ искушеніямъ, воздвигая повсюду скорби, повсюду напасти, чтобы жизнь порочная, по безмятежности будучи признана сносною, расположила, какъ въ невозмущеную пристань, возвратиться къ покою того, кто какъ бы въ морѣ обуреваемъ искушеніями, и говорить, конечно, словами злостраждущихъ въ пустынь: *лучше быше намъ работати Египтяномъ, нежели умрети въ пустыни сей* (Исх. 14, 12.). Ибо кто любитъ недѣятельность, тотъ признаетъ для себя предпочтительнѣйшимъ слушаться вождельнѣй, нежели бороться съ нимъ, когда видитъ, что путь добродѣтели не гладокъ и неудобопроходимъ, и повсюду много на немъ причиняющихъ скорби, какъ прежнихъ друзей, содѣлавшихся напоследокъ врагами, и желающихъ гнаться во слѣдъ и поработить, такъ и враговъ истинныхъ и незнаемыхъ, встрѣчающихся на пути и препятствующихъ добродѣтели къ успѣху въ предположенномъ. Такъ многіе неизвѣстные доколѣ народы, сколько могли, задерживали Израильтянъ въ прехожденіи, и завидя ихъ шествію къ полезному для нихъ, говорили: *не пройдеши сквозь насъ* (Числ. 20, 18.). А Фараонъ, какъ, имѣя еще ихъ въ своей власти, когда замыслили бѣгство, содѣйствующимъ ему въ этомъ говорилъ: *да отягчатся дѣла людей сихъ* (Исх. 5, 9.), думая, что свобода отъ дѣлъ

служила для нихъ побужденіемъ къ продерзости, такъ со тнцаніемъ погнался въ слѣдъ за удалившимся, не соглашаясь, чтобы они стали свободны, какъ хотѣлось имъ, и какими родились они, но спѣша снова сдѣлать рабами тѣхъ, которые и были, и всегда могли быть, высокородными и свободными. И одни, съ твердою рѣшимоістію духа избѣжавъ сего рабства, терпѣливо переносили всякое встрѣчавшееся имъ озлобленіе, пока не достигли желаннаго совершенства; а другіе, оставивъ рабство не вполне обдуманно, не перенеся затруднительности начатковъ добродѣтели (начало же всякаго дѣла, а тѣмъ паче затруднительнаго, тяжело и непріятно, прежде навыка къ нему), замысливъ возвратиться въ Египеть, снова избирая себѣ владыкой того, кто нѣкогда хорошо былъ имъ оцѣненъ, какъ оказавшійся непріязненнымъ и достойнымъ великой ненависти. Ибо говорили: *поставимъ себѣ старльишину, и возвратимся во Египеть* (Числ. 14, 4.), почитая легкимъ возвращеніе съ пути, совершеннаго съ великимъ трудомъ, и прибавляя еще по недѣятельности своіей: *за еже не быти гробомъ во Египеть*, вышли мы умереть въ пустынь (Исх. 14, 11.). А недѣятельность—рубежь между добродѣтелию и порокомъ. Кто уклонился отъ послѣдняго, тотъ не безпрекословно еще въ добръ. Кто держится еще между тѣмъ и другимъ, тотъ до тѣхъ поръ, пока не освободился совершенно отъ одного, не утвердитъ незыблемо обо-

ихъ колѣнъ въ другомъ, не храни уже болѣе, какъ прежде, и переставъ то клониться на одну сторону, то перевѣшивать на другую.

Г л а в а 6. Таковъ отстающій отъ худой привычки ; сильно увлекается онъ назадъ, хотя поступить и впередъ, и преуспѣвая въ томъ, въ чемъ старается, и бывая принужденъ съ перемѣною побужденій уклоняться часто туда и сюда, пока и многимъ упражненіемъ, и долгимъ временемъ, не отбучитъ себя отъ прежняго, и не обратитъ себѣ въ навѣкъ послѣдняго, подобно пришедшему изъ отроческаго возраста въ мужескій, и сдѣлавшагося неспособнымъ, если бы и хотѣлъ, перейти изъ настоящаго состоянія въ прошедшее. Ибо ни съ чѣмъ несообразно, тѣлу, по закону природы, послѣдовательно перемѣнять возрасты, переходя отъ возраста дѣтскаго, до старческой сановитости, внушать довѣріе сѣдиною, по самому состоянію дѣлаться важнымъ и почтеннымъ, а душѣ неспрѣвѣвать ей свойственнымъ преспѣваніемъ въ добрѣ, и въ добродѣтели не совершать узаконенныхъ возрастовъ, переходя изъ одного въ другой, и такимъ образомъ достигая возжелѣннаго совершенства, но оставаться въ неразумномъ дѣтскомъ состояніи, или въ возрастѣ слѣдующемъ за дѣтствомъ, охотно предающемся юношескимъ вожделѣніямъ, и въ преклонномъ старческомъ тѣлѣ еще юнѣти и цвѣсти, непрестанно увеселяясь тѣми предосудительными вещами, которыми не долго забав-

ялись и трезвенные отроки. А что и душа мѣ-
 няеть различія возрастовъ, восходя отъ младен-
 чества къ совершенству, сему научають Павелъ,
 говоря въ одномъ мѣстѣ: *яко младенцевъ о Хри-
 стѣ млекоу вы напоихъ, а не брашноу* (1 Кор.
 3, 2.); и въ другомъ: *дондеже достигнемъ въ
 мужа совершенна въ мѣру возраста исполне-
 ния Христова* (Ефес. 4, 13.); и еще: *егда бѣхъ
 младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко мла-
 денецъ мудрствовалъ, яко младенецъ слышляхъ:
 егда же бѣхъ мужъ, отвергохъ младенческая*
 (1 Кор. 13, 11.). Апостолъ знаетъ, что иныя,
 родившись однажды, имѣють нужду въ иномъ
 еще рожденіи, и снова изъ жизни сеі возвра-
 щаются въ утробу; потому имъ говоритъ: *чад-
 ца моя, ими же паки болѣзную, дондеже во-
 образится Христосъ въ васъ* (Гал. 4, 19.). Такъ
 носящимъ на себѣ, по видимости, достославныя
 черты Христовы, но не пріявшимъ еще на себя
 полного образа, Апостолъ снова желаетъ содѣ-
 латься зачавшимися во чревѣ, чтобы, сложивъ
 съ себя безобразіе, измѣнились они въ совер-
 шенный и цѣлостный видъ, ставъ подобными
 родившему, и бывъ признаны подлинными, а не
 подложными и незаконными, сего чадами. Но
 душѣ съ большимъ еще удобствомъ должно пе-
 реходить сія состоянія, — нежели тѣлу возрастъ.
 Тѣло на все это время порабощено необходи-
 мости, и подлежитъ законамъ природы, не имѣ-
 етъ власти перейти въ состояніе, въ которое

не приводить время, и не может вступить въ ближайшій возрастъ и пройти оный скорѣе надлежащаго; потому что каждый возрастъ даетъ ему опредѣленное время, и не позволяетъ прежде срока (а) окончить оный и перейти въ смѣжнѣйшій съ нимъ. Душа же, по произволенію оставаясь въ настоящемъ состояніи, сколько хочетъ, и переходя въ другое, когда хочетъ, когда бы ни пожелала, имѣетъ невозвратное право на сіе переходеніе; если даже заблагоразсудитъ миновать средня состоянія, возможно ей легкимъ скачкомъ отъ одного края перенестись въ другой, и едва вступивъ, вдругъ достигнуть совершенства, какъ скоро рѣшимость воли и тщательность твердымъ и непоколебимымъ помысломъ переступаютъ отъ того, что осуждено душею, къ тому, что предположено ею.

Г л а в а 7. О послѣдовавшихъ Моусееву предложенно. Такъ подобно Моусею вождѣвавшіе свободы, непреложнымъ терпѣніемъ утвердившись въ своемъ намѣреніи, преодолѣли всѣ непрестанно встрѣчавшіяся имъ горести, неубоавшіеся необозримаго множества враговъ, голодъ же и жажду, властвующіе надъ тѣломъ, перенося неослабно: потому что несомнѣнная вѣра въ часное наслажденіе облегчала пока для нихъ предстоящій трудъ, благимъ ожиданіемъ утѣшая при испытаніи настоящихъ скорбей, и ощущаемыя

1 Въ рукоп. вместо τὸ ὄρα εἶναι ἀπὸ τῆς φύσεως

печали срастворяя веселиемъ грядущихъ благъ. Ибо умъ, занятый радостными помыслами, не принимаетъ сильно къ чувству возмущающихъ его неприятностей, и умѣетъ настоящія трудности притушить размышленіемъ о благахъ, которыми будетъ обладать въ послѣдствіи. Поэтому, сообразно съ ихъ потребностями, претворялась тварь, море отвердѣло для преслѣдуемыхъ, раздѣлились воды, открывъ сухой путь, и пока не перешли спасаемые, съ обѣихъ сторонъ разсѣченныя воды отвѣсно подъяло въ высоту, окамѣнивъ ихъ токъ, и отливы держа въ прямомъ положеніи оледенѣвающими притоками (м); твердый и лишенный влаги камень образовалъ вокругъ себя озеро и море, источая изъ глубины обильные потоки удобоимемой и сладкой воды; небо вмѣсто земли произращало манну, въ видѣ снѣга ниспосылая несѣянный плодъ, и наскоро изготовляя алчущимъ безбѣдную трапезу, не только восполняющую оскудѣніе чрева, но даже перемѣною качества удовлетворяющую пожеланію всякаго; ибо къ какой снѣди, воспоминаніемъ о ней, получалъ кто влеченіе, вкусъ ея находясь въ одномъ и томъ же, думая, что вкушаетъ онъ то самое, чего вождѣлывалъ, и одно вещество служивало различнымъ пожеланіямъ

(м) Въ рукописи читается: τὸ ἕδατος τμήματα πρὸς ἕφος ἤγειρεν ὁ θεὸς λίθωσας τὰ ρέθρα καὶ τὴν πολύρροον ἐπέλασεν ἀποκρημίσως
и т. д.

всѣхъ, уподобляясь во вкусѣ ощущенію всякаго качества. Горькая вода усладилась, мгновенно перемѣнивъ одно качество въ другое, изъ питія не задолго предъ тѣмъ тяжелаго и непріятнаго на вкусъ сдѣлавшись питіемъ сладкимъ. Воздухъ, неумѣя пропзвести яйца, породилъ готоваго кра-стеля, и гося его сильнымъ вѣтромъ, столпилъ къ самымъ купцамъ требующихъ пищи, отдавая имъ въ руки птицъ—безъ сѣтей уловляемую до-бычу. Въ день превращалась ночь, освѣщаемая столпомъ огненнымъ; солнечный зной дня умѣ-рялся облакомъ, которое, носясь надъ народомъ, служило средою между шмъ и лучами, ліющи-мися съ небснаго свода, чтобы, пѣшешествуя подъ открытымъ небомъ, не опаляемы они были въ пути, но отѣнялись густымъ покровомъ обла-ка, удобно совершая пѣшешествіе, какъ бы на-ходясь подъ кровлею, а не пдя по обнаженной отвсюду и не ямѣющей тѣни пустынѣ. Не вет-шали у нихъ ни одежда, ни обувь, сорокъ лѣтъ постоянно бывшія на тѣлѣ; не погибалъ выюч-ный скоть, обыкновенно не живущій столько времени; не пападали на нихъ ни болѣзнь, ни расслабленіе, ни жаръ, ни ознобъ, ни другой ка-кой недугъ изъ поражающихъ обыкновенно тѣло; ибо не бы въ кольнахъ ихъ болій (Ис. 104, 37.); по благодати Божіей пренобѣдили они природу, ставъ выше сродной ей немощи, и отреклись отъ сопряженныхъ съ тѣломъ страданій. Страшныя въ битвѣ полчища враговъ одно за другимъ па-

дали, ипзложенныя неуязвленными въ знаменіе споборающей руки. Стѣны рухнули сами собою безъ содѣйствія рукъ человѣческой, ииспроверженныя Божіимъ мановеніемъ. Многіе многочисленныя народы истреблены сокровенною силою, Израильтянамъ оставивъ послѣ себя землю, и незанятое никѣмъ и не требующее заботы мѣсто жптельства.

Глава 8. И сіе-то самое сказалъ въ послѣдствіи пѣснописецъ Давидъ: *рука Твоя языки потреби, и насадилъ я еси. Не бо мечемъ своимъ наслѣдшиа землю, и мышца ихъ не спасе ихъ. Но десница Твоя, и мышца Твоя, и просвѣщеніе лица Твоего, яко благоволилъ еси въ нихъ* (Пс. 43, 4.). Такъ описываетъ Давидъ безопасность во всемъ благоугождающихъ Богу, и то, какъ достигается ими все, что для нихъ полезно, какъ по правдивому Божію промышленію пользуются они попеченіемъ о нихъ свыше, и по надеждѣ на Спасающаго повсюду безтрепетны. Они-то говорятъ: *не убоишя, ввсегда смущается земля, и прелгагаются горы въ сердца морская* (Пс. 45, 3.); если и вся тварь поколебавшпсь придетъ въ смятеніе и возмутится, окружаемые непрерывнымъ рядомъ бѣдствій, неустрашимся и не затрепещемъ, подобно тѣмъ, которые, будучи поражены ожданіемъ какого-либо несчастія, всякій шумъ и принесшійся звукъ представляютъ себѣ примѣнительно къ тому, что подозреваютъ: потому что всего помощиѣ совѣсть,

уязвляемая памятованіемъ худаго поступка ; все почитаетъ она враждебнымъ , непріязненнымъ , готовымъ мстить , по всегдашнему за худыя дѣла ожиданію наказанія , какое имѣетъ внутри себя , хотя бы и никто не зналъ и не могъ обличить (и), и думаетъ , что всѣмъ извѣстны ея сокровенности. Но не такова совѣсть , свободная отъ лукавства ; много имѣетъ она въ себѣ увѣренности , ни въ чемъ не усматривая основательной причины къ осужденію , и твердо надѣясь , что всегда для всѣхъ будетъ неодолима , папутьствіемъ къ дерзповенію имѣя невинность , и говоря иногда: *аще ополчится на мя полкъ , не убоится сердце мое* (Пс. 26, 3.); а иногда: *не убоюсь отъ темъ людей , окрестъ нападающихъ на мя* (Пс. 3, 7.). И что таковъ въ словахъ и дѣлахъ надѣющійся на Бога , видно сіе на самомъ сказавшемъ это Давидѣ , который съ симъ упованіемъ смѣло выходитъ противъ славнаго Голіаѳа , безъ воинскихъ орудій противъ огражденнаго оружіемъ , юноша противъ исполина , какъ на псовъ , взявъ только жезлъ и нѣсколько камней , и какъ пса , изложилъ его однимъ верженіемъ камня , не тѣлесною крѣпостію , но силою , какъ сказалъ онъ , невидимаго оружія — досточтимаго имени Божія. Ибо , на сію полагаясь защиту , выходитъ на брань , и рѣшимость свою

(и) По рукописи читается *καὶ μηδὲς συνέδει μηδὲ ἐλέγχων δέμας*.

выражаетъ словами, говоря: *ты идешь на мя съ мечемъ и копьемъ и щитомъ, азъ же иду на тя во имя Господа Бога Саваова, Бога ополченія Израилева* (1 Цар. 17, 45.); съ этимъ однимъ оружіемъ выступилъ онъ противъ такого вооруженія; Имъ и брошенный камень направилъ къ назначенной цѣли, и пробилъ мѣдный шлемъ, сокрушилъ безстыдное чело, низвергъ высоко-мѣрнаго, низложилъ на землю превозносившаго мыслию.

Глава 9. И поелику таковы были у Давида дѣла руки дѣтской, у которой стало силъ сдѣлать, что едва ли бы могли произвести камень, какой можно поднять рукою, пущенный изъ метательнаго снаряда, или стѣнобитное орудіе, дѣйствующее съ великою быстротою; то и преслѣдуемый врагами, каковъ былъ въ вѣрѣ, такимъ оказался и на опытѣ, нимало не терпя того, чему старались подвергнуть его гонители, но всегда превозмогая всякія козни, и безъ заботъ спасаясь изъ неодолимыхъ опасностей. Такъ Давида, гонимаго нѣкогда Сауломъ, прикрылъ камень, обѣими сторонами наложивъ тѣнь на того и другаго, и раздѣливъ и ищущаго и искомаго, чтобы невредимымъ сохранился Давидъ, который могъ потерпѣть общду отъ многолюдства. Такъ застигнутый въ лѣсу непріязненнымъ сыномъ Авессаломомъ, когда не было у него войска, соразмѣрнаго наступающей силѣ, потому что съ малочисленною дружиною вынужденъ былъ

вступать въ битву съ цѣлымъ народомъ, спорниками противъ ополчившихся незаконно употребилъ самыя дерева въ дубравѣ, каждое дерево вооруживъ къ отраженію бранной силы нападающихъ, и посредствомъ деревъ совершивъ то, что могло совершить множество опытныхъ въ военномъ дѣлѣ рукъ. Ибо сказано: *умножи дубрава поядати людей, паче неже ихъ пояде мечь* (2 Цар. 18, 8.). И послѣ поворота въ успѣхъ битвы, одинъ дубъ восхитилъ бѣгущаго отцеубійцу, ухвативъ за волосы и снявъ съ несущаго его мска, какъ военачальникъ въ знаменіе побѣды, задержалъ онъ плѣннаго юношу, съ торжествомъ выставяя всѣмъ на позоръ сего нечестивца, рѣшившагося на безумную дерзость; всѣ же другіе дубы, въ другихъ мѣстахъ и повсюду, уязвляли непріятелей, въ мѣсто мечей употребивъ въ дѣло сучья. Такъ и въ другомъ случаѣ окруженный отъсюду множествомъ непріятелей, Давидъ беззаботно спалъ, въ знакъ и неоспоримое доказательство того, что не забывается объ окружившихъ, желающихъ дознать твердость его надежды, показывая небоязненный сонъ. Посему, хвалясь однажды, сказалъ: *азъ уснухъ и спяхъ, яко Господь заступитъ мя* (Пс. 3, 6.), во время сна ввѣрилъ тѣло Заступнику, и вскорѣ на дѣлѣ дозналъ силу сего Заступника, потому что воставъ нашелъ себя въ безопасномъ охраненіи стража, какъ самого Бога. Иногда же говорятъ: *все язицы обыдоша мя,*

и именованъ Господнимъ противляхся имъ (Пс. 117, 10.), тѣмъ же опять оружіемъ воспользо-
вавшись противъ нападающихъ, какое употре-
билъ прежде противъ Голіаѳа, и имѣлъ дѣйстви-
тельный опытъ силы, когда, безъ усилія бро-
сивъ изъ пращи камень, мощнымъ ударомъ низ-
ложилъ противника. Ему соревнующіе, послѣдовавшіе
Давиду прекрасно вѣщали Богу: *о имени
Твоемъ уничижилиъ возстающія на ны* (Пс. 43,
6.), посмѣваясь и издѣваясь надъ врагами; по-
тому что съ ними была Божія помощь, и угото-
вляла посрамленіе врагамъ. А что за уничиже-
ніе себя стали они достойными предъти въ обще-
ніе съ Богомъ, сіе показываетъ также Давидъ,
говоря: *аще поиду посреди снги смертныя, не
убоюся, яко Ты со мною еси* (Пс. 22, 4.); потому
что смертныя опасности тогда потопляютъ насъ,
когда далеко мы отъ Бога, какъ дѣйствительно
недостойныя помощи. А ставъ близкими къ сво-
имъ Ему по вѣрѣ и дѣламъ, мы выше всякой
козни и всякаго вреда, потому что высокая рука
подъемлетъ насъ на высоту надъ опасностями
отъ владычествующихъ долу и не сильныхъ ко-
снуться тѣхъ, которые по своей жизни стали
выше всякаго такого вреда. Приблизившимся къ
таковому состоянію Богъ изрекъ: *аще проходи-
ши сквозь воду, рыби не покрываютъ тебе: и аще
сквозь огнь пройдеши, пламень не опалитъ тебе,
яко съ тобою есмь Азъ Господь Богъ* (Исх. 13,
2. 3.). Такъ Богъ тѣмъ самымъ, что живое су-

щество нимало не терпитъ вреда отъ скоро губящихъ стихій, изъ которыхъ одна посредствомъ вдыханія воспаляетъ внутренности, а другая, посредствомъ того же вдыханія вовлекаемая, прекращаетъ самое дыханіе, показываетъ могущество силы Своей, предлагающей предѣлы естества и гибельное дѣлающей спасительнымъ, когда нѣкоторые, будучи достойны благодѣянія, идутъ по сямъ стихіямъ.

Г л а в а 10. Если же, приблизившись къ Богу, пользуемся такою милостію въ попеченіи о насъ, а удалившись отъ Бога, какъ безпомощные, отъ всего можемъ терпѣть вредъ; то должно заботиться намъ о праведности, приближающей насъ къ Богу и доставляющей намъ освобожденіе отъ страданій и необязанность; потому что, по слову премудраго Соломона, *праведникъ яко левъ уповаеть* (Прпт. 28, 1.), въ свободѣ жизни воспользовавшись естественнымъ благородствомъ и неустранимостью сего животнаго, и смѣло противоставъ всякому бѣдствію въ той увѣренности, что близко къ нему Сноборникъ, Который имѣющимъ нужду въ помощи, и по грубости нравовъ далеко отстоящимъ отъ помощника Бога, говоритъ: *еда не можетъ рука Моя спасти? Или отягчиль есмь слухъ Мой, еже не услышати? Но грѣси ваши разлучаютъ между вами и между Мною* (Ис. 59, 1.). Сими словами Богъ показалъ Свое расположеніе, что готовъ Онъ на защиту; но присовокупилъ и причину Его удер-

живающую, сказавъ: *грѣси ваши разлучаютъ между вами и Мною*, чтобы за то, что не приходитъ Онъ помощникомъ, не подлежать упрѣку, говорить, что въ требующихъ помощи нѣтъ состоянія достойнаго, чтобы помогать имъ, потому что къ приближающимся къ Богу, а не къ тѣмъ, которые далеко отступили отъ Него, имѣеть обычай приходитъ помощь Его (о). Сіе п патріархъ Авраамъ сказалъ требующему помощи богачу: *пропасть велика утвердится между нами и вами* (Лук. 16, 26.), симъ ясно показывая, что несправедные весьма удалены, не только отъ Бога, но и отъ мужей праведныхъ, и не могутъ получить никакой пользы отъ челоуѣколюбія, потому что правами далеко отстоятъ отъ сродства съ челоуѣколюбіемъ. А какое состояніе близко къ Богу, научаетъ Давидъ: *близъ Господь сокрушенныхъ сердцемъ, и смиренныя духомъ спасетъ* (Пс. 33, 19.). Ибо всего угоднѣе Богу скромный образъ мыслей, особливо когда въ преснѣніяхъ есть поводъ къ тому, чтобы надматься до безразсудности, но помысль остается невыходящимъ изъ умѣренности, не заносится высоко, возвѣщаемый воспоминаніями о совершенныхъ добрыхъ дѣлахъ, обыкновенно приводящими его въ пареніе, не доводитъ до пре-

(о) По рукоп. мѣсто сіе читается *ὅπως τῆς ἐπὶ μὴ παραγένηται βοήθως μέμψως εἰη ἀτηλλαμένως, τῆς βοηθείου καταστάσεως αξίας ἀκρίβους ἐν δεομ τοῖς τῆς βοηθείας, τοῖς πλησιύζουσι Θεῷ* и проч.

возношенія и совѣсть тѣмъ добрыми дѣлами, какія, какъ помнитъ, совершены въ душѣ. Таковъ тотъ, кто по законному предписанію совершаетъ пасху ноцію ; таковъ тотъ, кто снѣдаетъ самый опрѣснокъ. Одинъ достоинъ похвалы, стараясь какъ во тмѣ укрыться въ томъ, что дѣлаеть по Господнему совѣту, утаевая въ клѣти то, что, будучи узвано, приноситъ славу святости ; другой и по совершеніи дѣла пребываетъ такимъ скромнымъ и некичливымъ , какимъ былъ до совершенія. Ибо таковъ опрѣснокъ, не расширяется въ объемъ, подобно квасному хлѣбу, когда бываетъ приближенъ къ огню, но и въ это время остается въ смиренномъ видѣ, и означаетъ смиренномудраго, когда преусиѣваетъ онъ въ добродѣтели. Какъ огонь закваску, если не смѣшана она съ опрѣснокомъ, поднимаетъ вверхъ, и дѣлаеть, что раздуваясь принимаетъ она всякій, какой угодно, видъ: такъ добродѣтель вызываетъ душу на высокоуміе, если твердое сужденіе не приуготовитъ ее къ тому, чтобы данное ей соблюсти незыблемымъ.

Г л а в а 11. Такова та, которой говоритъ Божіе слово: *выя твоя яко монисты* (П. Пѣс. 1, 9.), свидѣтельствуя и о самомъ множествѣ добродѣтелей, и о смиреніи при всѣхъ сихъ добродѣтеляхъ , означая же *выю* правоту и высоту житія, а *монистами* образъ мыслей. Ибо, какъ вино горделиваго называетъ *желою желзною* (Ис. 48, 4.), за непреклонность и за то,

что по самомнѣнію подѣмается въ высоту и ожесточается отъ высокоумія, такъ вино добродѣтельнаго и смиренномудраго именуется золотымъ монистомъ, давая судить по виду сего украшенія о состояніи души, а по веществу онаго объ ея достоинствѣ, потому что мониста изъ прямой нити сгибается въ кругъ, и правый по жизни преклоняется къ смиренію. Ибо Изрекшій теперь невѣстѣ: *вья твоя яко мониста* вскорѣ за симъ говоритъ: *яко столпъ Давидовъ вья твоя* (II. Пѣс. 4, 4.); и еще: *вья твоя яко столпъ слоновый* (7, 11.), означая симъ, то восхожденіе добродѣтели въ высоту и возбужденную дѣятельность въ жизни, то смиренный образъ мыслей, то недоступность къ помысламъ самомнѣнія. Ибо по словому столпу ничто не можетъ идти, или ползти вверхъ, не имѣя за что ухватиться, и при самомъ прикосновеніи скользитъ по причинѣ гладкости: такъ и горделивый помысль не можетъ прикасаться къ скромному образу мыслей, въ которомъ всюду сглажены всѣ неровности тщеславія; потому что тщеславіе, по привычкѣ къ челоуѣкоугодно насѣкая въ душѣ возвышенности и ступеньки, доставляетъ удобное восхожденіе высокоумію, внушая самомнѣніе и кичливость мнимыми преспѣяніями челоуѣка. Посему-то Господь говоритъ иногда: блаженны смиренныя сердцемъ; а иногда: *егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должны бѣ-*

хотѣ сотворити, сотворихомѣ (Лук. 17, 10.). А симъ побуждаетъ при свѣтильникѣ блаженства посредствомъ таковой добродѣтели приобрѣтать полезное, и приобучаетъ размышленіемъ объ употребленныхъ Имъ смиренныхъ реченіяхъ умѣрять мысль о себѣ. Ибо кто всегда называетъ себя рабомъ неключимымъ, и разсуждаетъ, что приказанное Владѣющимъ исполнилъ онъ, какъ необходимый долгъ, тотъ никогда не возмечтаетъ о себѣ ничего высокаго, не осмѣлится когда-либо причислять себя къ сынамъ, въ содѣланномъ отдавъ только долгъ предписаннаго ему служенія, а не добровольную показавъ щедрость. Добродѣтель сія есть ограда, стѣна прочихъ добродѣтелей; сокровища души хранить она неокрадываемыми; за нее терпятъ скорби и нападенія всѣ святые, а равно и тѣ, которые соревнуютъ ихъ жизни, принуждаемые, по причинѣ непріятелей, осаждающихъ стѣну сію, всегда бодрствовать и трезвиться, чтобы враги, разрушивъ стѣну, и ворвавшись внутрь, не расхитили мгновенно богатства, приобрѣтеннаго долгимъ временемъ. Но не причиняютъ они вреда тѣмъ, которые бодрственно спдятъ за зубцами стѣны, и наступающіе помыслы высокоумія, какъ стрѣлами, отражаютъ этими словами: *раби неключими есмь: еже должны бѣхомѣ сотворити, сотворихомѣ*. Дѣйствительно никакъ не дозволяютъ они страсти гордыни войти внутрь; потому что расхищаетъ она все приобрѣтенное,

а наконецъ и умъ, много потрудившійся о семьхъ приобрѣтеніи, по собственному изволенію отводить плѣнникомъ. У разбойниковъ не въ обычаѣ раскапывать развалины, подъ которыми ничего не спрятано въ землѣ, и производящимъ морскіе разбой несносно нападать на корабли, не нагруженные множествомъ денегъ, да и обыскивающіе не берутся понапрасну обыскивать кладовыя, въ которыхъ нѣтъ богатства, и принимать на себя пустыи трудъ. Посему и о томъ, кому причиняютъ скорби, и кого беспокоятъ враги, разсуждай, что тѣмъ болѣе богатъ онъ добрыми дѣлами, чѣмъ больше наносящихъ ему безпокойство. И поэтому радуйся болѣе, нежели унывай, о томъ, что возобленные изъ преселенія сего отойдутъ въ отечество съ великимъ стяжаніемъ, и увѣчанными предстанутъ предъ Богомъ, не только за то, что мужественно подвизались, и съ подвига возвращаются богатыми, но и за то, что подвизаясь старался во время подвиговъ укрываться отъ здѣшнихъ зрителей, сохранивъ себѣ полное одобреніе въ будущемъ и неизреченной оной славы неумаливъ похвалами человѣческими.

Г л а в а 12. О славѣ уготованной творящимъ милостыню. Сколько доставитъ тогда благовременно накормленныйищій! Сколько и какіхъ воздаяній, при рукоплесканіи всего естества, принесутъ другія добрыя дѣла! Когда и прикрытый одеждою на стужѣ, и преданныи могилѣ

по смерти, и пользовавшийся уходомъ во время долговременной болѣзни, и введенный въ домъ странникъ, и утѣшенный въ темницѣ, явятся предъ судишцемъ къ Вѣдающему, что они потерпѣли, признавая своего благодѣтеля и имъ признаваемые, когда страшный всеѣмъ Судя, присвоивъ Себѣ милость, оказанную благодѣтельствованнымъ, скажетъ: что имъ вы содѣлали, то *Милъ сотвористе* (Матѳ. 25, 40.); тогда, скажи мнѣ, какія богатства сравнятся съ этимъ сладостнымъ и благоволительнымъ гласомъ? Какія похвалы почтень равнымъ тому славному провозглашенію, когда вся тварь увидитъ его восхваленнымъ, и не позавидуетъ (тогда не время будетъ зависти), а будетъ дивиться ему и ублажать его по причинѣ благъ, какихъ онъ удостоился? Наименуешь ли какое подобное веселіе въ этой жизни, которое могло бы столько возбуждать къ радованію? Найдешь ли какую радость столько сплннуую, чтобы сравниться ей съ этою радостію? Или какое удовольствіе, имѣющее хотя слѣдъ этого удовольствія? Или какую славу, хотя сколько нибудь приближающуюся къ этому прославленію? Если укажешь на самое царство, то сколько ни представляется блистательнымъ царство земное, не уподобляется оно тому, въ которое вводится этотъ указуемый Божіимъ словомъ, какъ непопненное скорбей неуподобляется непричастному онымъ, невольное отъ смятеній и страха — дающему миръ и

безмятежіе. Прекрасно воспользоваться симъ богатствомъ. Это значитъ, приобрести имущество, а не быть стражемъ сокровища, соблюдаемаго для другихъ : это значитъ, въ подлинномъ смыслѣ сдѣлать своею собственностію, что до тѣхъ почиталось только собственностію ; это значитъ, себя содѣлать наслѣдникомъ и преемникомъ оныхъ трудовъ, а не тѣмъ уступить приобретенное, которые нимадой не окажутъ пользы въ нуждѣ на судѣ. Это значитъ, земное положить на небо, тѣльное сдѣлать постояннымъ, временное премѣнить въ служащее къ вѣчному наслажденію. Это значитъ, подлинно стать домостроителемъ мамоны, приобрести друзей отъ мамоны, которые по смерти пріемлютъ въ крови, — здѣсь неприютныя, а тамъ страннопріимныя, въ настоящемъ вѣкѣ неукрывающіе отъ воздушныхъ перемѣнъ, а тогда пріемлющіе въ чудныя храмины того, кто утѣшалъ ихъ здѣсь въ скудости, и облегчалъ отъ зноя нужды общеніемъ въ потребномъ для тѣла.

Г л а в а 13. Это значитъ, быть мудрымъ домостроителемъ данныхъ отъ Бога имуществъ, на сребренки, изыдаемыя ржавчиною, купить нескончаемое царство, на настоящее—будущее, пмѣніе раздѣлить тѣмъ, въ чьей собственности достовѣрнымъ поручителемъ самъ Владыка всеческихъ Богъ, который благовременно отдаетъ долгъ съ ростомъ, не въ сотую долю, но во сто кратъ, когда полученіе даннаго въ заемъ полезно,

и употребленіе пригодно для долговременнаго наслажденія въ безпредѣльномъ вѣкѣ. Это значитъ, собирать сокровище на небеси, уготовить себѣ тамъ великое утѣшеніе, — дѣлать добро тайно, а славу воспріять явно при всей твари, смиренномудріемъ охранять земное богатство, и не выдавать его тщеславіемъ въ руки хищникамъ. Чтò для безопаснаго храненія денегъ кладовыя, двери и запоры; тò для добрыхъ дѣлъ скромный образъ мыслей, прикрывающій ихъ и подкапывателямъ стѣнь не подающій никакого случая къ похищенію. Добродѣтель сія и приобрѣтенное сохраняетъ, и научаетъ, какъ приобрѣсти еще неприобрѣтенное. Она учитъ за все благодарить Бога, и въ настоящихъ скорбяхъ утѣшаетъ ожиданіемъ будущихъ благъ. Она удерживаетъ раздражительность, устремляющуюся на отмщеніе врагамъ, усмиряя ее, какъ хищнаго пса, скромнымъ помысломъ. Она извѣстность и незнатность почитаетъ равночестными съ пребывающимъ всегда достоинствомъ души, а не съ брэнною ничтожностію, которая не надолго кажется торжествующею. Она убѣждаетъ почитать мужа главою и владыкою, какъ обучающая подчиненный членъ повиноваться во всемъ члену владычествующему. Ибо такъ и Создатель говоритъ Евѣ: *той тобою обладати будетъ* (Быт. 3, 16.); и Павелъ сказалъ: *жена же да боится мужа* (Еф. 5, 33.). И убѣжденная въ этомъ Сарра называла Авраама господиномъ, почитая того,

кого почитать повелѣлъ Законоположникъ. Она совѣтуетъ имѣть попеченіе о слугѣхъ, и обходиться съ нимъ какъ съ единоплеменникомъ, и кого владычество держитъ подъ игомъ службы, тому давать ослабу въ трубѣ побужденіями вести себя свободно, и боязливой всегда совѣсти повелѣваетъ внушать умѣренную отважность, чтобы не оставаться ей совершенно унылою, и въ бѣдственной долѣ своей не обвинять Бога, попустившаго сіе неравенство состояній. Она внушаетъ сострадательно помогать бѣдствующему въ нищетѣ, и представляетъ его Богу совершеннымъ въ добродѣтеляхъ, какъ царю представляютъ война, не имѣющаго тѣлесныхъ недостатковъ. У производящихъ военный наборъ принимается во вниманіе тѣлесный возрастъ, и не вносится въ списокъ имѣющей въ чемъ-либо недостатокъ; такъ и Богомъ отвергается, конечно, тотъ, кто несовершенъ во всемъ надлежащемъ, пренебреженіемъ о лѣпотѣ поругавъ благообразіе прочихъ добрыхъ дѣлъ. Почему должно равно стараться о всѣхъ добродѣтеляхъ, и одинаково всѣ сохранять, если только положено въ намѣреніи украсить образъ согласно съ первообразомъ, въ полномъ свѣтѣ осіять его божественными дарованіями, а не гнусными чертами души, утрачивающей въ себѣ лѣпоту. Ибо, по слову Апостола, кто исполнилъ весь законъ, согрѣшилъ же во одномъ, *бысть всльмъ повиненъ* (Гак. 2, 40.), какъ и въ прочемъ, что тре-

буется закономъ, естественно недостижшій совершенства, въ которомъ преуспѣть потщимся во славу все и всѣмъ подающаго Бога. Аминь. *Будите убо вы совершенни*, говоритъ Спаситель, *яко же Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѳ. 6, 48.). Ему слава во вѣки. Аминь.

С Л О В О О М О Л И Т В Ъ .

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Распаляемаго пламенемъ нечистыхъ страстей обыкновенно прохладжалъ ты меня прикосновениемъ боголюбивыхъ твоихъ писаній, утѣшалъ до крайности изнемогающій мой умъ, и блаженно подражалъ въ этомъ великому наставнику и учителю. И не удивительно; часть твоя всегда была славна, какъ и благословеннаго Іакова; потому что, хорошо послуживъ за Рахиль, и получивъ Лѣо, домогаешься имѣть и возлюбленную, какъ и за нее исполнившій седмилѣтіе. А я не отрекусь, потрудившись цѣлую ночь, ничего не поймалъ, и только въ твоемъ словѣ, опустивъ мрежу, уловилъ множество рыбъ; не думаю, чтобы онѣ были велики, однако же ихъ сто пятьдесятъ и три, и ихъ—то при равночисленности главъ, исполнивъ твое приказаніе, послалъ я къ тебѣ въ копнищѣ любви. Дивлюсь же тебѣ, и крайне соревную превосходному твоему расположенію, съ какимъ возлюбилъ ты главы о молитвѣ; ибо не просто желательно тебѣ имѣть ихъ подъ руками и видѣть написанными черниломъ на бумагѣ, но желалъ укоренить въ умѣ любовію и непамятозлобіемъ. Но поелику *вся сугуба, едино противу*

единого, по слову премудраго Иисуса (Сирах. 42, 25.), то прими ихъ не въ буквѣ только, но и въ духѣ, и уразумѣй, что буквѣ непременно предшествуетъ мысль, а безъ сего не будетъ и буквы. Посему и видъ молитвы двоякій: одинъ дѣятельный, другой созерцательный. Такъ и въ числѣ представляющееся съ перваго взгляда есть количество, а означаемое симъ—качество. Поэтому, слово о молитвѣ раздѣливъ на сто пятьдесятъ три главы, послали мы тебѣ евангельскій оброкъ, чтобы ты отыскалъ въ немъ пріятность ипосказательнаго числа; и очертаніе треугольника и шестиугольника, дающее видѣть и благочестивое вѣдѣніе Троицы, а вмѣстѣ и описаніе сего устройства. Число сто само по себѣ четырехугольно, а число пятьдесятъ три — треугольно и сферично; потому что число двадцать восемь — треугольно, а число двадцать пять — сферично (п);

(п) Святой Нилъ число 153 дѣлитъ на три числа 100, 28, 25, которые въ совокупности даютъ число 153, и называетъ число 100 четырехугольнымъ, числа 28 и 153 треугольными, а число 25 сферическимъ. Числами четырехугольными называются все числа квадратныя; потому что могутъ быть расположены въ видѣ четырехугольника, напр. квадратныя числа 4, 9; первое въ семъ видѣ: $\begin{bmatrix} 1 & 1 \\ 1 & 1 \end{bmatrix}$, а второе въ видѣ: $\begin{bmatrix} 1 & 1 & 1 \\ 1 & 1 & 1 \\ 1 & 1 & 1 \end{bmatrix}$; такъ и число 100, если расположить въ каждомъ изъ 10 рядовъ по 10 единицъ, составитъ четырехугольникъ. Посему общій видъ чиселъ четырехугольныхъ есть $m \times m$ или m^2 , гдѣ m означаетъ какое угодно естественное число. Если все числа, начиная отъ единицы, написать въ естественномъ ихъ порядкѣ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, и т. д., а потомъ складывать вмѣстѣ по 2, по 3, по 4, и т. д.; то числа отъ ихъ сложения происшед-

Ибо пятью пять есть двадцать пять (р). Поэтому

ишя, какъ то: $1+2=3$, $1+2+3=6$, $1+2+3+4=10$, и т. д., называются треугольными, потому что могутъ быть расположены въ видѣ треугольничковъ, число 3 наприм. въ видѣ , число 6 въ видѣ

Общій видъ сихъ чиселъ изображается чрезъ $\frac{m(m+1)}{2}$, гдѣ

m означаетъ послѣднее число въ порядкѣ естественныхъ чиселъ, которымъ окончено сложение. Такъ положивъ $m=7$, получимъ треугольное число

$\frac{7(7+1)}{2} = \frac{7 \cdot 8}{2} = 7 \cdot 4 = 28$, и положивъ $m=17$, получимъ также треугольное число

$\frac{17(17+1)}{2} = \frac{17 \cdot 18}{2} = 17 \cdot 9 = 153$.

Числа четырехугольныя, которыя, по найденному выше, суть квадратныя, и къ которымъ принадлежитъ число $25=5 \times 5=5^2$, могутъ быть располагаемы и инымъ способомъ; а именно: взявъ по порядку естественныя числа: 1, 2, 3, 4, ..., $(m-1)$, m , каждое изъ сихъ чиселъ начиная съ m располагай по окружностямъ непрерывно уменьшающимся и наконецъ сливающимся въ точку, въ которой найдешь себѣ мѣсто 1-ца, и потомъ каждую изъ сихъ постепенно уменьшающихся окружностей накладывай одну на другую, такъ чтобы чрезъ сіе образовалась поверхность полусферы; общая сложность чиселъ размѣщенныхъ на сей полусферической поверхности будетъ имѣть, какъ очевидно, тотъ же общій видъ, какой имѣло число

треугольное, а именно $\frac{m(m+1)}{2}$; почему двѣ таковыя полусферическія поверхности изобразятся чрезъ

$\frac{m(m+1)}{2} + \frac{m(m+1)}{2} =$

$m(m+1) = m^2 + m$. Но какъ при взаимномъ сложении сихъ поверхностей равныя окружности, на которыхъ размѣщено было по m чиселъ, совпадутъ въ одну; то явствуетъ, что на цѣлой сферической поверхности размѣщенныхъ чиселъ будетъ только $m^2 + m - m$ или m^2 . Такъ число $25=1+2+3+4+5+4+3+2+1$,

$$16=1+2+3+4+3+2+1,$$

$$9=1+2+3+2+1,$$

$$4=1+2+1,$$

(р) Вместо: κεφάλαια должно читать: εἰκοσι πέντε.

имѣть не только очертаніе четырёхугольника въ четверицѣ добродѣтелей, но и мудрое вѣдѣніе о семь вѣкѣхъ, уподобляющемся числу двадцать пять, по сферичности времени; потому что идутъ седмица за седмицею, мѣсяць за мѣсяцемъ, и годъ за годомъ, обращается время, и годовыя перемѣны, какъ видимъ, слѣдуютъ одна за другою, по движенію солнца, луны, весна, лѣто и т. д. Треугольникъ же означитъ для тебя вѣдѣніе Святыя Троицы; а еще, если чрезъ прибавленіе числа дойдешь до числа сто пятьдесятъ три, которое также треугольно: то надлежитъ тебѣ разумѣть вѣдѣніе дѣятельное, естественное, богословское, или вѣдѣніе вѣры, надежды, любви—золото, серебро, драгоценныя камни. Таково число; краткости же главъ не презирай, какъ умѣющей *и насыщаться и лишиться* (Филпп. 4, 12.), и вѣрно памятующей о томъ, Кто и двѣ лепты вдовицны не отвергъ, но пріялъ предпочтительно богатству многихъ другихъ. Посему, зная плодъ благорасположенія и любви, сохрани его искреннимъ братіямъ твоимъ, внушивъ имъ помолиться о недугующемъ, чтобы сталъ онъ здоровъ, и взявъ одръ свой, пачаль ходить по благодати Христа, истиннаго Бога нашего. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

СЛОВО О МОЛИТВѢ, РАЗДѢЛЕННОЕ НА 153 ГЛАВЫ.

(1). Если кто хочетъ приуготовить благовопный ѳиміамъ; то пусть, по закону, сложитъ по равной части *ливана чистаго*, кассію, *ониха и такти* (Исх. 30, 34.); это — четверица добродѣтелей. Если онѣ полны и уравнены, не будетъ преданъ умъ.

(2). Душа, очистившись полнотою добродѣтелей, приводитъ умъ въ невозмущаемое устройство, дѣлая его удобопріемлемымъ къ желаемому состоянію.

(3). Молитва есть бесѣда ума съ Богомъ. Посему, какое состояніе нужно уму, чтобы имѣть возможность (с) неподвижно предстоять предъ своимъ Владыкой, и бесѣдовать съ Нимъ безъ всякаго посредника?

(4). Если Моисею, покусившемуся приблизиться къ горящей на землѣ кушищѣ, воспрещено было сіе, пока не иззуетъ *сапоги отъ ногъ* (Исх. 3, 5.); то какъ же тебѣ, желая узрѣть Того, Кто выше всякаго понятія и чувства, и бесѣдовать съ Нимъ, не отрѣшить себя отъ всякаго страстнаго помышленія!

(5). Прежде всего молись о приобрѣтеніи слезъ, чтобы плачемъ смягчить тебѣ ту грубость, ка-

(с) По рукописи вместо: *ῥουχάση* читается: *ἰσχυρίση*.

кая есть въ душѣ твоей, и исповѣдавъ на себя *беззаконіе Господеви* (Пс. 31, 5.), получить отъ Него оставленіе грѣховъ.

(6). Пользуйся слезами къ успѣшности всякаго твоего прошенія ; потому что Владыка съ великою радостію пріемлетъ молитву , принесенную въ слезахъ.

(7). Если во время молитвы своей проливаешь потоки слезъ ; то нимало не превозносись самъ въ себѣ, будто бы ты выше многихъ. Молитва твоя привлекла тебѣ помощь въ томъ , чтобы могъ ты усердно исповѣдывать грѣхи свои, и унижествлять Владыку слезами.

(8). Посему, не обращай въ страсть того, что служить средствомъ отъ страстей, чтобы не прогнѣвать еще болѣе Даровавшаго благодать. Многіе, проливая слезы о грѣхахъ, и забывъ цѣль слезъ, обезумѣли и вышли изъ себя.

(9). Стой неутомимо, молись усильно, избѣгай всякой мысли о заботахъ и житейскихъ расчетахъ ; онѣ смущаютъ и тревожатъ тебя, чтобы ослабить напряженіе силъ твоихъ.

(10). Когда демоны увидятъ въ тебѣ расположеніе истинно помолиться, тогда влагаютъ въ тебя мысли о чемъ нибудь даже пужномъ , и вскорѣ потомъ оживляютъ памятованіе объ этомъ, побуждая умъ къ разысканію ; и онъ, не находя искомаго, сильно печалится и унываетъ. Когда же станетъ человекъ на молитву, демоны напо-

минають ему о томъ, чего онъ доискивался, и о чемъ помнилъ, чтобы умъ, утомившись дознаніемъ этого, утратилъ благоплодную молитву.

(11). Старайся умъ свой на время молитвы содѣлать глухимъ и пѣмымъ; и тогда можешь молиться.

(12). Когда встрѣтишь искушеніе, или прекословіе, или будешь вызванъ на то, чтобы, или по причинѣ сопротивленія возбудиться гнѣвомъ къ отмищенію, или произнести какое-либо сильное слово; тогда вспомни о молитвѣ и судѣ за нее, и тотчасъ остановится въ тебѣ безпорядочное движеніе.

(13). Что ни сдѣлаешь въ отмищеніе брату, оскорбившему тебя, все это во время молитвы послужитъ тебѣ въ соблазнъ.

(14). Молитва есть отпрыскъ кротости и негнѣвливости.

(15). Молитва есть огражденіе радости и благодаренія.

(16). Молитва есть врачевство отъ печали и унынія.

(17). *Иди, продаждь имъніе твое, и даждь нищимъ* (Матѣ. 19, 21.), и взявъ крестъ, отвергнись себя (16, 24.), чтобы можно тебѣ было молиться безъ развлеченія.

(18). Если хочешь молиться съ похвалою, отвергайся себя ежечасно, и всякія бѣды лобомудрено терпи за молитву.

(19). Если, претерпѣвая что-либо тяжкое, пре-

будешь любомудрымъ ; то плодъ сего обрѣтешь во время молитвы.

(20). Желая молиться, какъ должно, не печаль душу ; иначе тщетенъ твой подвигъ (т).

(21). Сказано: *остави даръ твой предъ алтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ* (Матѳ. 5, 24.), и тогда будешь молиться безмятежно ; потому что памятозлюбіе въ молящемся потемняетъ владычественный умъ и помрачаетъ его молитву.

(22). Тѣ, которые, обременивъ себя печальми и памятозлюбіемъ, думаютъ приступить къ молитвѣ, подобны черпающимъ воду и вливающимъ ее въ разбитую бочку.

(23). Если ты терпѣливъ ; то всегда будешь молиться съ радостію.

(24). Когда молишься должнымъ образомъ, можеть встрѣтиться тебѣ нечто такое, за что, по мнѣнію твоему, справедливо будетъ, непременно, поступить гнѣвно. Но гнѣвъ на ближняго во всякомъ случаѣ несправедливъ. Ибо, если разыщешь, то найдешь, что можно дѣло и безъ гнѣва устроить хорошо. Поэтому употребляй всѣ средства не давая выказываться гнѣву.

(25). Смотри, чтобы, думая уврачевать другаго, самому неостаться нецѣльнымъ, и не положить препятствія молитвѣ своей.

(т) По рукописи вмѣсто *τρεχίσι* читается: *προσείχησι*; т. е. напрасна твоя молитва.

(26). Щадя другихъ и неспъзъявля имъ своего гнѣва, самъ пайдешь пощаду, въ общемъ мнѣнїи покажешься благоразумнымъ, и будешь включенъ въ число молящихся.

(27). Вооружаясь противъ гнѣва, не прекратишь еще въ себѣ вожделѣнїя : потому что оно даетъ пищу гнѣву, а гнѣвъ возмущаетъ умное око, вредя молитвенному состоянїю.

(28). Молись, не одними внѣшними тѣлодвиженїями выражая молитву, но съ великимъ страхомъ обращай умъ свой къ сочувствїю духовной молитвы.

(29). Иногда, внезапно ставъ на молитву, будешь молиться хорошо ; а иногда, и много потрудившись, не достигнешь цѣли, и сіе для того, чтобы тебѣ еще паче взыскать, и прїобрѣтши, имѣть уже ненарушимое преспѣянїе.

(30). Когда приходитъ Ангелъ, мгновенно удаляются всѣ тревожившіе насъ, и умъ бываетъ въ полномъ упокоенїи, молясь здраво. А иногда не прекращается обычная брань, умъ борется, и невозможно ему возвестн взора ; потому что предваряется различными страстями ; впрочемъ, повскавъ болѣе, пайдеть, и толкушему успѣшно будетъ отверзто.

(31). Молись не о томъ, чтобы исполнились твои желанїя ; потому что оныя не во всякомъ случаѣ согласны съ Божїею волей ; но молись лучше, какъ научень, говоря: *да будетъ воля Твоя* во мнѣ (Матѣ. 6, 10.). Да и во всякомъ

дѣлѣ проси у Бога добраго и полезнаго душѣ, самъ же ты не во всякомъ случаѣ этого домогаешься.

(32). Молясь просилъ я часто себѣ того, что мнѣ казалось хорошимъ, и упорствовалъ въ прошеніи, неразумно принуждая Божию волю и не предоставляя Богу устроить лучше, что самъ Онъ признаеть полезнымъ; но получивъ просимое, въ послѣдствіи крайне скорбѣлъ, затѣмъ просилъ я, чтобы исполнилась лучше моя воля: потому что дѣло оказывалось для меня не такимъ, какъ думалъ я.

(33). Если иное какое благо, кромѣ Бога? Поэтому все касающееся до насъ предоставимъ Ему, и намъ будетъ хорошо; потому что Благій, безъ сомнѣнія, есть Податель и благихъ даровъ.

(34). Не домогайся немедленно получить просимое, какъ бы приобрѣтая это силою. Богу угодно, если долго пребудешь въ молитвѣ, оказать тебѣ большее благодѣяніе. А что выше сего — бесѣдовать съ Богомъ и быть привлекаемымъ въ общеніе съ Нимъ?

(35). Молитва есть восхожденіе ума къ Богу.

(36). Если желаешь молиться, отрекись отъ всего, чтобы все наследовать.

(37). Молился во первыхъ объ очищеніи отъ страстей, во вторыхъ объ избавленіи отъ невѣдѣнія, и въ третьихъ о спасеніи отъ всякаго искушенія и оставленія.

(38). Въ молитвѣ проси только правды и царствія, то есть, добродѣтели и вѣдѣнія, и прочее все *приложится тебѣ* (Матѳ. 6, 33.).

(39). Справедливо молиться не о собственномъ только своемъ очищеніи, но и объ очищеніи всякаго соплеменика, чтобы подражать въ этомъ ангельскому праву.

(40). Смотри, дѣйствительно ли Богу предстагь ты во время молитвы своей, или преодолевало тебя желаніе людской похвалы, и ее старался ты уловить, наружную молитву употребивъ, какъ покровъ.

(41). Молишься ли съ братією, или на единѣ, старайся молиться не по обычаю, но съ чувствомъ.

(42). Молитвѣ обычно размышленіе съ благоговѣніемъ, сокрушеніемъ и душевною болью при исповѣданіи грѣхонаденій съ безмолвными вздыханіями.

(43). Если умъ твой во время молитвы засматривается на юность; то молится онъ не какъ монахъ, а какъ еще мірянинъ, украшая виѣшнюю скиню.

(44). Молясь, по мѣрѣ силъ охраняй свою память, чтобы не что-либо свое внушала тебѣ, но возбуждала тебя къ разумному продолженію молитвы; потому что умъ во время молитвы обыкновенно крайне окрадывается памятію.

(45). Память молящемуся приводитъ на мысль,

или представленія о чемъ-либо давнемъ, или новыя заботы, или лице человѣка оскорбившаго.

(46). Демонъ крайне зазидуетъ молящемуся человѣку, и употребляетъ всѣ средства, — затруднить его въ исполненіи намѣренія; поэтому не престааетъ посредствомъ памяти возбуждать мысли о разныхъ вещахъ, и посредствомъ плоти приводить въ движеніе всѣ страсти, чтобы положить ему препоны въ превосходномъ его шествиіи и преселеніи къ Богу.

(47). Когда вселукавый демонъ многими усиліями невозможноетъ воспренятствовать молитвѣ рачительнаго (у); тогда даетъ не надолго ослабу, и потомъ отмицаетъ на самомъ молившемся; или, воспламенивъ гнѣвомъ, уничтожаетъ то прекрасное состояніе, какое достигнуто молитвою, или возбудивъ къ какому-либо неразумному наслажденію, наноситъ поруганіе уму.

(48). Помолвившись, какъ должно, ожидай, чего и не должно бы ожидать, и стой мужественно, охраняя плодъ свой; потому что отъ начала поставленъ ты на то, чтобы *дѣлати и хранити* (Быт. 2, 15.). Поэтому, сдѣлавъ, не оставляй неохраемымъ того, надъ чѣмъ трудился; въ противномъ случаѣ, молясь, не получишь никакой пользы.

(49). Всякая брань, встающая у насъ съ ду-

(у) По рукописи вмѣсто: *тѣ оковдѣис* (рачительнаго), читается: *тѣв дѣкалов* (праведнаго).

хамя нечистыми, бываетъ не ради чего иного, какъ ради духовной молитвы; потому что молитва сія для нихъ крайне непріязненна и весьма ненавистна, а для насъ спасительна и весьма благоприятна.

(50). Для чего демонамъ хочется возбуждать въ насъ чревоугодіе, блудъ, сребролюбіе, гнѣвъ, памятозлюбіе и прочія страсти? Для того, чтобы умъ, одобелѣвъ отъ нихъ, не могъ молиться, какъ должно: потому что страсти, получивъ начало въ безсловесной нашей части, не дозволяютъ уму дѣйствовать словесно и выкатъ въ Божіе слово.

(51). Добродѣтели проходимъ мы по законамъ вещей сотворенныхъ, а сіи законы по закону первоначальному ихъ осуществившему; этотъ же законъ обыкновенно открывается въ состояніи молитвенномъ.

(52). Молитвенное состояніе есть безстрастный навѣкъ, высочайшею любовію на мысленную высоту восхищающіилюбомудрїи и духовный умъ.

(53). Стремящійся къ тому, чтобы молиться истинно, долженъ не только господствовать надъ раздражительностію и похотию, но не имѣть и страстнаго помышленія.

(54). Кто любитъ Бога, тотъ всегда бесѣдуетъ съ Нимъ, какъ съ Отцемъ, уклоняясь отъ всякаго страстнаго помышленія.

(55). Не всякій достигшій безстрастія молится

уже истинно ; потому что можетъ онъ останавливаться на голыхъ представленіяхъ, развлекаться ихъ разсмотрѣніемъ, и далеко отстоять отъ Бога.

(56). Когда умъ и не останавливается долго на голыхъ представленіяхъ вещей, и тогда онъ не вступилъ еще въ область молитвы ; потому что можетъ заниматься разсмотрѣніемъ сихъ вещей и размышлять о законахъ ихъ , а все сіе (хотя и голыя это слова, однако же какъ дѣйствительное представленіе вещей), даетъ уму свой образъ, и далеко отводитъ его отъ Бога.

(57). Если умъ будетъ и выше изслѣдованій тѣлесной природы ; то не узрѣлъ онъ еще совершеннаго Божія мѣстопребыванія ; потому что можетъ быть въ вѣдѣніи мысленнаго и различно видоизмѣняться въ отношеніи къ сему вѣдѣнію.

(58). Если хочешь молиться , то необходимъ для тебя Богъ , Который даетъ молитву молящемуся ; поэтому Его призывай, говоря: *да святится имя Твое , да придетъ царствіе Твое* (Матѳ. 6, 9. 10.), то есть , да придетъ Святыи Духъ и едиnorodный Сынъ Твой. Ибо такъ научилъ, говоря: *духомъ и истинною достоинъ кланяться Богу* (Іоан. 4, 24.), то есть, Отцу; потому что Тронца сія — Богъ (Ф).

(59). Кто молится духомъ и истинною , тотъ

Ф. По рукописи не читаются послѣднія слова: *ἐν τῷ αἵματι τοῦ κυρίου*.
Θεοῦ.

уже не въ тваряхъ чувствуетъ Создателя, по пѣспословитъ Его въ Немъ Самомъ.

(60). Если ты богословъ, то будешь молиться истинно; и если истинно молиться будешь, то ты богословъ.

(61). Когда умъ твой по великой любви къ Богу, по немногу отрѣшается отъ плоти, и отвращается отъ всякихъ помышлений, ведущихъ начало отъ вождельнія, или памятованія (х), или сопряженія съ плотію, исполняясь вмѣстѣ и благоговѣнія и радости; тогда заключай, что близокъ ты къ предѣламъ молитвы.

(62). Святѣйшій Духъ, изъ состраданія къ нашей немощи, посѣщаетъ насъ, хотя мы и нечисты, и если находитъ умъ нашъ правдолюбиво Ему молящимся, нисходитъ на него, и побуждая его къ дѣламъ духовной молитвы, уничтожаетъ все окружающее его полчище помысловъ, или представлений.

(63). Прочіе посредствомъ тѣлесныхъ измѣненій производятъ въ умѣ помыслы, представленія и усмотрѣнія; а Богъ дѣйствуетъ противнымъ сему образомъ. Онъ нисходитъ въ самый умъ, влагаетъ въ него вѣдѣніе, какое Ему угодно, и посредствомъ ума усыпляетъ невоздержность тѣла.

(64). Кто любитъ истинную молитву, и гнѣвается, или памятозлобствуетъ, тотъ поврежденъ

‘х; Сие слово дополнено по рукописи.

въ умѣ ; потому что уподобляется человѣку, который хочетъ разсмотрѣть ясно, и обращаетъ туда и сюда глаза свои.

(65). Если желаешь молиться, то не дѣлай ничего противнаго молитвѣ, чтобы Богъ приблизился, и ходилъ вмѣстѣ съ тобою.

(66). Молясь, Божества не облакай въ себя въ образы, и не позволяй, чтобы и умъ твой принималъ на себя какой-либо обликъ ; но невещественнымъ приступай къ Невещественному, и придешь въ единеніе.

(67). Остерегайся вражескихъ сѣтей ; потому что иногда молишься ты чисто и невозмутимо, и вдругъ предстанетъ тебѣ странный и чудный образъ, который вводитъ тебя въ самомишіе предположеніемъ, что въ образѣ семъ видишь Божество, чтобы симъ внезапнымъ откровеніемъ убѣдить, будто бы Божество количественно, тогда какъ Оно не имѣетъ ни количественности, ни очертанія.

(68). Когда завистливый демонъ во время молитвы не возможетъ возбудить твою память ; тогда принуждаетъ тѣлесное сложеніе произвести въ умѣ какое-либо странное мечтаніе, и сообразно съ онымъ настроитъ умъ ; а онъ, по навѣкѣ слагать представленія, удобно преклоняется, и стремясь къ невещественному и не облакаемому въ образы вѣдѣнію, обманывается, вмѣсто свѣта удерживая у себя дымъ.

(69). Стой на стражѣ своей, охраняя умъ свой

отъ помышлений, чтобы, во время молитвы пребывать тебѣ въ покоѣ своемъ, и чтобы Состраждущіи къ невѣдущимъ посѣтили и тебя; и тогда примешь преславный даръ молитвы.

(70). Невозможешь молиться чисто, если связаешь ты дѣлами вещественными, и возмущенъ непрестанными заботами; потому что молитва есть отложеніе помышлений.

(71). Связанный не можетъ бѣжать, и умъ, работяствующій страстямъ, не увидитъ области духовной молитвы; потому что увлекается и носится всюду страстнымъ помышленіемъ, а не стоитъ непоколебимо.

(72). Когда умъ молится наконецъ чисто, неразвлеченно и истинно, тогда демоны приступаютъ уже не съ лѣвой, но съ правой, стороны; представляютъ ему на видъ Божию славу и какой-либо обликъ пріятный для чувства, такъ что уму кажется, будто бы онъ совершенно достигъ цѣли молитвы. Но это, какъ сказалъ одинъ чудный и вѣдущій мужъ, происходитъ отъ страсти тщеславія, и отъ того, что демонъ прикасается къ мозговому вмѣстплещу, и приводитъ въ сотрясеніе кровеносныя жилы.

(73). Думаю, что демонъ, прикасаясь къ сказанному выше мозговому вмѣстплещу, пзмѣняетъ свѣтъ ума, какъ ему угодно, и такимъ образомъ возбуждается страсть тщеславія въ помыслѣ, который рѣшительно настраиваетъ легкомысленный умъ образовать въ себѣ божественное и су-

щественное вѣдѣніе. И таковой умъ, нетревожимый плотскими и нечистыми страстями, по остающійся чистымъ, никакъ не предполагаетъ въ себѣ какого-либо вражескаго дѣйствія, а потому заключаетъ, что Божіе это явленіе, тогда какъ оно произошло отъ демона, который посредствомъ мозгового вмѣстителя, по сказанному, измѣняетъ сопряженный съ нимъ свѣтъ ума и настраиваетъ самый умъ (ц).

(74). Ангелъ Божій, представъ, однимъ словомъ прекращаетъ въ насъ вражеское дѣйствіе, и возбуждаетъ свѣтъ ума къ несогрѣшительной дѣятельности.

(75). Сказанное въ Апокалипсисѣ объ Ангелѣ приносящемъ ѳиміамъ, *да дастъ молитвамъ святымъ* (Апок. 8, 3.), думаю, указываетъ на сію благодать, подаваемую чрезъ Ангела; потому что сообщаетъ вѣдѣніе истинной молитвы, такъ что умъ дѣлается уже свободнымъ отъ всякаго волненія, унынія и нерадѣнія.

(76). О ѳіалахъ, полныхъ ѳиміама, говорится, что это суть *молитвы святыхъ*, какія приносятся *двадцать четыре старца* (Апок. 5, 8.).

(77). Подъ ѳіаломъ же разумѣть должно содружество съ Богомъ, или совершенную и духовную любовь, при которой молитва совершается духомъ и истинною.

ц) По рукописи читается *διὰ του αγγέλου το ουκ ἐπιζημιον φουσιουοντος και μορφουοντος* и проч.

(78). Когда представится тебѣ, что во время молитвы твоей нѣтъ тебѣ нужды проливать слезы за грѣхъ; тогда вникни, сколько ты удалился отъ Бога, въ Которомъ всегда долженъ ты пребывать, и проливай горячія слезы.

(79). Да, познавъ мѣру свою, сладко восплачешь, подобно Исаиѣ, именуя себя окаяннымъ, потому что, будучи нечистъ, и *нечисты устни и мый*, и живя *посредь* таковыхъ же людей, осмѣливаешься предстоять предъ лицомъ Господа Саваоѹа (Ис. 6, 5.).

(80). Если будешь молиться истинно, то обрѣтешь великую увѣренность, и соберутся къ тебѣ Ангелы, и озарятъ свѣтомъ законы того, что происходитъ.

(81). Знай, что святые Ангелы побуждаютъ насъ къ молитвѣ, и стоятъ съ нами, вмѣстѣ и радуясь и молясь о насъ. Поэтому, если возне-
радимъ, и прїимемъ въ себя противныя помыслы, то мы крайне оскорбимъ ихъ тѣмъ, что они столько за насъ подвизаются, а мы и за себя не хотимъ молить Бога, но пренебрегая ихъ служеніе, и оставляя ихъ Бога и Владыку, влодимъ въ общеніе съ нечестыми демонами.

(82). Молись благодушно и несмущенно, и пой разумно и стройно; и будешь какъ орліи птенецъ, парящій въ высоту.

(83). Псалмопѣніе усыпляетъ страсти, и заставляеть утихнуть тѣлесную невоздержность;

а молитва приготавливаетъ умъ къ тому, чтобы приводить ему въ дѣйствіе свою дѣятельность,

(84). Молитва есть дѣйствіе приличное достоинству ума, или лучшее и чистое его употребленіе (ч).

(85). Псалмопѣніе есть образъ многообразной мудрости, а молитва есть начатокъ невещественнаго и многообразнаго вѣдѣнія.

(86). Вѣдѣніе весьма прекрасно; потому что оно содѣйствуетъ молитвѣ, мысленную силу ума пробуждая къ созерцанію божественнаго вѣдѣнія.

(87). Если непріязль еще ты дара молитвы, или псалмопѣнія; то жди неутомимо, и приимешь.

(88). *Глагола же и притчу къ нимъ, како подобаетъ всегда молиться и не стужати си* (Лук. 18, 1.). Поэтому не стужай и не унывай, какъ непріязвшій еще; потому что приимешь въ послѣдствіи. Въ притчѣ присовокупилъ Господь и сіе: *аще и Бога не боюся, и чловьки не срамляюся: но зане творитъ ми труды жена сія, отмишу ея* (5.). Поэтому и Богъ сотворитъ также *отмищеніе вопіющихъ къ Немю день и ноць вскорь* (7.). И ты благодумствуй, съ трудолюбивымъ терпѣніемъ пребывая въ святой молитвѣ.

(89). Желай, чтобы дѣла твои устроялись, не какъ тебѣ представляется, но какъ угодно сіе

(ч) По рукописи вместо *κρίσις* читается *γρίσις*.

Богу, и будешь несмущенъ и благодаренъ въ молитвѣ своей.

(90). Хотя кажется тебѣ, что ты уже съ Богомъ, однако же остерегайся демона блуда; потому что онъ великій обманщикъ, весьма завистливъ, хочетъ быть дѣятельнѣе движенія и трезвенности ума твоего, и отвлечь его отъ Бога, даже когда предстоитъ онъ Богу съ благоговѣніемъ и страхомъ.

(91). Если радѣешь о молитвѣ; то готовься къ нападеніямъ демоновъ, и терпѣливо переноси отъ нихъ удары; потому что, какъ дикіе звѣри, будутъ наступать на тебя и терзать все тѣло твое.

(92). Какъ опытный боецъ будь готовъ, увидишь ли внезапно мечтаніе, не колебаться, или извлеченный на тебя мечъ, или пламенный, держимый у тебя передъ лицомъ, не смущаться, или какой нибудь непріятный и окровавленный образъ — ни мало не упадать духомъ, но стой, исповѣдая доброе свое исповѣданіе, и спокойно будешь смотрѣть на враговъ своихъ.

(93). Кто переноситъ печальное, тотъ сподобится и радостнаго; и кто тершитъ непріятности, тотъ не будетъ лишенъ и пріятнаго.

(94). Смотри, чтобы лукавые демоны не обманули тебя какимъ-либо видѣніемъ, но обратясь къ молитвѣ, будь благоразуменъ, и моли Бога, чтобы, если мысль отъ Него, Самъ просвѣтилъ тебя, а если не отъ Него, скорѣе отгналъ отъ

тебя обольщеніе. И будь благонадеженъ ; псы не устоятъ, если ты пламенно занятъ собесѣдованіемъ съ Богомъ ; ибо тотчасъ, невидимо и непримѣтно поражаемые Божіею силою, далеко будутъ прогнаны отъ тебя.

(95). Стоитъ твоего вниманія знать и эту хитрость ; демоны на время дѣйствуютъ другъ противъ друга, и если вздумаешь просить себѣ помощи, прочіе демоны входятъ къ тебѣ въ ангельскомъ образѣ, изгоняя вошедшихъ прежде, чтобы обмануть тебя тою мыслию, что это святые Ангелы.

(96). Имѣй попеченіе о великомъ смиренномудрїи, и поруганіе демонское да не коснется души твоей, рана не приблизится селенію твоему, *яко Ангеломъ своимъ заповѣсть сохрани ти тя* (Пс. 90, 10. 11.), и непримѣтно отгонять отъ тебя всю сопротивную силу.

(97). Кто имѣетъ попеченіе о чистой молитвѣ, тотъ слышитъ отъ демоновъ и шумъ, и стукъ, и голоса, и ругательства, но не падетъ, и не выдастъ имъ помысла, говоря Богу: *не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Пс. 22, 4.), и тому подобное.

(98). Во время таковыхъ искушеній употребляй краткую и усильную молитву.

(99). Если демоны будутъ угрожать тебѣ, что явятся внезапно въ воздухѣ, поразить и расхитятъ умъ твой, или, какъ звѣри, будутъ терзать тѣло твое : не бойся ихъ, и нимало не заботься

объ угрозы ихъ; потому что устрашаютъ тебя, искушая, обратишь ли на нихъ полное вниманіе, или совершенно пренебрежешь ихъ.

(100). Если Богу Вседержителю, Творцу и Промыслителю всѣхъ предсталъ ты въ молитвѣ (ш); то почему же предстоялъ Ему такъ неразумно, что ничѣмъ непревышаемый Божій страхъ не остановилъ твоего вниманія, а убоился ты мухъ и комаровъ? Или не слышишь Того, Кто говоритъ: *Господа Бога твоего да убоишися* (Втор. 10, 20); и еще: *Его же вся боятся и трепещутъ отъ лица силы Его* и такъ далѣе (2 Пар. 36.)?

(101). Какъ хлѣбъ служитъ пищею тѣлу, а добродѣтель душѣ: такъ духовная молитва есть пища ума.

(102). Не какъ фарисей, но какъ мытарь, молись въ священномъ мѣстѣ молитвы, чтобы и тебѣ быть оправданнымъ отъ Господа.

(103). Старайся никому не просить въ молитвѣ зла, чтобы создаемаго тобою не разрушать тебѣ, дѣлая молитву свою мерзкою.

(104). Задолжавшій *тьмою талантъ* да научить тебя, что, если не простишь должнику долга, то и самъ не получишь прощенія; ибо сказано: *предаде его мучителемъ* (Матѳ. 18, 34.).

(105). Когда стоишь на молитвѣ, отложи въ сторону тѣлесныя нужды, чтобы укушеніе ко-

(ш) Сие мѣсто исправлено по рукописи.

мара, или мухи не лишило тебя величайшаго приобрѣтенія, доставляемаго тебѣ молитвою.

(106). Сказывали намъ, что одному святому, когда онъ становился на молитву, столько противоборствовалъ лукавый, что, едва воздѣваетъ онъ руки, какъ демонъ преобразается во льва, поднимаетъ вверхъ переднія ноги, вопзаетъ когти своя въ бока подвижнику, и не оставляетъ его, пока не опуститъ онъ рукъ. Но молящійся до тѣхъ поръ не опускалъ рукъ, пока не совершалъ обычными молитвъ.

(107). Таковъ, какъ извѣстно намъ, былъ безмолвствовавшій во рву Іоаннъ малый, или лучше сказать, величайшій изъ монаховъ, который неподвижнымъ пребылъ въ присутствіи Божіемъ, когда демонъ въ видѣ дракона обвился вокругъ него, пожиралъ плоть его, и изблевывалъ ему въ лице.

(108). Безъ сомнѣнія читалъ ты житія тавеннисіотскихъ иноковъ, гдѣ говорится, что, когда авва (щ) говорилъ слово братіямъ, къ ногамъ его приползли двѣ ехидны, а онъ, нимало не смущаясь, изогнулъ ступни какъ бы сводомъ, пустилъ подъ нихъ ехиднь, продолжилъ слово до конца, и тогда уже, показавъ ихъ братіямъ, рассказалъ объ этомъ.

(109). Еще о другомъ духовномъ братѣ читали мы, что, когда онъ молился, приползла ехид-

(ш) По рукописи авва Феодоръ.

на и коснулась ноги его, и онъ не прежде опустилъ руки, какъ совершивъ обычную молитву, и никакого вреда не потерпѣлъ сеи возлюбившей Бога паче себя.

(110). Да не возносится выспрь око твое во время молитвы твоей, и, отвергнись плоти и души своей, живи умомъ.

(111). Другому святому мужу, безмолвствовавшему въ пустынѣ, когда онъ прилежно молился, явились демоны, и въ продолженіе двухъ недѣль играли имъ, какъ мячемъ, бросали въ верхъ и подхватывали на рогожу; однако же никакъ не могли отвлечь умъ его отъ пламенной молитвы.

(112). Иному еще боголюбцу, когда, ходя по пустынѣ, приготавлился онъ къ молитвѣ, явились два Ангела, и ставъ по сторонамъ, пошли съ нимъ рядомъ; но онъ вовсе не обратилъ на нихъ вниманія, чтобы не утратить лучшаго; ибо помнилъ апостольское изреченіе, въ которомъ сказано: *ни Ангели, ни Начала, ниже Силы* возмогутъ насъ *разлучити отъ любви Христовы* (Рим. 8, 38. 39.).

(113). Монахъ посредствомъ истинной молитвы дѣлается равноангельнымъ.

(114).¹ Желая узрѣть лице Отца небеснаго, никакъ не домогайся того, чтобы во время молитвы увидѣть тебѣ образъ, или обликъ.

(115). Не желай чувственно видѣть Ангеловъ, или Силы, или Христа, чтобы не впасть въ со-

вершенное умопомѣшательство, принявъ за пастыря волка и поклонившись враждебнымъ демонамъ.

(116). Начало заблужденія — тщеславіе ума. Движимый тщеславіемъ умъ покушается Божество описать какимъ-либо обликомъ и какимъ-либо очертаніями.

(117). Скажу это мое слово, какое говаривалъ п младшимъ: блаженъ умъ, который во время молитвы приобрѣлъ совершенное отрѣшеніе отъ всякихъ образовъ.

(118). Блаженъ умъ, который, молясь безъ развлеченія, воспріемлетъ непрестанно бѣольшую и бѣольшую любовь къ Богу.

(119). Блаженъ умъ, который во время молитвы дѣлается невещественнымъ и нестяжательнымъ.

(120). Блаженъ умъ, который во время молитвы приобрѣлъ совершенную нечувствительность.

(121). Блаженъ монахъ, который признаетъ себя отребіемъ всѣхъ.

(122). Блаженъ монахъ, который со всею радостію взираетъ на спасеніе и преспѣваніе всякаго, какъ на свое собственное.

(123). Блаженъ монахъ, который всякаго челоуѣка почитаетъ какъ бы Богомъ послѣ Бога.

(124). Тотъ монахъ, кто отъ всѣхъ отлученъ, и со всѣми въ согласіи.

(125). Тотъ монахъ, кто себя ставитъ наряду

со всякимъ ; потому что во всякомъ непрестанно думаетъ видѣть себя самого.

(126). Тотъ совершаетъ молитву , кто всегда каждую первую мысль свою плодоприноситъ Богу.

(127). Всякой лжи и всякой клятвы избѣгай, какъ монахъ и желающій молиться ; иначе напрасно принимаешь на себя несвойственный тебѣ видъ.

(128). Если хочешь молиться духомъ, ничего не замствуй отъ плоти, и не будетъ облака, предшествующаго тебѣ во время молитвы.

(129). Богу ввѣрай потребность тѣлесную, и не усумнишься, ввѣрая Ему потребность духовную.

(130). Если сподобишься пріять обѣтованія, то будешь царствовать ; посему, взирая на оныя, охотно будешь переносить настоящую нищету.

(131). Не отказывайся отъ нищеты и скорби — этой пищи для молитвы нетягостной.

(132). Тѣлесныя добродѣтели пусть сходятся у тебя съ душевными, а душевныя съ духовными, послѣднія же съ невещественнымъ вѣдѣніемъ.

(133). Молясь, замѣчай въ разсужденіи помысловъ, если безъ труда они утихнутъ, отъ чего произошло это, чтобы не понаестся въ сѣть, и въ заблужденіи не выдать себя врагамъ.

(134). Иногда демоны внушаютъ тебѣ помыслы, и снова побуждаютъ тебя молиться обѣ

ихъ одолѣниі, или прекословить имъ, и добровольно отступаютъ отъ тебя, чтобы обольстившись подумалъ ты, что началъ препобѣждать помыслы и устрашать демоновъ.

(135). Въ молитвѣ о преодолѣніи страсти, или демона, тревожащихъ тебя, вспомни того, кто говоритъ: *пожену враги моя, и постигну я, и невозвращуся, дондеже скончаются: оскорблю ихъ, и не возмогутъ стати, падутъ подъ ногама моима*, и такъ дагѣ (Пс. 17, 38. 39.), но скажи сіе благовременно, вооружаясь на сопротивниковъ смиренномудріемъ.

(136). Не думай, что пріобрѣлъ ты добродѣтель, если прежде не боролся за нее до крови; ибо, по слову божественнаго Апостола, должно до смерти стоять *противу грѣха* подвижнически и неукоризненно (Евр. 12, 4.).

(137). Если сдѣлаешь одному пользу, то потерпишь вредъ отъ другаго, чтобы, понесши обиду, сказалъ (ѣ), или сдѣлалъ ты что-либо несообразное, п худо расточилъ, что хорошо тобою собрано. Въ этомъ п состоитъ цѣль лукавыхъ демоновъ. Потому должно тебѣ быть разумно внимательнымъ.

(138). Ожидай демонскихъ на тебя устремленій, заботясь о томъ, какъ не впасть къ нимъ въ рабство.

1.) По рукописи вместо *ἐκείνς* читается *ἐκείνς*.

(139). Ночью демоны сами помогают смущать духовнаго учителя, а днемъ черезъ людей окружають его бѣдами, клеветами и опасностями.

(140). Не отказывайся терпѣть отъ этихъ сукноваловъ; если они поппрая ногами бьютъ, и растягивая терзають; то чрезъ это чувство твое дѣлается свѣтлѣе.

(141). Пока не отречешься отъ страстей, и умъ твой противится добродѣтели и истинѣ, до тѣхъ поръ не найдешь благовошнаго онміама въ пѣдрѣ своемъ.

(142). Желаетъ ли молиться? Преселившись отъ всего здѣшняго, всегда жительствуи на небесахъ, не голымъ только словомъ, но ангельскими дѣянїями и божественнымъ вѣдѣнїемъ.

(143). Если только при безуспѣшности воспоминаешь о Судїѣ, сколько Опъ страшенъ и неприятенъ; то не научился ты еще *работать Господеву со страхомъ, и радоваться Ему съ трепетомъ* (Пс. 2, 12.). Ибо знаи, что во время духовныхъ отдохновенїи и пришествїи наипаче должно служить Ему съ благоговѣнїемъ и чествованїемъ.

(144). Благоразуменъ тотъ, кто прежде совершеннаго покаянїя даетъ въ себѣ мѣсто скорбному памятованїю о грѣхахъ своихъ и объ осужденїи на вѣчный огонь въ наказанїе за нихъ.

(145). Кто пребываетъ во грѣхахъ и въ раздражительномъ состоянїи, и безъ стыда осмѣ-

ливается простираться къ вѣдѣнію Божественнаго, или восходить до невещественной молитвы, тотъ да подвергнется апостольскому запрещенію, потому что не безопасно ему молиться съ обнаженною и непокровенною главою; ꙗко Апостолъ говоритъ: *должна есть* таковая *власть имѣти на главы* предстоящихъ *Ангель ради* (1 Кор. 11, 10.), т. е. должна облечься стыдомъ и надлежащимъ смиренномудріемъ.

(146). Какъ больному глазами не принесетъ пользы, въ самый полдень и при сильномъ свѣтѣ долгое и напряженное смотрѣніе на солнце: такъ уму страстному и нечистому вовсе не доставитъ пользы изображеніе страниной и высокой молитвы духомъ и истиною, а напротивъ того возбудитъ Божіи на него гнѣвъ.

(147). Если пришедшаго къ алтарю съ даромъ не принялъ Неприимствующій на въ чемъ нужды и Нелицеприятный, пока не примирится онъ съ скорбѣвшимъ на него ближнимъ (Матѳ. 5, 23.); то смотри, сколько потребно осторожности и разсудительности, чтобы принести Богу благопріятный оміамъ на алтарѣ мысленномъ.

(148). Не будь словоохотень и славолубивъ; въ противномъ случаѣ не только *на хребтъ* твою, но и на лицѣ твою, будутъ *дѣлать грѣшницы* (Пс. 128, 3.), и во время молитвы послужитъ для шкъ посмѣшщемъ, увлекаемый и уловяемый странными помыслами.

(149). Внимательность, ищущая молитвы, обрѣ-

таетъ молитву ; потому что молитва, какъ и прочее, слѣдуетъ за внимательностію, о которой и должно стараться.

(150). Какъ всѣхъ чувствъ лучше зрѣніе: такъ всѣхъ добродѣтелей божественнѣе молитва.

(151). Похвала молитвы — не одно ея количество, но и качество: сіе даютъ видѣть и восходившіе *во святилище* (Дѣян. 3, 1.), и сказанное: *молящіяся не лишше глаголите*, и такъ далѣе (Матѹ. 6, 7.).

(152). Пока обращаешь вниманіе на соразмѣрность тѣла, и умъ твой любитъ украшенія скиннїи, не зрѣлъ ты до тѣхъ поръ еще области молитвы, но далекъ отъ тебя блаженный путь ея.

(153). Когда, стоя, на молитвѣ, ощущаешь радость, которая выше всякой другой радости ; тогда дѣйствительно обрѣлъ ты молитву.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИДЦАТЬ ПЕРВАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

ТВОРЕНІЯ ПРЕПОДОБНАГО НИЛА СИНАЙСКАГО.

(часть 1)

	<i>Стр.</i>
Къ монаху Агаію. Отдѣленіе 1. Введеніе.....	1
Отдѣленіе 2. О воздержаніи.....	7
Отдѣленіе 3. О тщеславіи.....	12
Отдѣленіе 4. О чтеніи и молитвѣ.....	16
Отдѣленіе 5. О томъ, что душамъ пристрастныхъ къ богатству, какъ животолюбивымъ, при смерти трудно разставаться съ жизнью.....	40
Отдѣленіе 6. О томъ, что справедливо наказываются собственность свою передающіе въ владѣніе, кому случится.....	46
Отдѣленіе 7. О тѣхъ, которые во время кончины не прилагаютъ попеченія о своемъ спасеніи, но пишутъ завѣщанія, и отдають приказы о томъ, надъ чѣмъ не имѣють власти.....	51

Отдѣленіе 8. О томъ, что страждущіе при жизни безнечностію и во время кончины вмѣсто того, чтобы позаботиться о самихъ себѣ, прилагаютъ стараніе о томъ, какъ передать имѣніе свое наследникамъ.....	54
Отдѣленіе 9. Обличеніе пишущихъ завѣщанія.....	55
Отдѣленіе 10. О житіи блаженныхъ и злоуміи діавола.....	80
Отдѣленіе 11. Объ Іосифѣ и Сусаннѣ и о томъ, что подвигъ Іосифовъ выше подвига блаженной Сусанны.....	97
Отдѣленіе 12. Притча о виноградникѣ и о дѣлателяхъ нанятыхъ въ разные часы.....	136
Слово о молитвѣ.....	170
О восьми лукавыхъ духахъ. О чревоугодіи.....	201
О блудѣ.....	204
О сребролюбіи.....	208
О гнѣвѣ.....	210
О печали.....	212
Объ уныніи.....	215
О тщеславіи.....	217
О гордости.....	219
Къ Евлогію монаху. Слово 1-е.....	223
Къ нему же слово 2-е.....	272
О различныхъ лукавыхъ помыслахъ 27 главъ.....	278
Слово на евангельское изреченіе: <i>иже иматъ владѣніе</i> и проч. (Лук. 22, 36.).....	312
Сказанія о избіеніи монаховъ на горѣ Синайской и о плѣненіи Θεодула, сына Нилова.....	329
Похвальное слово Алвіану.....	414

ОПЕЧАТКИ

Напечатано:

Должно читать:

Стран. строк.

17	1 сн. не только	не столько
25	8 св. <i>въ кладь</i>	<i>въ кладь</i>
40	8 — пресеяешься	пресеяется
61	2 сн. тѣснимоу	тѣснимоу
63	5 св. зловоніа	зловоніе
66	12 сн. дары	дара
67	5 св. ни мало	ни мало
83	3 — скудности	скудости
85	11 — одного	одного)
119	15 — <i>пометанъ</i>	<i>наметанъ</i>
166	15 — въ крови	въ кровы
191	14 сн. отгонять	отгонять
238	12 — своего	твоего
276	4 св. рожекъ	роженъ
280	13 сн. не приложить	не приложитъ
290	2 св. обличаемъ	обличенъ
293	1 — понуждающіе	понууждаютъ
—	7 — ехидна. Этотъ звѣрь	ехидна—этотъ звѣрь
296	15 — и хитрости	о хитрости
297	9 — искушеніямъ	искушеніяхъ
307	13 — а иначе ли	и иначе ли
319	5 сн. въ <i>видѣнію</i>	къ видѣнію
322	7 св. Сему-го	Посему-го
327	12 — три помощи	при помощи
360	8 — на себя	на себя
364	6 — уводимому	уводимому тѣлу
377	4 сн. небовзвпенное	неболѣзненное